

№ 7, декабрь 2013

ВЕСТНИК *Института* Социологии

www.vestnik.isras.ru

С Е Т Е В О Й Ж У Р Н А Л

Тема номера:

**Города России:
визуальное
наблюдение социолога**

**/Белёв – город разрушенный,
всеми забытый, но родной
и любимый**

**/Иваново – студенческий городок
и центр нового «шёлкового
пути»**

**/Тамбов – культурный центр
чернозёмного крестьянского
края**

**/Нижний Новгород –
индустриальный центр
и хранитель ремёсел**

Международный редакционный совет

Председатель:

ЯДОВ Владимир Александрович – д. филос. н., проф., руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований ИС РАН, декан социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук;

ГАВРИЛЮК Вера Владимировна – д. социол. н., проф., директор института гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета;

ДИБИРОВ Абдул-Насир Зирарович – д. полит. н., заслуженный деятель науки Республики Дагестан, ректор Дагестанского института экономики и политики;

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – д. ист. н., проф., руководитель Центра исследования межнациональных отношений ИС РАН;

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович – д. социол. н., руководитель Центра социологии образования, науки и культуры ИС РАН;

КОССЕЛА Кшиштоф – проф. Института социологии Варшавского университета (Польша);

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – д. филос. н., проф., заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД РФ;

КРАСИН Юрий Андреевич – д. филос. н., проф., главный научный сотрудник ИС РАН;

КРУММ Райнхардт – д. филос. н., руководитель Российского филиала Фонда им. Ф. Эберта (Германия);

ЛАПИН Николай Иванович – член-корр. РАН, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии ИФ РАН;

МИНЗАРИПОВ Ряз Гатауллович – д. социол. н., проф., проректор Казанского (Приволжского) Федерального университета;

МИТРОВИЧ Любиша – проф., директор Института социологии Университета г. Ниш (Сербия);

МОРГАН Джон Уильям – д. филос., проф., Председатель национальной комиссии ЮНЕСКО, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Великобритания);

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич – д. социол. н., заведующий отделением социологии и общественных связей Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета;

ПАН Давэй – д. социол. н., проф., директор Центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук (Китай);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – д. социол. н., проф., заведующий кафедрой общей социологии, ординарный профессор НИУ-ВШЭ;

ЛИ Пэй Лин – проф., директор Института социологии Китайской академии общественных наук (Китай);

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджимурзаевна – д. ист. н., проф., заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета;

СКВОРЦОВ Николай Генрихович – д. социол. н., проф., декан факультета социологии и проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета;

ТАМАШ Пал – проф., академик Венгерской академии инженерных наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Венгерской академии наук (Венгрия);

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – д. социол. н., заместитель Председателя Учёного совета и заместитель директора по научной работе ИС РАН;

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корр. РАН, декан факультета социологии РГГУ, главный редактор научного журнала «Социологические исследования»;

ЧУЛУУНБААТАР Гэлэгпил – академик АН МНР, проф., директор Академии управления МНР (Монголия).

Редакционная коллегия

Главный редактор:

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН;

Заместители главного редактора:

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна – д. филос. н., проф., засл. деят. науки РФ ИС РАН;

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – д. социол. н., ИС РАН;

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – д. социол. н., ИС РАН.

Ответственный секретарь:

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – к. полит. н., ИС РАН.

Редактор:

АМЕЛЬКИНА Ольга Александровна – н. с., ИС РАН.

Члены:

АКИМКИН Е. М. – к. социол. н., ИС РАН;

БЫЗОВ Л. Г. – к. э. н., ИС РАН;

ГОФМАН А. Б. – д. социол. н., проф., ИС РАН;

ДАНИЛОВА Е. Н. – к. филос. н., ИС РАН;

ДЕНИСОВСКИЙ Г. М. – к. филос. н., ИС РАН;

ЖВИТИАШВИЛИ А. Ш. – к. ист. н., ИС РАН;

ЗУБОК Ю. А. – д. социол. н., проф., ИСПИ РАН;

КЛЮЧАРЁВ Г. А. – д. филос. н., проф., ИС РАН;

МАГУН В. С. – д. псих. н., ИС РАН;

МАРКИН В. В. – д. социол. н., проф., ИС РАН;

ПАТРУШЕВ С. В. – к. ист. н., ИС РАН;

РЫЖОВА С. В. – к. социол. н., ИС РАН;

СОГОМОНОВ А. Ю. – к. ист. н., ИС РАН;

ЯХИМОВИЧ З. П. – д. ист. н., проф., ИС РАН.

Содержание

<i>Халий И. А.</i> Представляю номер	5
Тема номера:	
Города России: визуальное наблюдение социолога	8
<i>Богданов В. С.</i> Город Белёв: исследование визуальной среды	8
<i>Халий И. А.</i> Ивановская область: разрушение стереотипов	43
<i>Аксёнова О. В.</i> Затерянный город: медийный конструкт или реальность	62
<i>Подъячев К. В.</i> Нижегородская область: индустриальный центр и хранитель ремёсел	75
Вопросы теории.....	91
<i>Мансуров В. А., Юрченко О. В.</i> Социология профессиональных групп: история становления и перспективы.....	91
Бюджетная реформа и образование.....	107
<i>Шмерлина И. А.</i> Российская бюджетная реформа в оценках муниципальных руководителей	107
<i>Колесникова Е. М.</i> Педагоги дошкольного образования: специфика профессиональной группы и рынка услуг	129
Риски современной России.....	153
<i>Хагуров Т. А.</i> Девиации, социальный контроль и риски взросления в современной России	153
<i>Оганисьян Ю. С.</i> Социальные риски малого бизнеса в России	182
Summary	196
Онлайн приложение. Морган В. Д. Максим Горький как социальный педагог: новое прочтение.....	200

И. А. Халий,
заместитель главного редактора
«Вестника Института социологии»

Представляю номер

Тема номера – «Города России: визуальное наблюдение социолога». Впервые удалось в полной мере воспользоваться преимуществами электронного издания, которое позволяет показать фотографии, сопровождающие аналитические тексты. Статьи рубрики не претендуют на отражение применения визуального метода в качестве основного для исследования во всех трёх проектах (см. указание на них в статьях), в рамках которых представлен материал. Однако авторы стремились продемонстрировать не только его вспомогательный характер, но и его основательную значимость при изучении конкретных сообществ (чего, к слову, не могут дать массовые опросы).

«Тема номера» представила визуальную картину мира провинциальной России средней полосы: [В. С. Богданов](#) повествует о *Белёвском районе Тульской области*; [И. А. Халий](#) показывает жизнь в *Иваново и нескольких городах области*; [О. В. Аксёнова](#) рассказывает о городах *Тамбовской области*, а [К. В. Подъячев](#) – о *Нижегородской области*. Важным при этом кажется то, что эта картина отличается от привычного всем россиянам образа регионов и их локальностей, транслируемого в СМИ. К тому же выявлено разнообразие малых провинциальных городов при их практически равных (финансовых и прочих) возможностях.

Хочется обратить внимание читателя на то, что две статьи из четырёх, представленных в «Теме номера», подготовлены молодыми учёными (Богдановым В. С. и Подъячевым К. В.).

Помимо этого в очередном выпуске Вестника есть ещё три рубрики.

Первая из них, ставшая уже вполне регулярной (что для научного издания естественно) – «[Вопросы теории](#)». В ней помещена статья [В. А. Мансурова](#) и [О. В. Юрченко](#) «*Социология профессиональных групп: история становления и перспективы*», анализирующая этапы исследований российских и зарубежных учёных и формирование самостоятельной отрасли социологии. Авторы выявили российскую специфику в сравнении с западной социологией и объяснили её причины.

При этом утверждается перспективность сочетания отечественных и западных теоретических подходов для данных исследований в современной России.

Следующая рубрика [«Бюджетная реформа и образование»](#) свидетельствует об общественной и научной значимости предмета исследования и практики реализации означенной реформы. В первой статье [И. А. Шмерлиной](#) *«Российская бюджетная реформа в оценках муниципальных руководителей»* анализируются проблемы, вызванные бюджетным реформированием в системе образования в целом, выявлены уязвимые места и риски, а также отношение к ним респондентов. Другой аспект осмысления бюджетной реформы в статье связан с возможными её последствиями – как позитивными, так и негативными, которые могут проявить себя даже в случае отсутствия обнаруженных рисков. Показано, что, по мнению респондентов, негативные последствия могут перекрыть всё положительное, что реформа могла бы принести в жизнь российского общества.

Вторая статья [Е. М. Колесниковой](#) *«Педагоги дошкольного образования: специфика профессиональной группы и рынка услуг»* посвящена исследованию ситуации, складывающейся в условиях реформирования в детских дошкольных учреждениях; показан результат сравнительного исследования государственных и негосударственных дошкольных учреждений. Доказано, что сложное современное положение педагогов дошкольного образования обусловлено ростом спроса на услугу, с одной стороны, и очевидной нерешённостью проблем сектора, определяющих статусные позиции группы, – с другой.

Наконец, последняя рубрика – [«Риски современной России»](#) свидетельствует об их разнообразности.

С одной стороны, показаны риски девиантного поведения и причины, их вызывающие (статья [Хагурова Т. А.](#) *«Девиации, социальный контроль и риски взросления в современной России»*). Анализ рисков взросления привёл автора к выводу об их обусловленности системными дисфункциями основных институтов социализации и социального контроля – семьи, школы, права, культуры. Теоретические размышления в статье соотносятся с большим объёмом данных эмпирических исследований. Автор предлагает возможные пути выхода из сложившегося кризиса воспитания.

С другой стороны, выявлены риски существования малого бизнеса, а также риски его слабого развития для страны (статья [Оганисьяна Ю. С.](#) *«Социальные риски малого бизнеса в России»*). Автор доказывает, что малый бизнес действительно стал пионером постсоветского рынка, но в остальном былые надежды во многом оказались иллюзорными – малый бизнес стал скорее не основой среднего класса, а источником новых социальных изгоев. Практически каждый контакт с любым из

чиновников – от губернатора до рядового полицейского или пожарного – таит в себе определённую социальную угрозу. Но, кроме этого, весьма опасны для малого бизнеса риски, создаваемые бюрократическим произволом и криминалитетом, «социально близким» администрации на региональном и местном уровнях.

В [Онлайн приложении](#) профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО в Ноттингемском университете (Великобритания) и Почётный доктор Института социологии РАН Вильям Джон Морган анализирует политические предпочтения А. М. Горького и их влияние на его творческую и педагогическую деятельность. Автор сам включает в название статьи понятие «новое прочтение», что, собственно, и вызвало наш интерес и приглашение к дискуссии.

Города России: визуальное наблюдение социолога

Город Белёв: исследование визуальной среды

Богданов Владимир Сергеевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН

E-mail: valarf@mail.ru

Город Белёв: исследование визуальной среды

Аннотация

В статье представлены результаты апробации методики фотографического наблюдения и метода визуального анализа на стыке визуальной и экоантропоцентрической социологии. Рассмотрены методологические и культурологические аспекты визуального исследования в контексте изучения проблем г. Белёва и Белёвского района Тульской области.

Ключевые слова: визуальная социология, экоантропоцентрическая социология, социология управления, визуальное исследование, методика фотографического наблюдения, метод визуального анализа, диагностика социальной ситуации

Апробация методологии визуального исследования малого города

В 2010-2011 гг. сотрудниками Центра социологии управления и социальных технологий и Сектора социально-экологических исследований Института социологии РАН было проведено социально-диагностическое исследование в Белёвском районе Тульской области в рамках исследовательского проекта «Коммуникативное пространство и социальная перспектива развития малых российских городов»¹.

Идея создать научно-исследовательский проект, направленный на изучение разных аспектов жизни малых российских городов, возникла за два года до момента проведения исследования в Белёвском районе. По своей сути он направлен на выявление и установление проблем, поиск латентных ресурсов и организацию мероприятий (решений), направленных на предотвращение процесса вымирания малых городов, на грани

¹ Грант РФФИ № 09-06-00413-а. Руководитель проекта – к. социол. н. В. А. Шилова, участники – к. социол. н. Е. М. Акимкин, к. социол. н. В. С. Богданов, С. М. Давыдова, к. социол. н. А. А. Мерзляков, Е. И. Рабинович, к. социол. н. О. А. Усачёва.

которого они оказались, столкнувшись с проблемами закрытия производств, демографическим кризисом, экологической ситуацией, пьянством, маятниковой и тотальной миграцией населения на заработки в крупные города и рядом других проблем. Времена, когда единственной проблемой русской провинции были «дороги и дураки», остались в далёком прошлом. Современный малый город оказался в крайне сложной многоаспектной проблемной ситуации и практически в одиночку борется за право оставаться на карте России, решая своими силами накопившиеся экономические и управленческие трудности, экологические, культурные, коммуникативные и социально-психологические проблемы, вопросы образования и профессиональной реализации, качества жизни.

Город Белёв Тульской области выбран нами не случайно, он привлекателен тем, что имеет огромный исторический багаж, православные корни, затронут Чернобыльской аварией, преодолевает последствия реформы местного самоуправления. Город в настоящий момент для исследовательской группы представляет научную площадку апробирования и модернизации социальной технологии Прогнозного социального проектирования (ПСП) в контексте эоантропоцентрической социологии¹, которая в дальнейшем может быть широко применима в масштабах страны. Безусловно, у малых российских городов есть потенциал развития, надо только рассмотреть скрытые ресурсы и правильным образом их использовать.

Трудно заглядывать вперёд, но надеемся, что полученный опыт положит начало длительному плодотворному сотрудничеству учёных с органами местной власти, предпринимателями, руководителями учреждений и предприятий, духовными лицами и отдельными заинтересованными жителями. А в целом жизнь в Белёве станет интереснее, позитивнее и лучше, и, главное, жители будут активнее включены в процессы коммуникации в контексте разработки и реализации конкретных организационно-управленческих решений на уровне своего города.

Первые обобщённые и осмысленные результаты нашего исследования в скором времени будут изданы в коллективной монографии. Эта статья является её предвестником, в которой автор постарался представить вниманию читателя наиболее интересные агрегированные данные в контексте визуальной репрезентации историко-культурного и современного пространства г. Белёва. Представленные результаты получены при помощи экспликации эмпирических данных о социальной

¹ Эоантропоцентрическая социология – междисциплинарная социологическая парадигма, интегрирующая разнопредметное знание под общим углом зрения на жизненные и социокультурные реалии как изменчивые следствия человеко-средовых интеракций. Разработана Т. М. Дридзе [Дридзе 1994, 1998, 2000, 2001].

ситуации и реальности изучаемого города. В рамках организации исследовательской работы мы предприняли попытку актуализировать проведение нашего исследования в научно-методологическом плане, применив для измерения фоновой социальной ситуации не только традиционные методы ПСП (анализ архивных материалов, прессы, массовый и экспертный опросы¹), но и не традиционные, обозначенные нами как «вспомогательные» – визуальный метод фиксации и визуальный анализ проблемных ситуаций городской среды, на котором мы более подробно остановимся ниже.

Консолидированный анализ данных всех этапов исследования, полученных при помощи обозначенных методов, помог нам лучше понять, как проходили жизненные циклы – процессы подъёма и падения, превращение поселения в город, и обратный – из города в деревню.

Традиционные методы исследования позволили осознать, что мы действительно имеем дело не просто с малым городом, а изучаем древний город с богатейшим историко-культурным наследием, традициями, уходящими в глубь веков, и духовным назначением на территории не только Тульской, но и других ближайших областей, городов, посёлков, деревень. В качестве примера можно упомянуть о том, что уже при первых князьях Белёв (XII в.) имел торговые связи со многими городами, на что указывают сохранившиеся большаки (большие дороги), а когда в Тульской губернии образовалась епархия, она стала называться Тульско-Белёвской, при этом Белёвский уезд был обладателем порядка 20 церквей.

Полученные данные показали и другую сторону городского наследия – проблемную, успевшую за последние десятилетия принять характер снежного кома и прочно занять место как в пространственной среде города, так и в сознании горожан. Некоторые отпечатки процессов отчуждения и разрухи, которые застали не только малые города, но и практически все российские поселения, нам удалось зафиксировать в изучаемом пространстве и усилить их репрезентацию фотоиллюстрациями на основе нетрадиционного метода социологии – визуального анализа.

В нашем случае в основу метода положена методика фотографического наблюдения, позволяющая исследователю на основе уже полученных эмпирических данных (традиционными методами) об изучаемом проблемном пространстве, фиксировать, анализировать и интерпретировать социально-значимые явления и процессы социальной реальности, проводить их репрезентацию в контексте логико-исследовательской

¹ Массовый и экспертный опросы были проведены в Белёвском районе Тульской области. Для обеспечения репрезентативности эмпирических данных была использована квотно-пропорциональная выборка с взаимосвязанными характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, места жительства. Объём выборочной совокупности для массового опроса составил 500 респондентов, экспертного опроса – 100 респондентов.

проблематизации. В принципе, мы не первые, кто делает что-то подобное и использует возможности фотографии с целью усиления действия одних методов другими для получения более детальной и развёрнутой информации об исследуемом объекте, а также использует фотосъёмку как уникальный источник свидетельств о социальных проблемах, который затем может быть использован как инструмент ускорения социальных изменений посредством артикуляции публичного внимания. Так, на рубеже XIX-XX вв. американские профессиональные фотографы и фотожурналисты включались в эмоциональную работу по документированию жизни людей в условиях экстремальной бедности, войны, стихийных бедствий и других проблемных жизненных ситуаций. Затем рассказывали о них, показывая убедительно достоверные свидетельства, которые впоследствии оказали позитивное влияние на становление и развитие социальной политики США [Ярская-Смирнова, Романов 2009]. Всплеск визуальных репрезентаций в социологии, осмысление значения фотографии в социальных науках начались в 60-70-е гг. прошлого столетия, вместе с пересмотром теоретических оснований исследовательских методов, а также поиском новых форм презентации знания в социальных науках. Учёные признали, что этнографическое знание, являясь переживаемым опытом, может репрезентироваться не только различными текстовыми, но и визуальными и другими чувственными способами, дополняя друг друга, обогащая «взгляд исследователя». С 1970 г. прослеживается резкое повышение интереса учёных, исследователей-практиков к визуальным методам и к изучению визуальных репрезентаций общественных процессов и явлений [Воронкова 2009]. Сегодня исследователь-практик, «выходя за пределы» как обыденной, так и художественной созерцательности, смело фиксирует происходящее в социальной реальности, объединяя теорию и практику полевых работ с навыками владения фотокамерой. В нашем случае мы реализуем подобную исследовательскую практику как некую форму обратной связи между горожанами и исследователями, когда первые являются творцами своей жизненной ситуации и средового пространственного окружения, а вторые – «фиксаторами» и интерпретаторами этой воспроизводимой социальной реальности с последующей её объективацией и трансляцией в практику повседневного сознания и деятельности жителей конкретного поселения. Такое включение горожан в научно-исследовательский дискурс даёт им возможность по-новому взвесить личностные жизненные позиции «за» и «против», оценить свой ресурсный потенциал, в некоторых случаях – активизироваться для изменения своей среды обитания, а также пересмотреть нормы социального поведения и остановить процессы подмены, навязывания определённых ценностей и социальных отношений со стороны «элиты одарённой», т. е. власти и всего, что вращается вокруг неё.

Мы прекрасно понимаем, что для эффективной активизации и организации инициатив населения, пробуждения и формирования гражданского сознания требуется периодическое включение исследователей-практиков в локальную социальную ситуацию [Акимкин 2010]. Подобное включение подразумевает социальную диагностику, мониторинг имеющихся данных, а также проведение лонгитюдного исследования визуальной среды. Под последней процедурой подразумевается регулярное обследование (не реже, чем раз в год) пространственной среды города с фиксацией в ней состояния одних и тех же изучаемых социальных и предметно-пространственных объектов. Социальными объектами могут быть места «плотной» городской коммуникации и взаимодействия (остановки, стадионы, рынки и т. д.), где горожане в той или иной мере реализуют социальные потребности. А предметно-пространственные объекты – это природный ландшафт (т. е. то, что создано природой или отчасти человеком) и архитектурно-пространственные сооружения с окружающими их инфраструктурными элементами – транспортные и инженерные сети (т. е. то, что воспроизвёл сам человек).

Для того чтобы понять, как мы работали с объектами пространственной среды города, какие контуры визуальной репрезентации историко-культурного и современного пространства г. Белёва нам удалось выделить и описать, обратимся к методологической части нашего исследования.

Методологическая часть

Прежде всего хотелось бы отметить, что в данной статье мы не будем глубоко внедряться в онтологические аспекты визуальной социологии как социологической дисциплины и не претендуем на защиту и включение её методов в один ряд с традиционными процедурами сбора и анализа эмпирической информации [Штомпка 2007; Рождественская, Семенова 2007; Запорожец 2007; Becker 1974], а хотим лишь в логике наших исследовательских задач показать, как апробировали методику фотографического наблюдения и метод визуального анализа (в качестве вспомогательного традиционным) и попытались увязать в рамках сбора и осмысления эмпирического материала два направления визуальной социологии: методологическое (создавать фотографии, чтобы анализировать социальную реальность) и культурологическое (анализировать фотографии, сделанные другими, чтобы исследовать индикаторы культуры и социальных отношений в городском пространстве).

Апробация состоялась в рамках диагностики социальной среды в контексте изучения проблем г. Белёва и Белёвского района Тульской области. В качестве методологической плат-

формы была задействована технология прогнозного социального проектирования (ПСП), которая ориентирована на интеграцию гуманитарного знания в процесс выработки вариантных образцов решений текущих и перспективных социально значимых проблем с учётом данных социально-диагностических исследований, доступных ресурсов и намечаемых целей развития регулируемой социальной ситуации [Дридзе 1994; 1998; 2000; 2001]. Запуску визуального исследования предшествовали следующие методы ПСП:

- информативно-целевой анализ прессы («Белёвская правда»);
- историческая паспортизация [Рабинович 1998] г. Белёв;
- опрос жителей «Как вам живётся в Белёвском районе»;
- опрос экспертов.

На основе полученного и проанализированного материала предыдущих исследовательских этапов были сформулированы цели, задачи и процедуры исполнения визуального исследования.

Научно-методологической целью стала организация процесса получения вспомогательных эмпирических данных для подтверждения или опровержения как сформулированных гипотез в рамках поставленных исследовательских задач, так и данных, полученных на различных этапах исследования.

Задачи визуального исследования заключались в следующем:

- выяснить возможности применения метода визуального анализа как вспомогательного инструментария в контексте реализации традиционных методологических процедур;
- при помощи фотографических наблюдений обеспечить охват проблемных узлов общего исследования, в частности определить объекты наблюдения конкретных проблемных ситуаций;
- провести качественный анализ содержания полученных эмпирических иллюстраций (фотоматериалов) на основе сравнительно-дескриптивного анализа данных¹ этапов общего исследования: экспертного и массового опросов, исторической паспортизации города и визуального исследования.

¹ У П. Штомпки в арсенале имеется структурный вид анализа фотографии, когда необходимо раскрыть её социологический смысл, проанализировать изображённых людей или же события с применением подходов социологической науки. В нашем случае мы используем не только фотографии, но и эмпирические данные социологических исследований, т. е. сравниваем и интерпретируем полученные данные по законам полисемантики, лежащие в основе принципов построения смысловой единицы, которой может быть и абзац монографии, и её иллюстрация.

Следует отметить, что структуризация фотографического проекта, исходя из целей и задач общего исследования, определила подготовку сценария съёмки и круг объектов наблюдения. В нашем случае это были представители малых социальных групп, достигаемые в пространстве фиксации социальной реальности, а также социально значимые объекты городской среды:

- субъекты городской коммуникации (дети, подростки, взрослые, пожилые, национальные группы, религиозные группы, места активных итераций, типы итераций);
- субъекты девиации (группы риска, места дислокации);
- субъекты социального действия (потребители, функционеры и управленцы, общественные деятели и др., места итераций, типы итераций);
- объекты городской инфраструктуры (центр, полупериферия, периферия), их состояние, поддержание, тип использования.

На основе принципов человеко-средового подхода [Дридзе 1994; 1998; 2000; 2001] и выделяемых в нём 4-х типов сред обитания человека была разработана программа визуального исследования, сформирована структура пошаговых визуальных фиксаций объектов через призму визуального воображения исследователя с опорой на эмпирические оценки их состояния.

1. Нерукотворная среда

1. Состояние объектов природного наследия: объекты и явления среды естественного происхождения, имеющие экологическую, оздоровительную, рекреационную, эстетическую и научную ценность (водоёмы и прочие природоохранные территории).

2. Состояние экологической среды:

- фиксация проблем неблагоустроенных дорог (центр, полупериферия, периферия), уточнение места расположения изучаемых объектов – расположение в городе, поселке, адрес;
- несанкционированные свалки в центре и на окраине города, поселка;
- заброшенные предприятия;
- изношенность городских автомобильных парков и единиц автотехники;
- другие экологические проблемы.

2. Рукотворная среда

1. Состояние производственно-технологической инфраструктуры:

- фиксация градообразующих объектов (завод «Трансмаш», швейная фабрика и др.);
- линии электропередач, тепло- и газокоммуникации;
- уличные «кустари».

2. Состояние качества жизни и потребительской среды:

- гипермаркеты («Копейка», «Магнит»);
- рынки;
- мелкие торговые точки (ларьки);
- сфера услуг (салоны, медицинские центры и юридические агентства);
- транспортные услуги (качество обслуживания и состояние автотранспортных парков, кассы и автовокзальные территории, единицы транспорта);
- общепит (наличие столовых, кафе, баров, ресторанов).

3. Культурная среда

1. Наличие и состояние инфраструктуры досуга и отдыха:

- зон отдыха на прудах, реках;
- мест досуга (баня, сауна, парки отдыха, центральные площади, кинотеатр, театр, кафе-бары, рестораны, торгово-развлекательный комплекс).

2. Наличие и состояние спортивных объектов:

- спортивные площадки, футбольные поля, стадионы;
- фитнес-центр.

3. Наличие самодеятельных музыкальных и танцевальных кружков.

4. Фиксация групп девиации.

4. Информационно-символическая среда

1. Фиксация объектов историко-культурного наследия (места духовного развития и просвещения):

- музеи;

- церкви, монастыри;
- объекты народного зодчества и учреждения, занимающиеся народным творчеством и изучением фольклора.

В результате визуальных фиксаций проблемных объектов на первом этапе лонгитюдного исследования (июль 2010 г.) сделано порядка 4500 фотографий (7,5 Гб) практически по всем обозначенным выше тематикам. Это удалось благодаря тому, что в реализации визуального исследования приняли участие сразу 5 исследователей, которые смогли параллельно с проведением экспертного и массового опроса фиксировать те проблемные явления, которые попадались на их пути в городской среде.

По факту сбора материала проведён ряд организационно-методологических семинаров с участием всех членов исследовательской группы. Было принято решение, что в рамках коллективного анализа (и обсуждения) состоится просмотр, отбор и структуризация фотоматериалов для повторной фиксации проблемных объектов в 2011 г. (т. е. через год после первой фиксации). В итоге было отобрано 500 фотографий для лонгитюда, и этот же материал в корреляции с уже полученными эмпирическими данными других этапов исследования стал основой для проведения сравнительно-дескриптивного анализа настоящего (современности) и прошлого (истории) г. Белёва. Отобрав эмпирическим путём дескрипторы для экспликации процессов воспроизводства и репрезентации историко-культурного наследия г. Белёва, мы постарались описать моменты зарождения города, значимые этапы развития, его нынешнее состояние – «здесь и сейчас». Перечислим отобранные дескрипторы: историческая справка; «город купцов и город торгашей»; «город мастеров»; «город церквей»; «город известных людей»; «город боевой славы и люди-герои»; «город разрухи, город-деревня».

В следующем разделе статьи мы остановимся более подробно на результатах сравнительно-дескриптивного анализа, который был применён в ходе группового детализированного отбора фотоматериала в корреляции с эмпирическими данными, собранными на основе экспертного и массового опросов, исторической паспортизации города.

На втором этапе лонгитюдного исследования визуальной среды (август 2011 г.) было сделано порядка 500 фотографий тех же самых проблемных узлов, что и в 2010 г. На наш взгляд, отобранные фотографии для лонгитюда наиболее репрезентировали проблемные ситуации пространственной среды и подтверждали всю их остроту. Так как фотографии первого этапа были структурированы и типологизированы в соответствии с отображениями на них контуров проблем 4-х типов сред обитания человека, то перед нами встал вопрос:

как в режиме сравнения эксплицировать все фотоиллюстрации двух этапов визуального исследования? Было принято решение подвергнуть полученный фотоматериал вторичной структуризации в соответствии с ранжированным списком социально значимых проблем, полученного от горожан в ходе массового и экспертного опросов. Далее мы выделили две группы проблем, из которых для анализа и эмпирической верификации была выбрана группа «Более доступные для фиксации». Внутри выделенной группы проведено повторное ранжирование проблем по признаку их наибольшей значимости для горожан:

- жилищно-коммунальное хозяйство: ремонт кровли, асфальтирование улиц и тротуаров; ремонт жилья (капитальный, текущий), наведение чистоты в подъездах, поддержание чистоты во дворах, благоустройство дворов;

- экологические проблемы: уборка мусора, качество воды, состояние окружающей среды и т. д.;

- организация культурного обслуживания и досуга детей, взрослых, семейного досуга;

- организация досуга молодёжи;

- водоснабжение и водообеспечение: налаживание устойчивого водоснабжения, подача воды, состояние водопровода, состояние колонок, аварии водопровода;

- проблема транспорта: автобусные маршруты, расписание, остановки (их состояние и оборудование), дополнительные рейсы, маршрутное такси, пригородные поезда и т. п.;

- проблемы автолюбителей: гаражи и стоянки, мойки, автозаправка, ремонт;

- торговое и бытовое обслуживание: открытие магазинов, качество обслуживания и т. п.

В итоге мы провели корреляцию фотографических данных лонгитюдного исследования с очерченным кругом проблем и эксплицировали (при помощи мнений жителей) их состояние, возможные перспективы их разрешения и последствия их неразрешения. В некоторых случаях нам удалось прибегнуть к ретроспективе и сравнить состояние проблемных узлов в историческом ракурсе.

Группа проблем «Условно доступные и недоступные для фиксации»:

- сохранение рабочих мест, безработица;

- молодёжная безработица;

- организация здравоохранения, медицинское обслуживание, отсутствие специалистов и т. п.;

- коррупция в структурах власти;
- горячее водоснабжение (перебои с водой);
- маленькая пенсия;
- обнищание населения;
- преступность, наркомания, проблема безопасности, обеспечение правопорядка, соблюдение паспортного режима, работа участкового;
- жилищная проблема (переселение, расселение, приватизация);
- газификация;
- организация бытового обслуживания;
- теплоснабжение (холодные батареи);
- земельная проблема (получение, выделение земельных участков и контроль над этими процессами);
- задержка выплаты заработной платы;
- электроснабжение (низкое напряжение, перебои и т. п.);
- телевидение (ремонт коллективных антенн);
- газоснабжение;
- радиовещание (качество сигнала).

Данную группу мы оставили без внимания, т. к. в рамках нашего опыта мы не смогли зафиксировать эти проблемы, и, соответственно, интерпретировать их.

История и современность Белёва. Первый этап лонгитюдного исследования визуальной среды

В данном разделе будут представлены результаты первого этапа лонгитюдного исследования визуальной среды г. Белёва, проведённого в августе 2010 г. Материалами для сравнительно-дескриптивного анализа стали эмпирические данные, собранные на основе экспертного и массового опросов, исторической паспортизации города, а также 500 фото-иллюстраций, отобранных в результате апробации визуального анализа и методики фотографического наблюдения. В итоге корреляции собранных данных были выбраны эмпирические дескрипторы, которые стали основой для нарративных типологий процессов зарождения города, значимых этапов развития, нынешнего его состояния.

Историческая справка

Белёв – один из самых древних малых городов России. Он располагается на левом берегу Оки, в 120 километрах от Тулы и в 105 – от Калуги. Первые упоминания в летописи о нём, как и о Москве, встречаются в 1147 г. История города богата и отчасти трагична: за время своего существования Белёв множество раз подвергался набегам и завоеваниям со стороны литовцев, татар, поляков, казаков. Более ста лет он просуществовал как самостоятельная политическая единица – Белёвское княжество – и к 1494 г. вошёл в состав Московского государства [Богуславский 2004].

Благодаря своему территориальному расположению Белёв быстро развивался как торгово-промышленный центр. Уже в XVII в. здесь был проведён водопровод с деревянными трубами. У города даже было право, которое имели лишь немногие, чеканить собственную монету. И как мы уже говорили, когда в Тульской губернии образовалась епархия, она стала называться Тульско-Белёвской.

Сегодня большинство жителей города в ответ на вопрос, каким они видят Белёв, описывают образ, соответствующий прошлому его состоянию. В сознании белёвцев их родной город всё ещё ассоциируется с прошлым подъёмом («город с богатой древней историей», «православный, духовный центр») и гораздо реже с сегодняшним состоянием и продолжающимся угасанием. На сегодняшний день Белёв – город с населением, по разным оценкам, около 15 тыс. жителей. Однако многие, как и в других малых городах страны, здесь лишь «числятся», работая в Туле, Калуге, Орле, а кто смог устроиться – и в Москве. Основные предприятия города немногочисленны. Так, к примеру, крупнейший в районе завод «Трансмаш» (выпускает огнетушители, тормозные цилиндры и другое оборудование для железнодорожного транспорта) является одним из немногих для города источником рабочих мест, но и тут директор сталкивается с проблемой нехватки специалистов. Есть и другие, закрытые и едва действующие заводы: консервный, кирпичный, завод строительных конструкций, мебельная (не работает), швейная фабрики. Три школы, медицинский колледж и техникум.

Сегодня большинство жителей Белёва описывают образ города, соответствующий прошлому его состоянию («город с богатой древней историей», «православный, духовный центр») и гораздо реже говорят о его сегодняшнем состоянии и продолжающемся угасании.

«Город купцов и город торгашей»

В конце XVII в. Белёв стал торгово-ремесленным купеческим городом во многом благодаря своему удобному местоположению и пристани на Оке. «В Белёве на торгу было множество лавок, лотков, амбаров, харчевен, пивоварен, которые состояли

из торговых рядов и располагались на торговой площади: рыбный, мясной, хлебный, калачный, соляной, подошвенный, три ряда кузнечных, ножевой, москательный и даже золотарный» [Желтова 2009: 51].

Белёвские ножи славились на всю Россию, как позже и белёвское кружево, плетёное на коклюшках, пользовавшееся популярностью в Санкт-Петербурге, Москве, а также в Варшаве и Париже, и яблочная пастила, которая расходилась по всей европейской части России и даже за её пределами, о чём

упоминали многие респонденты. Изготавливались в Белёве также известные глиняные игрушки.

К концу XVIII столетия из торгово-ремесленного Белёв стал торгово-промышленным центром. Торговали шёлковыми, шерстяными и прочими товарами [Желтова 2009: 61]. К середине XIX века по части торговли Белёв занимал второе место в губернии после Тулы. Экономическое развитие естественно способствовало росту населения: так, с конца XVIII до начала XX вв. население увеличилось с 5 до 15 тысяч человек. Однако с конца XIX в. в связи с обмелением Оки и открытием Московско-Курской железной дороги, по которой шли перевозки с севера на юг, Белёв начал утрачивать позиции торгового центра.

Тем не менее, Белёв отличался и, по мнению респондентов, даже сегодня отличается особым «купеческим духом», торговой культурой, которую впитали в себя местные жители: «...у них есть особенности, связанные с торговым статусом города. Они функционально мобильны. Город торговый и люди в хорошем смысле «торгаши», генетическая торговая закваска. Вроде торговать уже не с кем и не на что, а торговля продолжает развиваться».

Белёв отличался и, по мнению респондентов, даже сегодня отличается особым «купеческим духом».

Традиция характерных для провинциальных городков воскресных ярмарок сохранилась и поныне. И сегодня в специально отведённом для торговых рядов месте каждую неделю собираются жители: «других посмотреть и себя показать». Торговля у белёвцев глубоко в корнях. Один из респондентов (краевед) в своём интервью рассказывал нам, что во все времена город был преимущественно купеческим. Оно и понятно: расположение прямо на берегу Оки, отсутствие особых ресурсов для добычи и перепродажи (кроме, пожалуй, глины для кирпичного завода). Говорят, некоторые торговцы имели до того сильную хватку, что снабжали царскую армию всем необходимым во время войн.

«Город мастеров»

Традиционную белёвскую пастилу и кружево в наши дни уже не везут на экспорт. Они остаются, пожалуй, только в виде музейных экспонатов и сохранены благодаря умениям некоторых отдельных старожилов.

Так, например, невероятной красоты экземпляры кружева представлены в городском Художественно-краеведческом музее, а среди торговых рядов можно найти какую-нибудь бабушку, торгующую самодельной пастилой по рецептам, выученным с детства. Эксперты говорят, что подобные ремесленные традиции ценны для белёвцев, вот только сегодня почти бесполезны: разве что туристический бизнес наладить и вновь продавать приезжим в качестве сувениров.

Несмотря на промышленный и сельскохозяйственный спад, торговля в городе развивается в соответствии со всеми современными рыночными тенденциями. Причём владельцев магазинов совершенно не волнует, что рекламные вывески загораживают старинные фасады домов, которыми так гордятся местные жители и которые должны охраняться законом, так как многие из них являются памятниками старины. Тем не менее, в интервью говорили, что исторические фасады сохранились здесь только благодаря усилиям некоторых отдельных горожан: *«Хотелось бы, чтобы они поддерживались, оставались в надлежащем виде. Сейчас они охраняются только самими жителями».*

Сохранение исторического облика является ещё одной серьёзной темой, активно обсуждаемой в городе. Подавляющее большинство жителей считают необходимым сохранение и восстановление старинных зданий. Для многих из них, особенно старшего поколения, это один из немногих моментов, связы-

Сохранение исторического облика является серьёзной темой, активно обсуждаемой в городе. Подавляющее большинство жителей считают необходимым сохранение и восстановление старинных зданий.

вающих их с прошлым: «Хотелось бы пройтись по старым улочкам...». Многие считают, что историческая застройка должна сохраняться «для потомков, для сравнения, чтобы они смотрели».

«Город церквей»

Во время существования Белёвского княжества язычество в белёвском крае было полностью искоренено, а православие продолжало укрепляться. С этого времени белёвская

земля активно застраивалась храмами и монастырями. Так, например, Спасо-Преображенский монастырь был основан ещё в первой четверти XVI в.

До 1917 г. на территории города Белёва существовало 20 храмов, а к середине 1980-х г. их осталось всего 10. Большинство из них обезображено до неузнаваемости. В середине XX века были разрушены многие памятники истории и архитектуры, среди которых больше всего пострадали храмы. В 1970 г. Белёв был включён

в число городов-памятников, в связи с чем началась реставрация некоторых храмов, но большая часть так и не была завершена. Сегодня можно наблюдать каркасы куполов и колоколен, с которых снято железо, сданное как драгметалл. Полы в храмах, оконные рамы – почти всё было вынесено, разворовано [Желтова 2010].

Однако в последние годы силами активистов и краеведов началось восстановление, чему местные жители очень рады. Проводятся службы, традиционные для православной церкви обряды.

В целом у жителей положительные настроения в отношении реставрации и регенерации церковных комплексов города. Большинство респондентов утвердительно отвечали на вопрос о судьбе церковных строений: их необходимо сохранять и реставрировать. Вот только сил и средств для этого понадобится множество, о чём свидетельствуют экспертные оценки глубинных интервью.

«Город известных людей»

Эксперты отмечают, что Белёв знаменит своими талантливыми уроженцами. Среди наиболее часто отмечаемых ими – писатель и наставник наследников престола В. А. Жуковский, декабристы братья Киреевские, А. С. Пушкин, остановившийся в Белёве во время путешествия на Кавказ (здание, в котором останавливался поэт, разрушено, и на его месте стоит торговый центр), императрица Елизавета, жена Александра I (скончавшаяся в Белёве в здании, ныне принадлежащем РОВД), родившийся в Белёве белогвардейский военачальник В. О. Каппель и другие. В целом эксперты считают Белёв «*городом писателей, известных людей*». Для большинства опрошенных наличие множества известных земляков значимо. Историки же отмечают намного больше прославившихся белёвцев, среди них поэтесса З. Гиппиус, советский писатель С. Бородин и другие. В городе имеется визуальное отображение присутствия многих из этих людей: памятники, настенные таблички, стенды в краеведческом музее.

«Город боевой славы и его жители-герои»

Некоторые эксперты назвали Белёв городом «*былой воинской славы*». Более 6000 белёвцев вернулись домой с полей сражений. На территории Белёвского района сохранилось 46 воинских захоронений, все они состоят на учёте как памятники истории. На центральной городской площади действительно есть несколько стелл и памятников, посвящённых тем или иным военным событиям, однако этот исторический опыт отмечается в ответах экспертов в меньшей степени.

Эксперты считают Белёв «городом писателей, известных людей». Для большинства опрошенных наличие множества известных земляков значимо.

Некоторые эксперты назвали Белёв городом «былой воинской славы». Более 6000 белёвцев вернулись домой с полей сражений.

«Город разрухи, город-деревня»

Белёвцы с сожалением отмечают тенденции, указывающие на умирание когда-то цветущего города: *«В основной своей массе Белёв выродился как город. Поэтому целесообразно ли связывать напрямую то, что было 100 лет назад и сейчас»; «Белёв сегодня – это разрушенный город, а был православный, процветающий...»; «...никакой город, одни бары, ни одного развлекательного центра».* Один из экспертов сказал нам, что про себя называет Белёв «маленькой Россией». Подобная ситуация повторяется во многих малых провинциальных городах, которые жили за счёт работы каких-то предприятий, а сегодня существуют на грани выживания. Районная

администрация, по мнению жителей, работает по модели общегосударственной власти, и район представляет собой прототип модели отношений и ситуации в стране в целом. У жителей есть даже опасение, что Белёв скоро потеряет статус города: *«Город развивался и строился, к 1917 г. у него было население около 15 тыс. Столько же, сколько сейчас. Это был первый по величине город в Тульской губернии. Что произошло потом – факты налицо. А сегодня Белёв ещё пока город, но ситуация такая, что скоро не будет».* Молодёжь уезжает, не видя перспектив, взрослое население живёт в состоянии постоянного неудовлетворения, назревших конфликтов с представителями власти, беспокойства за своих детей. И это при том, что у города есть большой потенциал для развития, нереализуемый в силу отсутствия финансирования, государственных программ и в целом дотационного экономического устройства.

Некоторые называют сегодня Белёв разрушенным городом, отдалённым, всеми забытым, но тем не менее родным и любимым. Одна респондентка даже сравнила его с больным, слабым, но всё равно самым любимым ребёнком. Люди акцентируют внимание не на материальном богатстве, оставшемся в прошлом, а на духовных традициях: *«Материально город не богат, но духовно богат».* В целом, звучит неутешительный вердикт: *«город тихий, уютный, но умирающий».*

Для человека, приезжающего сюда из крупного мегаполиса, первое впечатление остаётся однозначным: «город-деревня».

Жители опасаются, что Белёв скоро потеряет статус города. Молодёжь уезжает, не видя перспектив, взрослое население живёт в состоянии постоянного неудовлетворения, назревших конфликтов с представителями власти, беспокойства за своих детей. Хотя у города есть большой потенциал для развития.

Сегодня жители называют Белёв разрушенным городом, отдалённым, всеми забытым, но тем не менее родным и любимым.

Маленькие частные и нередко покосившиеся дома граничат со свежеевыкрашенными «хоромами» и типовыми пятиэтажками. По улицам наравне с людьми ходят коровы и козы, а одна из самых известных российских бед (дороги) представлена здесь в «образцовом» виде. Асфальтовое покрытие есть на большинстве главных улиц, однако (как мы смогли убедиться и сами) эксперты называют критичными проблемы огромных выбоин и горы мусора, скапливающегося стихийно, порой прямо посреди улицы. «Автопарк» здесь, тем не менее, представлен широким спектром моделей: от стареньких и заботливо кем-то сохранённых «Побед» и «Москвичей» – до современных иномарок (вероятнее всего, заехавших навестить родные места). В городе даже есть один внутренний автобусный маршрут, объезжающий по ходу своего движения ключевые точки: сберкасса, больницу, стадион, общежитие и др. Остаётся только посочувствовать пешеходам, вынужденным ходить по тропинкам и дышать поднятой колёсами пылью, весной и осенью превращающейся в грязь. Многие жители с горечью теперь называют свой город – летом «Пылёв», весной и осенью «Грязнёв», и только зимой опять «Белёв».

Заключение

Жители Белёва – а именно на основании их представлений о собственном городе была проведена и проанализирована фотосъёмка проблемных узлов городской визуальной среды – достаточно чётко и подробно называют и описывают окружающие их проблемные жизненные ситуации.

Вот некоторые выводы на основе экспликации результатов сравнительно-дескриптивного анализа эмпирических данных:

1. Извечное российское противостояние государству со стороны «простого народа» в данном случае выливается в борьбу с администрацией (как городской, так и районной), обвиняемой в коррупции и безответственности, характерных для сегодняшних чиновников в целом.

2. Нам не удалось отметить присутствие в городе ярко выраженных общественных структур, говорящих о сильном гражданском обществе, однако уже после проведения исследования в ноябре 2010 г. в городе произошёл небольшой по численности, но важный по значению митинг. В декабре того же года часть исследовательской группы присутствовала на обсуждении годового отчёта главы района, подвергнутого активистами из зала открытой и публичной критике.

3. Многие из упомянутых экспертами проблем, такие как коррупция и отток населения, мы не смогли представить в данной статье визуально по объективным причинам. Однако

и без того видно, что в настоящее время Белёв находится в глубоком кризисе: ещё выживающее единственное градообразующее предприятие Трансмаш; уезжающее на заработки трудоспособное население; общая деградация и замусоренность улиц – весьма показательны.

4. Являясь в прошлом одним из наиболее развитых городов Тульской губернии, войдя в «Золотое кольцо России» как один из 115 городов-памятников в 1970 г. [Постановление совета... 1970], имея некогда развитый и процветающий промышленный комплекс, высокий сельскохозяйственный потенциал, сегодня Белёв находится в состоянии упадка. Увеличившееся в начале прошлого века население сегодня покидает город из-за множества существующих проблем: безработицы, отсутствия какого-либо досуга, проблем с жильём (старые здания находятся в аварийном состоянии, а новые не строятся) и т. д.

Таковы итоги и результаты первого этапа лонгитюдного исследования, которые будут проанализированы далее в контексте динамики трансформаций социальной среды (состояние социально значимых проблем в 2010 и в 2011 г. по факту их фиксации в рамках апробации фотографического наблюдения и визуального анализа).

Сравнение визуальной среды 2010 и 2011 гг.

Наше возвращение в Белёв состоялось в 2011 г., ровно через год. Отметим, что в визуальной среде города практически ничего не изменилось, а проблемы, названные жителями, остались теми же и не решаются. Произошло даже усугубление ситуации в худшую сторону. Попытаемся описать проблемные визуализации, наиболее волнующие жителей города, т. к. в рамках данной статьи мы просто не сможем эксплицировать всё то, что нам удалось собрать для анализа, и прокомментируем при помощи оценок жителей и экспертов проблемный контур визуализации 2010 г. с экстраполяцией на 2011 г., а в некоторых случаях наоборот обратимся к прошлому, к ретроспективе.

Для начала перечислим проблемы, которые жители считают для себя наиболее острыми (данные массового опроса), и разделим их на две группы возможной фиксации – «Более доступные для фиксации» и «Условно доступные и недоступные».

В визуальной среде города за год (сравнение 2010 с 2011 гг.) практически ничего не изменилось, а проблемы, названные жителями, остались теми же и не решаются. Произошло даже усугубление ситуации в худшую сторону.

Таблица 1

**Доступные и недоступные проблемы жителей
для фиксации методом визуального анализа, %**

Наиболее насущные проблемы для жителей города	Количество
Более доступные для фиксации	
Жилищно-коммунальное хозяйство (ремонт кровли, асфальтирование улиц, тротуаров, ремонт жилья, капитальный ремонт, текущий ремонт, наведение чистоты в подъездах, поддержание чистоты во дворах, благоустройство дворов)	64
Экологические проблемы (уборка мусора, качество Воды, состояние окружающей среды и т. д.)	54
Организация культурного обслуживания и досуга детей, взрослых; семейного досуга	34
Организация досуга молодёжи	33
Водоснабжение и водообеспечение (налаживание устойчивого водоснабжения, подача воды, состояние водопровода, состояние колонок, аварии водопровода)	10
Проблема транспорта: автобусные маршруты, расписание, остановки (их состояние и оборудование), дополнительные рейсы, маршрутное такси, пригородные поезда и т. п.	7
Проблемы автолюбителей (гаражи и стоянки, мойки, автозаправка, ремонт)	4
Торговое и бытовое обслуживание (открытие магазинов, качество обслуживания и т. п.)	3
Условно доступные и недоступные для фиксации	
Сохранение рабочих мест, безработица	47
Молодёжная безработица	41
Организация здравоохранения, медицинское обслуживание (отсутствие специалистов и т. п.)	33
Коррупция в структурах власти	29
Горячее водоснабжение (перебои с водой)	23
Маленькая пенсия	18
Обнищание населения	16
Преступность, наркомания, проблема безопасности, обеспечение правопорядка, соблюдение паспортного режима, работа участкового	15
Жилищная проблема (переселение, расселение, приватизация)	12
Газификация	8
Организация бытового обслуживания	7
Теплоснабжение (холодные батареи)	6
Земельная проблема (получение земельного участка, выделение земельного участка, контроль)	5
Задержка выплаты заработной платы	5
Электроснабжение (низкое напряжение, перебои и т. п.)	3
Телевещание (ремонт коллективных антенн)	2
Газоснабжение	2
Радиовещание (качество сигнала)	2

Круг проблем, доступных для фиксации, мы объединили в следующие группы репрезентации, которые и стали предметом нашего лонгитюдного визуального анализа:

1. Проблема благоустройства и поддержания чистоты в городе.
2. Экологические проблемы.
3. Проблема организации досуга и отдыха взрослых.
4. Проблема организации детского и молодёжного досуга и отдыха.
5. Проблема автолюбителей.
6. Проблема транспорта.
7. Водоснабжение и водообеспечение.
8. Торговое обслуживание.

Как видим, краеугольным камнем для жителей является проблема благоустройства, что и было замечено в поле при фиксации реальности городской жизни. Начнём с исторического центра – «Площадь революции», «Площадь Октября» и центральная улица – ул. Карла Маркса (слева представлено фото 2010 г., справа – 2011 г.).

Для сравнения обратившись к ретроспективе, мы увидим, что раньше на этих центральных участках городской жизни было достаточнолюдно, кипела жизнь.

Из воспоминаний жителей, каким был центр города: «уютным, п/д кинотеатра был фонтан, скамейки, горсад был более похож на сад», «ухоженный, красивый, был кинотеатр, городской парк с аттракционами, много зелени, урны, лавочки», «карусели, кинотеатр, Дом культуры», «приличный, ухоженный, зелёный город». И оценки нынешнего состояния, каким стал город: «торговый, а не культурный», «находится в запустении», «многое разрушилось, а торговая сеть процветает. Центр стал бездуховным», «грязный, неблагоустроенный», «нет ни одной лавочки», «центра фактически не стало». Получается, что белёвцы

практически утратили «центр единения» их жизни, он перестал нести духовно-эстетическую функцию воспроизводства коллективной городской ментальности и превратился в зону «купли-продажи». Если раньше купеческие торговые ряды соседствовали со светскими особняками, то теперь обычные продуктовые супермаркеты и хозяйственные магазины уничтожили фасады исторических зданий и лишили город исторического облика. Вот как описывает очевидец В. А. Левишин красоту города в начале XIX в., восстановленного после страшного пожара 1801 г.: «Город Белёв учинился красивее прежнего... Положение места, занимаемого городом, очень красивое: занят оным высокий крутогорный левый берег Оки-реки, так что, приезжая из Москвы, Тулы и Мценска, можно увидеть все лучшие находящиеся в нём здания. Но и со всех сторон город сей виден на великое расстояние: устроен на трёх горах...

Городская часть отделяется от слободы речкой Выркою; в ней лучшие здания здешних жителей, два монастыря, на берегу реки расположены: первый мужской Спасо-Преображенский и второй епархиальный, женский Крестовоздвиженский; восемь каменных огромных церквей и одна деревянная;... огромный Магистрат на Купеческой площади, составляющий обширный четверугольник, окружённый торговыми каменными лавками» [Левишин 1803].

Белёвцы практически утратили «центр единения» их жизни, он перестал нести духовно-эстетическую функцию воспроизводства коллективной городской ментальности и превратился в зону «купли-продажи».

Следует заметить, что исторические памятники практически утратили свой первоначальный внешний вид и требуют реставрации и надзора. Среди них пострадал и Магистрат (пл. Революции) – бывшее здание присутственных мест, до 1941 г. в нём располагался музей, ныне – медучилище. Это уникальное для средней России здание, напоминающее западноевропейские ратуши, претерпело существенное изменение в XX в.: «лишилось головы» (башенки). И сегодня продолжает ветшать, рушится и теряет свой первоначальный облик. Надзора за историческими архитектурными сооружениями не наблюдается, в городе нет ни главного архитектора, ни отдела архитектуры, нет даже подробной карты города с указанием улиц и домов, транспортных маршрутов, предприятий, административных и культурных учреждений. Есть только самодельная карта в отделе ГО ЧС администрации г. Белёва, состоящая из многих кусков, напечатанных на листах бумаги А4, склеенных воедино, с указанием улиц.

Есть у нас и визуальный пример беспринципного уничтожения исторической среды, который символично подтверждает, кто в городе хозяин. Так, ниже на фотографиях мы можем рассмотреть процесс разрушения и ликвидации фасада исторического здания – Дома купцов Федосеевых. В XIX в. это здание имело культурное значение как для г. Белёва, так в последствии и для всей России. Некоторое время в нём рас-

полагался Театр тульских актёров, лишившихся своего здания из-за пожара, а также здесь калужской труппой был поставлен и показан впервые в России гоголевский «Ревизор», который позже представили на сцене Александринского, а через три месяца и Малого театра. Теперь в этом здании размещается супермаркет и магазин хозяйственных товаров с символическим названием «Хозяин». Старинный фасад здания раздолблен и заштукатурен. А ведь теряя каждое историческое здание, мы утрачиваем историческую память и собственную специфику, перестаём быть хозяевами своего исторического наследия.

Местным жителям задали вопрос: «Как Вы относитесь к исторической застройке Белёва?» 82% респондентов ответили: «Считаю её ценной чертой облика города; её необходимо сохранять, реставрировать, восстанавливать». Но визуальный ряд, который мы не сможем здесь целиком продемонстрировать, показывает обратный процесс – разрушение и уничтожение, от года к году. Так что вопрос остаётся открытым, а восстановление памятников идёт лишь по инициативе РПЦ.

Будем надеяться, что после приобретения церквями прежнего облика, местная администрация задумается о восстановлении светских памятников архитектуры.

Обратим внимание на участки города, где проблемы благоустройства настолько очевидны, что мимо них невозможно

пройти и не зафиксировать. Прежде всего, вечная для России проблема – состояние дорог. Можно сказать, про них в Белёве забыли, отвыкли от них, и за ненужностью отказались от их существования.

Пригодное для нормального равномерного движения дорожное полотно присутствует только на центральной ул. Карла Маркса, на других – это выбоины, ямы, которые белёвцы не считают преградой, как будто для них это ежедневная, привычная езда «по накатанной».

Обратимся к мнению экспертов, узнаем, что они думают об этом и что будет, если в ближайшее время не заняться решением данного вопроса: *«машины убьются, а с ними и жители»*, *«ухудшится экологическая ситуация в городе, пострадают здоровье и нервы»*, *«жители уедут из города, останутся пенсионеры»*, *«будет просто деревня»*, *«нам предстоит самовывживание»*, *«уедут люди, деревни вымрут»*, *«ничего не будет, да и сейчас уже ничего нет, т. к. работать некому, одни пенсионеры»*, *«люди окончательно потеряют связи, утратят православные ценности с потерей паломничества»*. Как видим, эксперты говорят об актуальности проблем инфраструктуры и возможных трагичных последствиях их неразрешения. Уже сегодня можно наблюдать отток населения не только в рамках маятниковой миграции. Люди покидают город и уезжают жить в более комфортабельные и развивающиеся поселения. Остаются на местах и никуда не стремятся только люди пенсионного возраста. Уезжает в первую очередь молодёжь и специалисты в поисках более качественного образования и стабильной высокооплачиваемой работы. Во многих районах сегодня можно видеть дома с объявлениями о продаже, количество которых увеличивается с каждым годом, а также невостребованные здания с заколоченными окнами, даже на центральной улице Карла Маркса. На вопрос жителям «Хотели бы Вы переехать жить в другое место (в другой город, посёлок, деревню)?» порядка 25% ответили «да», и порядка «25%» затруднились

Пригодное для нормального равномерного движения дорожное полотно присутствует только на центральной ул. Карла Маркса, на других – это выбоины, ямы, которые белёвцы не считают преградой.

с ответом. В целом можно сказать, что половина горожан при удобном случае будут готовы покинуть своё место обитания, свой город.

Обратимся к проблеме пешеходных дорожек, тротуаров. Как и дороги, тротуары в Белёве практически отсутствуют, или представляют собой поселковые дорожки из пыли и камней. На придомовых территориях асфальтирование отсутствует; вместо него овраги, кое-где присыпанные щебнем. Об этой эстетической проблеме города жители говорят: *«Всё, уезжаю отсюда, хочу ходить в нормальной обуви по нормальным тротуарам»*, *«Тротуары запущены, в дождь невозможно пройти»*, *«После дождя на них грязь и лужи»*, *«Состояние дорог и тротуаров в городе просто отвратительное, никто за ними не следит, никому они не нужны»*.

Наша оценка тротуарных дорожек по результатам фиксации и наглядной доступности полностью совпадает с мнением жителей. Встретились нам и «интересные» исполнения тротуарных дорожек, а именно: в неровном порядке уложенные год-два назад бордюрные плиты, среди них песок, пыль вперемешку с травой и кусками разбитого, очень старого асфальта. Асфальт либо «забыли» положить, либо он и не был запланирован.

Несомненно, приведение городских дорог и тротуаров в надлежащее состояние могло бы на порядок повысить самоуважение жителей, открыть новые возможности развития городской инфраструктуры, избежать в зимне-весенний сезон повышенного травматизма.

В продолжение уместно будет обратиться к распространённой во многих городах проблеме парковки автомобилей. В больших городах она связана с недостатком парковок, в малых же — с их отсутствием как таковых. Хотя и в том, и в другом случае она доставляет одни и те же неудобства: парковка на газонах разрушает природный ландшафт города; парковка на детских площадках и пешеходных дорожках создаёт затруднение и повышенную опасность при движении пешеходов; чрезмерные выбросы угарного газа подержанными автомашинами загрязняют окружающую

Об эстетическом состоянии города жители говорят: *«Всё, уезжаю отсюда, хочу ходить в нормальной обуви по нормальным тротуарам»*.

среду, наносят вред здоровью. Стоит отметить, что практически половина респондентов, участвовавших в массовом опросе, заявили о наличии автомобиля; из них треть имеют капитальные гаражи и частные придомовые площадки для стоянки личного авто; треть не имеют, но нуждаются. Остальные автовладельцы не имеют таких проблем, т. е. для них хранение автомобиля во дворе дома – норма. Такое отношение к своему двору, к соседям может привести к эскалации различных конфликтов разрушить соседскую идентичность. Кроме того, несанкционированная парковка нарушает покой жителей и уют зелёных дворики.

В 2011 г., как и в предшествующем, вопрос с организацией парковок никак не решается: всё те же автомобили на детских площадках, газонах и в других не предназначенных местах. Инициатива энтузиастов не поддерживается. Так, на пляже Володьковского пруда кем-то из местных жителей была устроена несанкционированная, но удобная парковка для более организованного отдыха купающихся. Однако она долго не просуществовала, столб с табличкой «Парковка» был кем-то выкопан и украден. Та же участь постигла и деревянные столбы для волейбольной сетки, и столбик с табличкой «Мусор» над выкопанной ямой для мусора. На их месте мы увидели только бурьян.

Обратимся к экологической обстановке Белёва. Начнём, пожалуй, с состояния водоёмов, т. к. исследование проходило в летнее время, и была возможность посетить их и оценить состояние прилегающих к ним территорий. Как оказалось, купаться нельзя ни в одном из больших прудов, более похожих на озёра – «Володьковском» и «Сергеевском», а также в реке Оке. Причина – кишечная палочка и другие опасные для состояния здоровья и жизни человека болезнетворные бактерии. Люди, к сожалению, не обращают внимания на данные запреты. Такой «отдых» не проходит бесследно для окружающей среды и чистоты водоёма. Вокруг прудов очень много несанкционированных свалок и мусорных куч, которые затем превращаются в «мусорные потоки», стекающие в водоёмы весной после таяния снега, либо после сильных дождей.

Также отдыхающие не реагируют на предупреждения о повышенной пожароопасной обстановке. В Белёвском районе во время засухи сгорело несколько гектаров леса, затронуто

огнём одно поселение. На подходе к другим огонь удалось остановить. Но отдыхающие продолжают «сеять» мусор и жечь костры, уничтожая посадки вокруг пока ещё красивейших прудов. Более того, многие не стесняются помыть свою машину в зоне отдыха, оставляя за собой потоки машинного масла и грязи. Что касается Оки, то она обмелела и может в ближайшие годы превратиться в ручей, что уже произошло с двумя речками – Белёвкой и Выркой, ранее пробегавшими через Белёв. Когда-то через Оку проходил мост, от которого по реке начиналось судоходство. Последний корабль отправился в путь 1917 г. Сейчас судоходство начинается только от Калуги (около 100 км ниже по течению), да и то судами на воздушной подушке.

Но вернёмся к теме экологии и состояния окружающей среды. На вопрос «Считаете ли Вы, что территория Вашего района города чистая?» 82% ответили, что не считают её чистой, и 97% респондентов называют главной причиной этого загрязнения «бытовой мусор». Это подтверждает и наш визуальный ряд о несанкционированных свалках в городе. Далее мы уточнили у горожан: «Если состояние окружающей среды ухудшилось, то в чём конкретно это проявилось?». Практически

все утверждали: «пыль, грязь, бурьян; нет чистых водоёмов, оборудованного пляжа; лето – не отдых, а просто испытание», а также «пересыхают мелкие речки, ручьи, загрязняются скважины в селе, заросли сорняка на полях, размножаются вредные насекомые – комары, клещи, майские жуки». Вот такая непростая экологическая ситуация, которую уже сточают последствия черныбыльской аварии.

Горожане отмечали, что с каждым годом ухудшается качество потребляемой воды из сельских и городских скважин. Это в первую очередь связано с тем, что сами горожане организуют массовые несанкционированные свалки на улицах, превращающиеся в токсичные отходы, отравляющие затем почву и воду.

Бесспорно, общая чистота в городе во многом зависит от состояния каждого двора и отношения его хозяина к той среде, в которой он обитает. С удовольствием отметим, что на

нашем пути в Белёве попадались ухоженные частные дворики и облагороженные придомовые территории многоквартирных домов. Но, к сожалению, преобладают дворы покосившиеся, неблагоустроенные, бесхозные и разрушающиеся с каждым годом все больше и больше.

Картину неухоженных дворов «дополняют» проложенные поверху коммуникации газоснабжения и теплотрассы. Трубы буквально пронизывают и окутывают весь город паутиной. На них играют дети, сотрудники ГИБДД прикрепляют дорожные знаки, а жители многоквартирных домов сушат бельё. Т. е. внешние коммуникации стали составной и неотъемлемой частью жизни горожан, приобрели некую «социально-опорную» функцию. С одной стороны, может быть это и хорошо, что им нашлось двойное применение, но с другой, эти путаные сети ломают визуальное пространство, искажают общую картину представления о городе, подвергают визуальному дискомфорту туристов, ожидающих определённых позитивных видов и эмоциональных переживаний.

В ходе массового опроса мы задали вопрос: «Что Вы можете сказать о своём дворе?». Только 20% жителей заявили, что «двор зелёный, ухоженный, благоустроенный (есть скамейки, площадки для отдыха и игр детей)». Другие 20% высказались прямо противоположно: «двор заброшенный, неудобный, мало зелени». 25% озабочены положением дел в их дворах, где собираются неприятные компании, и жители вечером не чувствуют себя в безопасности. Этот факт можем подтвердить и мы, так как стали свидетелями не только вечерних, но дневных и даже утренних возлияний алкогольных компаний во дворах.

Взрослое поколение спивается в первую очередь от безысходности, от того, что разучились работать за тот период, когда практически нигде нельзя было найти работу. Сегодня большая часть взрослого населения перебивается подсобным хозяйством и сезонными работками (сбор грибов). Однако 2010 г. был не грибной, и пункт по приёму грибов попросту не работал. 2011 г. был грибным, пункт приёма работал посто-

янно. Можно было наблюдать картину, как человек сдаёт грибы, и сразу же идёт в ближайший магазин за провиантом и спиртным.

Молодёжь сбивается оттого, что не может найти достойную, нормально оплачиваемую работу, что «культуре питания» нет альтернативы: организованный массовый досуг, спортивные мероприятия и учреждения культуры попросту отсутствуют, а их открытие даже не планируется. Открываются только магазины и новые питейные заведения в парках, на центральных улицах города. Нет и намёка на то, что в Белёве когда-нибудь будут построены

такие общепринятые в больших городах заведения по предоставлению культурных и оздоровительных услуг, как развлекательный центр, фитнес-центр, бассейн, спорт-комплекс, кинотеатр, боулинг и т. п.

На вопрос жителям: «Удовлетворены ли Вы своими возможностями для отдыха и культурного развития?» 80% высказали свою неудовлетворённость, а на вопрос: «Если вы проводите своё свободное

время не в городе, то чем это вызвано?» 60% горожан ответили, что «нет учреждений культуры, отдыха и спорта, которые соответствовали бы <их>интересам». На просьбу назвать «учреждения культуры, отдыха и спорта, отсутствующие в вашем районе города» 50% жителей

заявили о необходимости возведения на территории их района двух особо значимых для них объектов культуры и спорта – бассейна и кинотеатра. Ранее в Белёве был общедоступный бассейн на территории Белёвского ремонтно-механического завода. Но завод обанкротился, бассейн закрылся.

Стоит заметить, что уже в начале XX в. в городе был «собственный кинематограф – целых три кинотеатра: в сарае хозяина кинозала Ширяева кино показывали при помощи газового фонаря; на улице Мироносицкой стоял кинотеатр «Наука и жизнь»; сообществом купцов был организован кинотеатр «Победа», работавший от двигателя (здание находилось на месте теперешнего кинотеатра)». Сегодня это полуразрушенное здание, обнесённое в 2011г. красной лентой безопасности (на всякий случай, во избежание беды). Мемориальная доска с сим-

воличным описанием того памятника, который ранее стоял на месте кинотеатра и был разрушен во время войны, гласит: «На этом месте раньше стоял дом, в котором в 1902-1922 гг. жил писатель, Лауреат Государственной премии С. П. Бородин. Дом разрушен во время Великой Отечественной войны». Такое ощущение, что из года в год здание кинотеатра всё более постигает та же участь, что и Дом Бородина во время Второй мировой войны. В центральном парке (ул. Советская), по соседству с новым пивным шатром и туалетом, который установили хозяева питейного заведения, ничем не занятая молодёжь пытается на полуразрушенной сцене самостоятельно разучить движения современных танцев.

В более или менее надлежащем состоянии, так сказать, ещё «на плаву», держатся Белёвская центральная межпоселенческая библиотека им. А. В. Жуковского и Белёвский районный краеведческий музей. Экспозиционные залы этих зданий постоянно пополняются предметами белёвской старины. Только за счёт этих учреждений, их внутреннего духовного климата и энтузиазма их сотрудников пока ещё и сохраняются культура Белёва и его историческая память.

Получается так, что сегодня в презентабельном и должном состоянии находятся только магазины, частная собственность. Их в малом городе множество, практически на каждом шагу. Это и супермаркеты, и маленькие магазинчики-павильоны, и даже ларьки, которые уже давно запрещены как торговые точки, но здесь они себя чувствуют неплохо и ведут бойкую торговлю. Некоторые магазины, не церемнясь, «вгрызаются» в фасады домов, несанкционированно делают новые входы и выходы, пристраивают крылечки, пробивают новые окна.

В центральном парке, по соседству с новым пивным шатром и туалетом, который установили хозяева питейного заведения, ничем не занятая молодёжь пытается на полуразрушенной сцене самостоятельно разучить движения современных танцев.

В относительно надлежащем состоянии держатся Белёвская центральная межпоселенческая библиотека им. А. В. Жуковского и Белёвский районный краеведческий музей. Только за счёт этих учреждений, их внутреннего духовного климата и энтузиазма сотрудников пока ещё и сохраняются культура Белёва и его историческая память.

Новые магазины создают и новые свалки, о чём неоднократно заявляли жители. Некоторые торговцы умудряются просто сжигать мусор на своей территории, чтобы не платить за его вывоз. Но более всего жители жалуются на рынок по ул. Советской, с кричащим названием «Бум». Мы осмотрели этот рынок, обнаружили там действительно большое количество продавцов и покупателей, но не обнаружили явно выраженных свалок и куч мусора. Нам попались только баки с мусором, стоящие на территории рынка. В конце рабочего дня, перед закрытием рынка, мы зафиксировали небольшой мусор, который, как нам сказали, убирается дворниками рынка.

Вообще в Белёве функционируют два рынка, первый ежедневно – муниципальный рынок «Бум» и второй – воскресная ярмарка-рынок, на которую люди приезжают не только из ближайших посёлков, но и из других городов, чтобы реализовать свой товар. В выходные дни в 2010-2011 гг. мы посетили ярмарку. Рядом с рынком мы видели заставленную машинами площадь Революции. Номера машин принадлежали разным регионам, среди которых и Калужская, и Рязанская, и Орловская области. Традиционно на рынке присутствовали лица кавказской национальности, торговавшие ростовскими фруктами и овощами. Надо отметить, что торговля у них шла бойко. На рынке продавались натуральные продукты: орловский мёд пасечника, деревенское козье молоко, овощи

Сегодня в презентабельном и должном состоянии находятся только магазины, частная собственность. Их в малом городе множество.

с личных огородов и знаменитую белёвскую пастилу домашнего производства. В целом на ярмарке был большой выбор натуральной продукции, которую с удовольствием покупали горожане. Но вот одежда и товары хозяйственного назначения у нас вызвали явную насторожённость, т. к. история их происхождения и качество никому не были известны. Однако жители, приезжающие из соседних посёлков, на это не обращали внимания и кое-что покупали.

Ярмарка выходного дня пользуется популярностью у жителей города и близлежащих посёлков. За пригородное транспортное сообщение в Белёвском районе отвечает ООО «Прогресс-авто». По оценкам местных жителей, они в целом довольны работой этой компании. Парк автобусов ПАЗ обеспечивает межпоселковое сообщение.

Пожелания жителей сводятся к необходимости увеличения количества рейсов между Белёвом и некоторыми посёлками, т. к. частота рейсов на сегодня их не устраивает (раз в час).

Жители обеспокоены также состоянием дорог и автобусных остановок. Плохое качество дорог увеличивает время пребывания в пути. Многие остановки, пострадавшие от вандалов, требуют ремонта. Есть и многофункциональные остановки со встроенными ларьками и уцелевшими лавочками. Такие остановки выглядят намного презентабельнее, чем остальные муниципальные. Хозяевам ларьков при остановках вменяется в обязанность изготовление табличек с названием остановочного пункта, да они и сами заинтересованы в сохранении и поддержании внешнего вида своей торговой площади. Хотя расклейщики объявлений неустанно стремятся внести свой «вклад», что не красит ни вид остановок, ни общую городскую панораму.

При въезде в Белёв недалеко от первых городских остановок висит баннер «Древний город – новая жизнь!». А вот реплика одного туриста, который побывал в Белёве: *«Белёв мало изменился за последние несколько сотен лет – те же добротные купеческие каменные дома, те же храмы, та же Ока..., только всё обветшавшее донельзя. Даже Ока умудрилась обмелеть. С храмами то же получилось... Впрочем, так получилось не в одном Белёве, в который я ехал по картине Левитана, а приехал в картину Максимова “Всё в прошлом”, только с помятым и закопчёным самоваром, надтреснутой фарфоровой чашкой с облезшей позолотой, а серебряная ложечка и вовсе куда-то запропастилась...»*.

Да, может быть, многое бы изменилось к лучшему, если бы в Белёве обновили дороги, привели в порядок памятники архитектуры, разобрались с разрухой, построили хотя бы одну вместительную комфортабельную гостиницу. Но пока обветша-

Многое бы изменилось к лучшему, если бы в Белёве обновили дороги, привели в порядок памятники архитектуры, разобрались с разрухой, построили хотя бы одну вместительную комфортабельную гостиницу. Но пока обветшалый древний город продолжает уживаться с «новой жизнью».

лый древний город продолжает уживаться с «новой жизнью», что мы и попытались продемонстрировать при помощи отобранного визуального ряда в рамках экспликации социально значимых проблем. Конечно, одно дело – фиксировать и анализировать проблемные ситуации, и совсем другое – решать их в реальном времени. Это требует грамотного и взвешенного управленческого подхода и соответствующего финансирования. Однако наш исследовательский коллектив планирует продолжить начатую работу по лонгитюдному исследованию визуальной среды, по апробации метода визуального анализа, а также по совершенствованию практики фотографических наблюдений проблемных полей пространства малого города Белёв. Также на будущее мы ставим перед собой методологические задачи по достижению возможности фиксации и интерпретации условно доступных и недоступных проблем, процессов и явлений.

Библиографический список

1. Богуславский В. 2004. Славянская энциклопедия. XVII век – М.: ОЛМА-ПРЕСС.
2. Воронкова Л. 2009. Социологические выставки: визуальные презентации в социальных науках // Визуальная антропология: настройка оптики. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ.
3. Дридзе Т. М. 1994. На пороге экоантропоцентрической социологии // Общественные науки и современность. № 4.
4. Дридзе Т. М. 1998. Экоантропоцентрическая парадигма в социальном познании и социальном управлении // Человек. № 2.
5. Дридзе Т. М. 2000. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии // Социологические исследования. № 2.
6. Дридзе Т. М. 2001. Станет ли социология «наукой наук об обществе»? // Социологические исследования. № 3.
7. Желтова А. Б. 2009. Белёв – город храмов и монастырей. Исторические очерки и святыни. – Орёл: Издательство С. В. Зенина.
8. Запорожец О. 2007. Визуальная социология: контуры подхода // Интер. № 4.
9. Левишин В. А. 1803. Топографическое, историческое и камеральное описание Тульской губернии, г. Белёва. URL: <http://www.tram11.ru/kr/tu06/bel/03.html> [Дата посещения: 10.03.2013].

10. Рабинович Е. И. 1998. Социально-историческая диагностика в градостроительстве // Градостроительство: от социальной диагностики к конструктивному диалогу заинтересованных сторон. Кн. 1. – М.: Институт социологии РАН.
11. Рождественская Е. Ю., Семёнова В. В. 2007. Письмо редакторов // Интер. № 4.
12. Штомпка П. 2007. Визуальная социология. Фотография как метод исследования. – М.: Логос.
13. Ярская-Смирнова Е., Романов П. 2009. Взгляды и образы: методология, анализ, практика // Визуальная антропология: настройка оптики. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ.
14. Постановление Совета Министров РСФСР по делам строительства и коллегии Министерства культуры РСФСР от 31 мая 1970 г. № 76.
15. Becker H. S. 1974. Photography and Sociology // Studies in the Anthropology of Visual Communication. № 1.

Города России: визуальное наблюдение социолога

Ивановская область: разрушение стереотипов

Халий Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, зав. сектором по изучению социокультурного развития регионов России ИС РАН

E-mail: illaio@yandex.ru

Ивановская область: разрушение стереотипов

Аннотация

В статье представлены результаты визуального наблюдения в г. Иванове и ряде районных центров Ивановской области, подкреплённые фотоматериалом. Показаны возможности данного метода на первоначальном этапе исследовательского проекта.

Ключевые слова: визуальное наблюдение, социальный и социокультурный контексты, городское пространство, городская инфраструктура, научные гипотезы

В рамках двух проектов «Роль структур гражданского общества в социальных процессах современной России»¹ и «Региональное и местное управление: обратная связь власти и общества» в первый год их выполнения был запланирован ряд командировок, в том числе в Ивановскую, Тамбовскую и Нижегородскую области (о которых и пойдёт речь в этой и последующих статьях). В ходе исследования по первому проекту предполагается выявить акторов, артикулирующих социальные проблемы и инициирующих процесс их разрешения; ценности, которых данные акторы придерживаются, и способы, которыми они действуют. По второму проекту запланировано выявление форм и способов взаимодействия структур власти и общества в условиях новой политической реальности. Для решения поставленных задач, конечно, требуется осознать социально-экономический, политический и социокультурный контексты в изучаемых регионах – без этого невозможно будет понять условия, в которых могут действовать (или, напротив, действовать не могут) власти и структуры гражданского общества. Одним из методов исследования, без сомнения, является метод визуального наблюдения.

Экспедицию в Ивановскую область решили начать с наиболее знаменитого места, входящего в Золотое кольцо России, – город Плёс. На этапе аренды квартиры ещё в Москве выяснилось, что это не очень-то простое дело. Конечно, несколько мест проживания (не обязательно квартир, но и частных домов, номеров в гостиницах и домах отдыха или санаториях) в наличии было. Но всё лучшее – как дорогое, так и эконом класса – оказалось уже занятым на всё лето, а мы

¹ Грант РГНФ № 13-33-01031.

отправлялись в конце мая. «Что же в этом месте происходит?» и стало первым вопросом, на который хотелось найти ответ. Но вопрос этот не оказался уникальным для данной области. При попытке снять квартиру в Иванове ситуация не просто повторилась, но оказалась ещё более сложной: одна двухкомнатная и одна однокомнатная квартиры на время нашего пятидневного пребывания нашлись с трудом. Так что область, которую мы выбрали для исследования в качестве одного из наиболее депрессивных регионов современной России, на поверку, впрочем, вполне поверхностную, проявила себя как вполне востребованная. Так, вопрос «что происходит?» из частного (для туристического Плеса) приобрёл региональное звучание. Тем более что хорошо известно: город Иваново – место далеко не туристическое, а текстильная промышленность обрушилась ещё в начале 1990-х гг.

Плесь – центр туризма и место резиденции премьер-министра

При виде Волги в этом месте дух захватило...

Пейзаж столь красив, что человеку самостоятельно не придумать – на такое только природа способна. Природа здесь всё ещё сохранилась: промышленных построек не видно (потому что их и нет), на противоположном берегу присутствие людей обозначается лишь несколькими домами (никакой строительной индустрии). Да и сам Плес до сих пор не сильно нарушает природную идиллию (многоэтажные дома появились только далеко на горе и окраине посёлка).

Историческая набережная большей частью отреставрирована и реставрация продолжается. Новые строения появились, но более или менее благополучно вписались в ансамбль XIX в. Два собора представляют собой стилистически важные акценты, подчёркивающие сохраняемую старину и, соответственно, историчность набережной.

Сам городок располагается на двух холмах (или горах), выглядит нарядным и ухоженным. И хотя он на вид небольшой (он и в самом деле небольшой – 2196 жителей), но с утра на набережной уже народ, явно отдыхающий и при этом весьма разношёрстный: здесь и «советская», и современная интеллигенция (или, по крайней мере, люди образованные), и люди попроче, больше похожие на менеджеров магазинов и чего-то подобного, и стайки школьников, и группы организованных туристов, и неожиданно много людей в форме полиции и каких-то иных органов охраны правопорядка.

Объяснение разношёрстности публики нашлось постепенно, благодаря общению с людьми, визуальному и звуковому наблюдению. Во-первых, советская интеллигенция отдыхает в этом месте с давних времён, когда так было принято в среде художников и писателей (Плёс – место многолетнего проживания и работы Исаака Левитана, к тому же тут располагался дом отдыха советских писателей). Современная творческая интеллигенция традицию до определённой степени, очевидно, поддерживает. Во-вторых, с тех пор, как в Плёсе отстроилась резиденция премьер-министра Д. Медведева¹, по свидетельству местных жителей, наблюдается приток людей статусных. В результате появились дорогие отели и коттеджные посёлки, сдаваемые в аренду, фешенебельные и модные рестораны, и всё это в глаза не бросается, ибо

¹ См.: URL: <http://www.lenpravda.ru/today/277298.html>.

построено в потаённых местах (об этом позже). В-третьих, медведевская резиденция вызвала интерес к Плёсу и у публики, ориентированной на моду и хоть какое-то приобщение к элите – упомянутые менеджеры (из разговора двух отдыхающих, осматривающих городок со смотровой площадки: *а сейчас пойдём обедать в ресторан, который Путин с Медведевым посещают, может, их увидим*). Стайки школьников имеют двойной источник: в посёлке на основе советской турбазы действуют детский оздоровительный и спортивный лагеря, также детей привозят на экскурсии на автобусах из многих (соседних и не очень) регионов России. Последнее – источник и групп взрослых туристов. Раньше они в большинстве приезжали туристическими теплоходами. Сегодня это редкое явление, а пассажирского водного транспорта вообще не стало. Его заменили автобусы, и, судя по количеству туристических групп, даже в большей степени (помню, как в 1966 г. посетила Плёс как турист теплохода, народу было значительно меньше). Наконец, наличие большого количества представителей правоохранительных органов и прочих охранных структур объясняется, без сомнения, существованием правительственной резиденции и наплывом состоятельных граждан.

Сезон массового отдыха начинается с апреля – мая, продолжается до середины или конца августа, затем много приезжающих во время «золотой осени», потом на Новый год и зимние каникулы (школьников и студентов).

Итак, обнаружилось две культовые причины посещения Плёса: традиционная – живописная Волга и левитановские места и «инновационная» (в том смысле, что она новая, прежде не очень распространённая) – престижность места в связи с обитанием статусной персоны.

Посетители «престижного места» селятся, как уже было отмечено, в дорогих отелях и посещают элитные рестораны, скрытые от посторонних глаз. Но их не видно не потому, что они специально спрятаны, а потому, что расположены эти объекты в заповедных территориях, и чтобы их увидеть, надо посетить специально. Стоит отметить, что ещё в 1990-е гг., когда мы работали в составе научного коллектива, осуществлявшего российско-французский проект по методике А. Турена, представители тогдашней элиты говорили о том, что они купят себе место жительства в экологически чистых местах. И сегодня мы действительно знаем много таких мест, к их числу относится и часть Плёса.

Остальные отдыхающие расселены в посёлке: арендуют частные дома, квартиры в многоэтажках, дачи, сараюшки в огородах, как в советские времена (в одном из таких жили и мы).

Обнаружились две культовые причины посещения Плёса: традиционная – живописная Волга и левитановские места и «инновационная» (прежде не очень распространённая) – престижность места в связи с обитанием статусной персоны.

Основные достопримечательности и места отдыха приезжающих: набережная, гора Левитана, гора со смотровой площадкой (центр посёлка). На набережной находится дом-

музей Левитана¹, в который нам в первый раз войти не удалось – там было столько народу, что надо было ждать своей очереди (сотрудники говорят, что вынуждены нарушать все правила хранения художественных объектов в музее в связи с бесконечным, подчас до 23 часов вечера, наплывом посетителей). Особое впечатление на набережной производит Дачный театр им. Ф. Шаляпина² как реминисценция чеховской жизни, узнать о его современной жизни нам не удалось – на дверях замок, афиш никаких тоже видно не

было. Конечно, как и полагается в туристическом месте, здесь находятся художественные салоны, целый рынок сувенирных лавок (причём сувениры сделаны не в Китае, а руками костромских художников, которые на лето приезжают в Плёс работать и продавать свой товар), музей местных промыслов, ювелирный магазин (товары местной ювелирной фабрики, находящейся в районном центре – городе Приволжск и расположенной почти на том самом месте, где с XII в. находился старейший ювелирный центр – село Сидоровское). Работает местная фабрика производства постельного и столового белья со специфической местной вышивкой, очень красиво и относительно недорого (эта фабрика называется Яковлевская мануфактура и находится тоже в Приволжске). В поддержание традиций,

¹ Мемориальный Дом-музей И. И. Левитана в Плесе в 1972 г. В этом доме художник жил и работал летом 1888-1889 гг. Мемориальные комнаты и экспозиционные залы знакомят посетителей с творческой биографией И. И. Левитана, великого русского художника-пейзажиста. В музее находятся подлинные работы художника и его современников.

² Дачный театр имени Шаляпина – это новый многофункциональный зал в Плесе. Здесь 18 мая 2007 г. состоялся исторический «Плещский саммит» по возрождению национального туристического маршрута «Золотое кольцо России». Дачный театр разместился в историческом здании бывших Мясных рядов, где в эпоху Левитана и Шаляпина плещские дачники устраивали любительские спектакли. Эффектно подсвеченная кирпичная кладка стен начала XIX в. – наиболее заметное украшение зала. Выход на набережную Волги оформлен воссозданной галереей с круглыми деревянными колоннами. Дачный театр имени Шаляпина одинаково хорошо приспособлен и для камерных классических концертов, и для показов мод, и для праздничных вечеров.

связанных с Левитаном, действует кофейня Софьи Петровны Кувшинниковой, где подают чай-кофе, местную выпечку и «любимое печенье Левитана».

К местным достопримечательностям культурной жизни принадлежит фестиваль А. Тарковского (родился в Юрьевецком районе). Фестиваль проводился в Левитановском культурном центре, открывшемся в 2012 г.¹

На набережной много кафе и ресторанов, но хорошо то, что они расположены не непосредственно на берегу Волги, а на расстоянии от неё: у реки протянулась прогулочная часть набережной – скамейки, деревья, цветы (можно даже бульваром назвать); потом проезжая часть, а уж за ней все заведения «общепита» и пр. Большого наплыва посетителей в кафе и ресторанах мы не

наблюдали: цены, даже рассчитанные на средние доходы, явно не по карману основной массе отдыхающих в их повседневной жизни. Существует яхт-клуб, являющийся некоторым центром, обеспечивающим отдых и экскурсии на воде.

С появлением резиденции Медведева начала изменяться инфраструктура (точно – улучшились дороги). Остальные перемены вызывают вопросы и сомнения: увеличилось финансирование на развитие посёлка, в том числе (если не в первую очередь) – поддержание заповедника, но далеко не всё производится в соответствии с научными подходами – как с точки зрения биологии, так и истории. На строительство в заповедной зоне ресторанов и отелей по неизвестным причинам разрешение выдано не местным бизнесменам, да и само их размещение вызывает вопросы населения. Полным ходом идёт возведение нового, весьма современного жилого

квартала, но никому не известно, кто и для кого строит. Конечно, слухи идут, что это жильё для обслуживающих резиденцию. Возвели её, кстати, в одном из лучших пляжных мест, которое прежде предпочитали местные жители (для приезжих оборудован пляж в черте посёлка).

¹ Левитановский центр создан в административном здании Плещского музея-заповедника – объекте культурного наследия, построенном в первой половине XIX в. в стиле позднего классицизма. Площадь составляет более 1000 кв. м.

Местное население занято главным образом обслуживанием туристов и отдыхающих. Особых бездельников, праздно шатающихся по посёлку, заметно не было. Рабочие места создаёт заповедник (включая музеи), туристические объекты, торговля. Школа на весь город одна, зато полная, т. е. укомплектована и учителями, и учениками. Есть колледж, который когда-то был аграрным, а теперь его направление постоянно меняется в зависимости от того, кто является его директором и каковы его интересы. Местную больницу ликвидировали, осталась поликлиника – неплохая, по отзывам местных жителей. О первом главвраче больницы ходит легенда, что он, будучи ещё молодым человеком, создал больницу с нуля, проработал несколько лет, а потом его с должности главврача сместили, он стал простым врачом в поликлинике, но очень скоро умер. Местные жители считают, что не смог пережить несправедливости.

В городе публикуются два периодических издания – местная газета «Плёсский вестник» и губернаторский (по словам местных жителей) журнал «Плёс и его окрестности». Люди считают, что региональные власти захотели иметь свои возможности информировать местное население, однако никакой особой информации из него почерпнуть не удалось – издание похоже на альбом фотографий, правда, очень хороших и качественно изданных.

Многие жители трудоспособного возраста ездят на работу вахтовым методом в Москву, некоторые там оседают. Но, по свидетельству молодой мамы, гулявшей с ребёнком на набережной, половина её одноклассников живёт по-прежнему в Плесе. И сама она, поскитавшись по Москве и Подмосковию, вернулась домой, организовала частное турагентство, действующее практически только как сайт, при помощи которого осуществляется бронирование апартаментов, принадлежащих различным хозяевам. В целом можно сказать, что люди стремятся жить в родных местах.

Сложилось впечатление, что местные люди обустроят свою жизнь самостоятельно, не рассчитывая ни на кого, но в постоянном ощущении, что «благодаря» силам извне (региональной или федеральной властям) в любой момент может что-то измениться к худшему, как, впрочем, за последние годы было уже не раз.

Отправляемся в город Иваново, что-то увидим в дороге, ведь ехать будем практически по сельской местности.

Местные жители обустроят свою жизнь самостоятельно, не рассчитывая ни на кого, но в постоянном ощущении, что «благодаря» силам извне (региональной или федеральной властям) в любой момент может что-то измениться к худшему.

Иваново: студенческий городок и центр нового «шёлкового пути»

По дороге Плёс-Иваново в основном пустыные поля, кажется, что всё наше рискованное земледелие средней полосы прекратилось. Возникает мысль, что в таком случае на освободившихся просторах хорошо бы скот пасти да корма выращивать. Но и этого не заметно: встретилось только одно небольшое стадо. Деревень и посёлков проехали немного, но особой запущенности не видели, хотя и не ясно, чем люди живут.

Всё это вызывает смутные опасения в нашей продовольственной безопасности. Впечатление, будто мы уже полностью зависим от иностранных поставок и в любой момент можем попасть в ситуацию Северной Кореи или Ирана, в случае эмбарго. Между тем в супермаркетах продают далеко не экопродукты, которые как раз самим бы и выращивать.

Кроме того, опасность для человека видится и в том, что некультивируемые поля (а это значительные пространства) означают наступление дикой природы на жилые территории.

Дачники российской провинции свидетельствуют, что на невозделанных и зарастающих кустами и молодыми деревьями полях уже появились клещи, проникающие на участки, чего раньше не было. Вероятно, что с экологической точки зрения это позитивный процесс (истинные экологи, наверное, так и скажут). Но для человеческих сообществ это, без сомнения, несёт определённую угрозу и перспективу снова начать борьбу с природой за территорию проживания.

Либо всё население будет сосредоточено в городах, а село полностью перестанет существовать. В дальнейшей работе мы обратим внимание на этот вопрос и попытаемся определить наметившиеся тенденции.

Город встретил нас развлекательно-торговыми центрами и огромными складскими помещениями, а также чистотой улиц и дворов – мусора и даже брошенных окурков не видно. Позже из интервью стало ясным, что торговые и складские центры – это во многих случаях бывшие текстильные предприятия (ни одно из которых сегодня не работает). Город пре-

вратился в центр нового «шёлкового пути» – ткани из Китая, Индии, Турции отсюда распространяются по всей России. Мы предполагаем, что нашли ответ на вопрос о высоком спросе на аренду жилья – менеджеры из различных регионов страны приезжают заключать договора, отправлять закупленные товары и т. п. (этого никто не подтвердил, даже квартирные агентства, но они могут просто не интересоваться, кто и зачем приехал в город). Удивила чистота в городе, но работы дворников – таджиков, киргизов или других национальностей, которых в Москве видно круглые сутки, мы не увидели (в региональной администрации нам подтвердили, что на этих должностях работают ивановцы), что поразило ещё больше. Во дворах (даже в центре города) плохие дороги и тротуары, поэтому в дождливые дни появляются грязь и лужи. Денег на это в бюджете не хватает.

В городе заметно много объявлений о том, что требуются швеи (в той же региональной администрации нам позже сообщили данные о безработице: «зарегистрированный уровень безработицы очень низкий – 1,19%, что ниже, чем в целом по стране»). Оказалось, что Иваново не только продаёт ткани, но здесь из них шьют одежду. Именно эти изделия встречаются по всей стране под брендом «Ивановский текстиль», хотя ивановский он лишь по пошиву. Вот такие инновация и модернизация.

Обратило на себя внимание большое количество молодёжи. Нет, это не вызывающие беспокойство стайки подростков, не криминальные группировки (местные говорят, что это в прошлом), но молодёжь с осмысленными лицами и куда-то спешащая, а также молодые люди, явно иностранцы – африканцы и азиаты. Выяснилось, что Иваново – город университетский: здесь 8 государственных и 12 частных вузов, в которых учатся в основном жители области и много иностранных студентов.

Положение со средним образованием визуально выглядит вполне прилично: школы оборудованы по современным стандартам, есть частные колледжи, среди тех и других имеются престижные и обычные. Есть весьма продвинутые школы, работающие по западному образцу, причём в некоторых придерживаются уже не только «буквы» методик, но и «духу»: жёсткие запреты на списывание, требование не позволять списывать другим, порицать (если не придавать гласности) такие поступки вплоть до сурового и публичного порицания непослушных. Не все школьники, как они сами говорят, такое выдерживают, а, по свидетельству родителей, некоторых детей пришлось из такого учреждения забрать.

Много различных форм дополнительного образования – во дворцах культуры, в школах, бывших дворцах пионеров есть возможности для занятий спортом. Это благополучие

Город Иваново встретил нас развлекательно-торговыми центрами и огромными складскими помещениями, а также чистой улицей и дворами. Торговые и складские центры – это бывшие текстильные предприятия. Город превратился в центр нового «шёлкового пути» – ткани из Китая, Индии, Турции отсюда распространяются по всей России.

в образовательной сфере подтверждает и то, что, по словам местных жителей и управленцев, дети из Иваново стремятся уехать для получения высшего образования в Москву, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Саратов, Воронеж. А в ивановских университетах учиться в основном молодёжь из районов области, что косвенно свидетельствует о том, что с образованием и стремлением молодёжи к учёбе и там порядок.

Город представляет собой объединение в единое целое нескольких посёлков, ставших микрорайонами. И население Иваново относится к нему как к «новоделу», то есть без особого почтения, но и без активного пренебрежения: очевидно, что безобразничать в месте проживания здесь не принято.

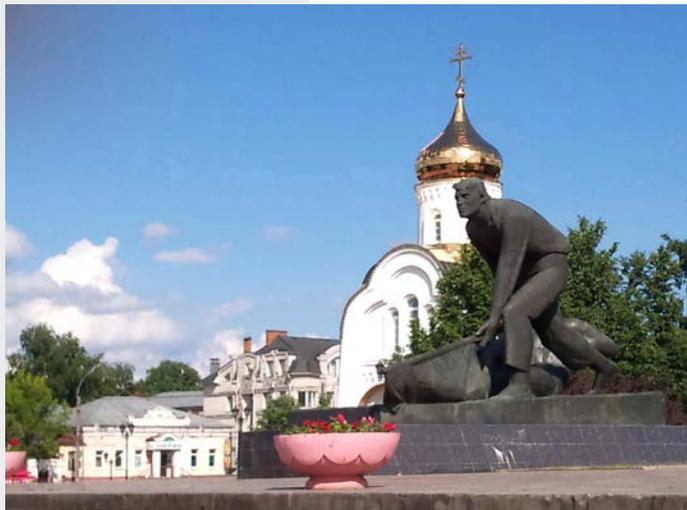
В центре города сохранилось много частных домов, при этом у большинства вставленные в окна стеклопакеты, а рядом с домом припаркован автомобиль, нередко иномарка. К слову, стилистически деревянные застройки поддерживают некоторые заведения «общепита», наиболее симпатичным из которых оказалось кафе «Шекспир». Уже построено несколько вполне современных «спальных» микрорайонов; говорят, если хотите увидеть пьяных на улице, поезжайте туда. Нам их увидеть массово не удалось. Наблюдали из своего окна лишь один случай: крепко выпивший мужчина «отдыхал», лёжа на асфальте у остановки автобуса. К нему подошли прохожие, человек пять; вызвали скорую и полицию, которые приехали довольно быстро. Мужчину забрали в скорую, но не увезли, оказалось, что позвонили дочери, которая подошла минут через пять и увела отца, нещадно его ругая, однако тихим голосом и литературным языком. Кстати, полиция в городе совсем незаметна, не могу вспомнить, видела ли хоть одного полицейского. Ещё сюжет в тему. Около нашего места проживания был рынок, обычный, торгующий китайскими промтоварами, но там была палатка с разливным пивом и квасом местного производства. Народ не толпился, хотя погода была вполне располагающей, алкоголиков видно не было, хотя мы заходили несколько раз и в разное время.

Конечно, в убранстве города сохранились следы советского прошлого и особенно революционного Иваново-Вознесенска. Один из таких памятников находится на центральной площади и выглядит колоритно, потому что ныне он оказался на фоне православного, построенного уже в наши дни, собора. Ещё одна приметная черта: соборов в городе

Город представляет собой объединение нескольких посёлков, ставших микрорайонами. И население относится к нему как к «новоделу», то есть без особого почтения, но и без активного пренебрежения: очевидно, что безобразничать в месте проживания здесь не принято.

немало, старинные реставрируются или уже отреставрированы, есть несколько действующих монастырей, также в очень приличном состоянии. В центре города сохранили памятник

Ленину, памятник рабочим-революционерам, героям Великой Отечественной войны, что представляется очень достойным и самостоятельным решением региональной администрации, не подпавшей под общий ажиотаж уничтожения памяти (или самой истории страны?) о своём прошлом. И, как представляется, это нисколько не мешает горожанам жить сегодняшним днём и по современным правилам.

Визуально создалось впечатление, что наибольшие проблемы в Иваново сосредоточены в сфере культуры. В городе есть

драмтеатр, но посещают его очень немногие, подчас в зале находится до 10 человек, а труппа играет спектакль полностью. Жители вспоминают, что когда-то в Иваново был самодеятельный театр, на спектакли которого приезжали даже москвичи, но после ухода из жизни его создателя и бессменного режиссёра Регины Гринберг существование театра прекратилось. Есть филармония, где в основном выступают приезжие творческие коллективы, ивановцы посещают эти концерты куда более активно, чем собственный театр. Вероятно, бывают и выставки, но мы видели лишь одну – посвящённую гигантам доисторической эры. Надо сказать, что тяга к культурному досугу у местных жителей явно есть, особенно у молодых семей с детьми: в праздничный День России посетители на эту выставку потянулись с самого открытия. Очереди не выстроились, но люди входили и выходили в течение дня постоянно.

По всей видимости, центрами культуры выступают университеты. Так, в Энергетическом университете действует постоянный научный семинар, посвящённый философу В. С. Соловьёву (великий русский мыслитель родился в Москве, это его отец жил одно время во Владимирской губернии – ныне территория Ивановской области). Среди студентов этого технического (!) вуза обнаружился интерес к означенной теме: на студенческой научной конференции проводилась «соловьёвская» секция, в которой участие приняли около 30 студентов.

Очень сильны, по словам горожан, различные детские художественные коллективы – хоровое пение, танцы, живопись. Ну и, конечно, как везде в России, активно действуют объединения художников, писателей, поэтов. Мы об этом узнали от региональных властей, которым они известны и уважаемы, но самим видеть и присутствовать не удалось.

Визуально создалось впечатление, что наибольшие проблемы в Иваново сосредоточены в сфере культуры.

Автомобилей на улицах много: преобладают иномарки, но достаточно и «жигулей» (больше, чем в Москве). По словам зам. губернатора, машиной владеет каждый второй житель области. Пробки в часы пик больше всего на въезде в город и выезде из него – многие жители строят дома в пригороде, многие из области ездят на работу в Иваново. По ночам по центральным улицам и проспектам на огромной скорости и с громким рычанием моторов носится молодёжь, спать под эти звуки весьма сложно.

В Иваново огромное количество таксопарков: сложилось впечатление, что если набрать любые одинаковые числа в качестве телефонного номера, то попадёшь в таксопарк. Такси сравнительно недорого (хотя, наверное, только в понятии москвича), везут и по области. Общественный транспорт ходит достаточно регулярно, толп ожидающих на остановках заметно не было. Несколько хуже, чем с городским транспортом, как мы быстро удостоверились, дело обстоит с общественными междугородными перевозками в пределах области – в некоторые места автобус ходит 1-2 раза в сутки (как добраться из пункта «А» в пункт «Б» в пределах района, не выяснили).

Таксисты оказались отличным источником информации для социолога, ибо разговаривают в основном охотно и знают про жизнь города много. Примечательно, что, охотно обсуждая любые темы, никто из них не пожелал обсуждать власть. Суть отказа сводилась к тому, что она (власть) их самих и их жизни не касается. А один из таксистов на вопрос «Чтобы вы сказали властям, если бы вас спросили о проблемах города?», ответил вопросом: «А вы что, верите, что такие власти бывают?». Правда, это не означает, что власти с жителями области не общаются, а скорее свидетельствует о способности граждан самостоятельно решать свои проблемы и отсутствии заинтересованности в подобном общении.

Вероятно, в связи с наличием в городе большого числа командированных, мы обнаружили десятки ресторанов и ещё больше кафе. Среди них нашлось несколько вполне приличных и, по московским меркам, вполне доступных по ценам. Но нам удобнее было заказывать еду на дом, потому что есть удавалось только вечером. Кухня грузинского ресторана была отменной. Конечно, хотелось поесть местных продуктов, но это было не так уж просто: основные производства уже не работают. Лишь одна местная фирма сама производит и продаёт продукты (включая молочные) в собственной сети магазинов и, что важно, акцентирует этот момент в своей рекламе, прибегая к слоганам: «Мы знаем наших коров» и «Молоко Ивановского края».

Региональная власть вполне открыта, встретиться и взять интервью с первым зам. губернатора (по сути, вторым лицом области), отвечающим за социальную сферу, удалось

Таксисты оказались отличным источником информации. Охотно обсуждая любые темы, никто из них не пожелал обсуждать власть. Суть отказа сводилась к тому, что она (власть) их самих и их жизни не касается.

В результате интервьюирования представителей администрации региона сложилось ощущение, что они делают всё, что могут, и таким образом, какой соответствует их убеждениям, и эти убеждения не расходятся с позицией федерального руководства.

без особого труда и протекции. Нас не только приняли, но беседа шла больше часа. В результате сложилось ощущение, что люди, здесь работающие, делают всё, что могут, и таким образом, какой соответствует их убеждениям, и эти убеждения не расходятся с позицией федерального руководства.

Политические партии (а нас интересовала активная оппозиция) также были готовы к общению, кстати, они произвели впечатление гораздо более открытых политиков, чем их коллеги в столицах более крупных регионов. В КПРФ на наш вопрос: «Не создаст ли ваш регион новый революционный Совет рабочих и крестьянских депутатов?» ответили твёрдо: «Это невозможно!», из чего допустимо сделать вывод об относительно успешной адаптации населения к новым условиям жизни. Наши визуальные наблюдения подтверждают этот вывод. И это притом, что мы не успели посетить наиболее успешный (по свидетельствам всех, кого мы интервьюировали) район области – Кинешму.

Шуя – историко-культурный центр

В Иванове все рассказывали, что город Шуя сохраняет свой исторический и культурный статус, шуяне ощущают его как свою родину, а себя как носителей традиций такого значимого места. Правда, оговаривались, что теперь Шуя уже не та. И мы туда поехали.

Приехали на такси в центр города в будний день – надо было ещё интервью брать (не на экскурсию прибыли). Вышли, перед нами грандиозное сооружение и соответствующее название – «Гранд отель»¹, возведённое, как выяснилось, в связи с тем, что Шую собирались включить в Золотое кольцо (но так и не включили). А вокруг – обычные деревянные жилые дома.

Рядом располагается центральная Зелёная площадь – историческое место. Дома всё больше двух- трёхэтажные XIX в., по центру – колокольня, третья в России сооружение такого рода². На одной стороне площади (из трёх, поскольку вместо четвёртой стороны начинается тоже старинная улица – местный Арбат) расположено очень сбалансированное, выполненное в псевдорусском стиле здание. Оказалось – Литературно-

¹ Фото см.: URL: <http://hotel-inn.ru/ivanovo/grand-hotel-shuya/>.

² Силуэт дореволюционной Шуи определяли храмы. К 1917 г. в городе было 20 церквей. Комплекс Воскресенского собора начала XIX в. известен своей 106-метровой колокольней – первой в Европе среди звонниц, стоящих отдельно от храмов. В 1891 г. на третий ярус колокольни был поднят седьмой по величине колокол в России (весом 1270 пудов). Он был отлит в Москве на средства крупнейшего фабриканта М. А. Павлова. С 1991 г. Воскресенский собор является подворьем Свято-Никола-Шартомского мужского монастыря – шуйской православной обители, известной с 1425 г. (Википедия, URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D8%F3%FF#.D0.9C.D1.83.D0.B7.D0.B5.D0.B8>).

краеведческий музей им. К. Бальмонта, который в народе так и называют «бальмонтовским» (т. к. в нём значительное место занимает экспозиция, посвящённая поэту – земляку шуян)¹. В нём в этот день проводились Бальмонтовские чтения – еже-

годная общероссийская конференция, которая собрала человек 50 специалистов из разных городов и регионов. Было очевидно, что многие друг друга знают и рады общению с единомышленниками и коллегами. Далее пошли по «Арбату» – ул. М. Белова. Мы обратили внимание, как чисто на улицах города. В магазинах – обилие китайских и турецких товаров. Но мы смогли найти в одном из дворикив маленькую лавочку, в которой обнаружили работы шуйских мастеров – живопись, изделия из

глины и т. п., хотя и соседствующие с китайскими, но не их традиционными товарами, а выполненными в русском стиле (например, записные книжки, обложки которых методом штамповки сделаны по палехским лаковым миниатюрам). Не ясно, однако, чья это предприимчивость – то ли шуян, заказавших их в Китае, потому что много дешевле, чем делать самим, то ли китайцев, разувзавших о Палехе и предложивших наштамповать дешёвые сувениры.

По улице чинно прогуливались местные жители: встречались полные семьи, но больше всё же молодые мамы с детьми (здесь тоже молодые мужчины ездят на работу в Москву вахтовым методом). Проходили мимо рынка – товары китайские, народу немного. Хочется подчеркнуть красоту и спокойствие города. Пьяных не видели, распивочных заведений тоже.

Шли мы по этой улице не напрасно – спешили попасть во второй музей – Историко-мемориальный имени М. В. Фрунзе², где планиро-

¹ Здание музея – памятник истории и культуры XIX в., имеющий областное значение. Выполнен в псевдорусском стиле. Музей насчитывает 34 тыс. ед. хранения. Коллекции составляют дары шуян: (портрет XVIII-XX вв., фарфор XVIII-XX вв, декоративно-прикладное искусство России и стран Востока, фотоколлекция 5 тыс. ед. хранения). С 1993 г. музей проводит работу по формированию фонда известного русского поэта-символиста К. Д. Бальмонта (1867-1942), уроженца сельца Гумнищи Шуйского уезда.

² Основан в 1939 г. как музей М. В. Фрунзе. Музей содержит свидетельства становления советской власти и деятельности М. В. Фрунзе. Интересна диорама, посвящённая гражданской войне, где Фрунзе и Чапаев возглавляли

Шуя сохраняет свой исторический и культурный статус, шуяне ощущают его как свою родину, а себя как носителей традиций такого значимого места.

вали взять интервью у его директора, лидера шуйских справедливороссов. Прекрасный музей (кстати, оба музея муниципальные, в хорошем состоянии). На первом этаже – выставка

местных художников, есть очень неплохие работы. Тут же на первом этаже – конференц-зал вполне современного вида и оборудования, где в это время детям из городских летних лагерей давали сеанс мультфильмов. Так мы узнали, что шуйские дети не бегают без присмотра в летние каникулы. На втором этаже – собственно экспозиция музея (в одном зале – посвящённая М. В. Фрунзе, а в других – купеческому быту и православным монастырям Владимирщины, так как при царе Шуя была вторым городом Владимирской губер-

нии). Музейные сотрудники рассказали, что в «ночь музея» посетителей было около полутора тысяч человек: специально были организованы выставки, местные художники и фотографы проводили мастер-классы.

После центра города пришлось отправляться куда-то совсем в другую сторону – на встречу с сотрудниками местной администрации. Можно сказать, что городская администрация располагается тоже в центре, но не в исторической его части, как мы ожидали, а в современной. Здесь разместились все необходимые учреждения: банк, супермаркет (главное здание в центре площади), кафе, рестораны и т. п.

В администрации рассказали, что удалось сохранить две текстильные фабрики (одна в старинном фабричном здании), которые находятся в разных частях города. Нам удалось увидеть обе и даже зайти в их магазины, где продают постельное бельё и полотенца – основную продукцию фабрик, причём её шьют не из привозных, а из собственных тканей.

До недавнего времени в городе работал Педагогический институт, сейчас его преобразовали в филиал Ивановского госуниверситета. Статус понизился, рабочие места сократились, сотрудники обескуражены.

форсирование реки Белая под Уфой. Основная экспозиция – «Время и судьбы» (история Шуи XIX-XX вв.).

Местные жители свидетельствуют: «Город Шуя – спокойный, уютный, народ живёт очень приличный и уезжать куда не стремится, несмотря на очень маленькие зарплаты в городе».

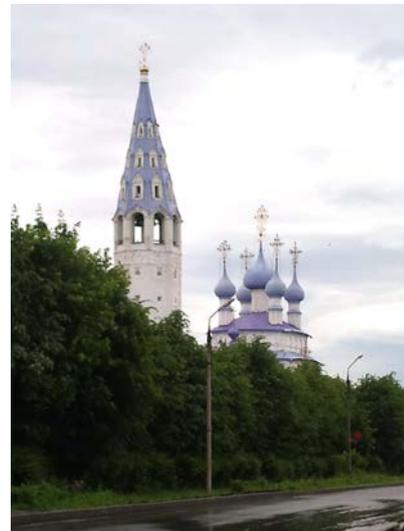
Обедали в шикарном ресторане, но не Гранд отеля, а в том, куда завёз нас таксист («лицо кавказской национальности»), который, как и в Москве, города не знал и доставил в то заведение, что явно держит его соотечественник. Это была самая окраина города, поэтому, чтобы успеть на следующую встречу, попросили официанта вызвать такси, которое приехало мгновенно. Так что

и здесь служба такси работает исправно.

Таксист подтвердил: город спокойный, уютный, народ живёт очень приличный и уезжать никуда не стремится, несмотря на очень маленькие зарплаты в городе.

Будучи в Шуйском районе, не смогли отказать себе в удовольствии заехать в Палех (центр лаковой миниатюры в России). Было утро выходного дня. Мы увидели необыкновенной красоты храм на центральной площади, нарядные деревянные жилые дома и ни души на улицах. Но в магазинах – продавцы на месте, и в сувенирной лавке тоже. Спросили, почему людей нет? Получили ответ: «Почему «нет»?!. Вчера немец заходил с семьёй – скупили всё, что смогли. А местные отдыхают, выходной ведь».

Посёлок ухоженный, домики аккуратные, но не богатые – никаких коттеджей, тем более дворцов. На нескольких домиках мемориальные доски – память об ушедших мастерах. Один местный предприниматель построил мини-гостиницу, очень симпатичное заведение; гостей, правда, видно не было. Сохранилась старая пожарная башня – не очень уж пышная архитектура, но как памятник материальной культуры вполне хороша. Рядом с ней – деревянный (и, кажется, что советский) дом культуры, очень интересный образец. Удивительно, что содержится в приличном состоянии.

Заключение

Так зачем социологу визуальное наблюдение и изложение его результатов в вербальной форме?

С нашей точки зрения, весьма полезно увидеть и попытаться осмыслить самостоятельно (то есть ещё до проведения интервью), как и чем живут люди, каковы они сами, какие проблемы в их жизни видны практически невооружённым глазом. И это важно в любом случае – какую бы проблему вы ни исследовали. Если интересует, например, работа властных органов, то прежде чем заслушать их «отчёт» в форме интервью, хорошо бы иметь возможность соотносить полученные данные с реальностью, как вы сами себе её представляете. Если ваши впечатления будут расходиться со словами респондента, это будет означать, что вы нащупали проблему, на которую следует обратить особое внимание в ходе дальнейшего исследования.

Если в фокусе исследования – активность гражданского общества, то необходимо увидеть, как живёт местное сообщество, чем занято, где работает, какую зарплату получает (а многое из этого видно визуально – в СМИ, в объявлениях на досках объявлений, на столбах и заборах), а также откуда может черпать информацию и т. п. Всё это подскажет про саму возможность возникновения самоорганизации в исследуемом населённом пункте. Не будем продолжать этот ряд примеров.

В нашем случае визуальное наблюдение в Ивановской области предоставило нам возможность выдвинуть ряд гипотез второго уровня (впервые гипотезы формулировались на этапе планирования исследования), которые могут стать ключевыми в дальнейшей работе над нашими проектами.

Даже при поверхностном взгляде разрушается стереотип, с которым мы приехали в Иваново. Во-первых, мы предполагали, что это один из самых депрессивных регионов средней полосы России, поскольку текстильная промышленность давно рухнула (это общеизвестный факт), никакими другими ресурсами область не располагает, а что она дотационна, не является секретом. Но регион жив и выглядит более или менее благополучным. Возникает вопрос: это результат деятельности региональной власти или активности местного населения?

Во-вторых, был устоявшийся образ Иваново как города пролетарской культуры, то есть города рабочего класса. Интеллигенции (а тем более в современной терминологии – интеллектуалов) немного, она не может доминировать и вести за собой население в его культурном развитии. Оказалось, что сегодня это город университетский, а потому здесь постоянно проживает большое количество интеллектуальной молодёжи (хотя её состав постоянно меняется, поскольку ежегодно одни заканчивают учёбу, а другие поступают на первый курс). А это

Полезно увидеть и попытаться осмыслить самостоятельно (то есть ещё до проведения интервью), как и чем живут люди, каковы они сами, какие проблемы в их жизни видны практически невооружённым глазом. И это важно в любом случае – какую бы проблему вы ни исследовали.

означает, что есть устойчивый и достаточно многочисленный корпус профессорско-преподавательского состава. Однако, что также заметно при визуальном наблюдении: при достаточном количестве мест проведения современного молодёжного досуга, мы не заметили организации досуга интеллектуального. Научная постановка вопроса в этой связи может быть такова: сложившаяся ситуация в культурной сфере – это недоработка властей, недостаточность ресурсов, пассивность творческих и других объединений, действующих в культурной сфере, или это инерция существовавшей в городе традиции? А сохраняющиеся в хорошем состоянии и активно работающие музеи области – это результат деятельности властей (какого уровня?), или это держится на энтузиазме профессионалов, в них работающих?

В-третьих, стереотип «Иваново – город невест» можно забыть, ибо современная Ивановская область – это скорее города одиноких молодых мам с детьми, поскольку мужчины месяцами дома не живут, зарабатывая деньги вахтовым методом. И при этом города области не выглядят заброшенными и опустошёнными. Что же поддерживает их в таком состоянии – действия властей, индивидуальная или коллективная предприимчивость жителей, а, может, их совместные усилия?

В-четвёртых, если разрушена промышленность, ликвидируется традиционное сельское хозяйство, а новые формы того или другого только формируются, то в чём же заключаются инновации на сегодняшний день – в появлении торгово-развлекательных центров, складов тканей и их оптовой торговле, во владении иномарками, возведении коттеджей наиболее обеспеченными горожанами, в образовании, осуществляемом по западным образцам (хотя западных условий жизни всё ещё не существует)? А, может, региональный курс на развитие высшей школы, в том числе на обучение иностранных студентов, и есть основная стратегия развития региона? Или она заключается в становлении, расширении и укреплении нового «шёлкового пути» с центром в Иваново? Да и есть ли такая стратегия вообще? И кто её разрабатывает – власти или активные члены общества?

Наконец, в-пятых, что же это за активизация политической жизни в стране, если политические партии существуют, а следов их активности никаких, то есть визуально не просматриваются? Причина кроется в авторитарном стиле управления или в узком коридоре возможностей для осуществления ими реальных действий? А, может, это происходит потому, что никаких политических процессов вообще нет?

Таковы отправные точки нашего исследования, появившиеся в результате визуального наблюдения. Остальные, уже собранные нами данные, и те, что появятся позже, поставят и новые вопросы, и на многие из них дадут ответы.

Города России: визуальное наблюдение социолога

Затерянный город: медийный конструкт или реальность

Аксёнова Ольга Владимировна – кандидат
социологических наук, ведущий научный
сотрудник ИС РАН

E-mail: illaio@yandex.ru

Затерянный город: медийный конструкт и реальность

Аннотация

В статье представлены результаты визуального наблюдения, проводившегося в ходе полевых социологических исследований в Тамбовской области летом 2013 г. Продемонстрирована самостоятельная научная ценность данного этапа работы социолога. Выявлено радикальное расхождение между реальностью, наблюдаемой в российской провинции, и реальностью, конструируемой в средствах массовой информации.

Ключевые слова: полевые исследования, визуальное наблюдение, российские регионы, малые города, конструирование социальной реальности, социокультурное развитие, СМИ

Полевые исследования в российских регионах, пожалуй, самая увлекательная часть нашей работы¹, в которой всякий раз приходится сталкиваться с разного рода неожиданностями, опровергающими предварительно выстроенные гипотезы. Визуальное наблюдение, а точнее – всё увиденное и услышанное, на первом этапе полевой работы является для исследователя главным источником данных, а чуть позже – средством верификации информации, полученной от респондентов. Сравнение наблюдаемой реальности со сложившимися представлениями о ней сознание осуществляет почти рефлекторно. Часто именно так формируются отправные пункты анализа, иногда такое сравнение позволяет сопоставить виртуальную и реальную удалённость российских локальностей, или, например, оценить целостность образа родной страны в сознании её жителей и т. п.

Нужно сказать, что представления социологов о том, к чему они не проявляли научного или праздного любопытства, являются конструктами, сформированными, как и у всех остальных граждан, в значительной степени под влиянием СМИ. В этом смысле они, с нашей точки зрения, репрезентативны, а потому имеют определённую научную ценность. По

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Региональное и местное управление: обратная связь власти и общества», грант РФФИ № 13-06-00314А.

этой причине мы попытались сформулировать образ Тамбова, сложившийся в коллективном сознании нашей исследовательской группы.

Разумеется, первая ассоциация – устойчивое выражение «Тамбовский волк тебе товарищ!», которые все мы освоили в детстве, из повседневной жизни и её лексики. Русская классика подсказывает ассоциации с «Тамбовской казначейшей» М. Ю. Лермонтова. Поэт, кстати, в Тамбове ни разу не был. Из Тамбова родом Гаврила Петрович Державин, но это вспомнили не все из нас. Из Тамбовской области, по уверениям продавцов, происходит вся картошка на рынках Москвы, даже если она уродилась где-нибудь в Чернобыльской зоне или в теплицах подмосковных совхозов. Тамбовское происхождение гарантирует её отменный вкус и экологическую чистоту. В памяти со школьной поры сохранились воспоминания о том, что Тамбовская область живёт сельским хозяйством, в особенности город Мичуринск. Современная попса породила устойчивую ассоциацию города с мальчиком, который хочет в Тамбов, почему-то отрезанный от воздушного и железнодорожного сообщения. Наконец, вклад средств массовой информации в создание конструкта тамбовской реальности свёлся к странной информации, о том, что в тамбовском лесу расплодились бобры, каждый размером с кабана. Бобров такое количество, что они по огородам ходят и людей не боятся.

Разумеется, если открыть тамбовские сайты в интернете, то картина региона сразу меняется, но это уже сбор информации. Виртуальная жизнь локальна так же, как реальная; другое дело, что на сайт легче попасть, чем до города доехать, но, кроме тамбовчан и изучающих их жизнь социологов, туда редко кто заглядывает. Роль СМИ в формировании наших представлений о Тамбове оказалась ничтожной, они, скорее, успешно конструировали белое пятно на карте Центральной России. Образ полуразрушенной, пьющей и криминализованной провинции, формируемый ими в последние двадцать лет, не имеет имени и конкретных координат. В результате возникает ощущение удалённости и затерянности старого российского города, где-то очень далеко, в пшеничных полях и яблоневых садах.

Тамбов

На самом деле Тамбов расположен довольно близко к Москве, (разумеется, по российским меркам) всего в 480 км от столицы. К нему ведёт прямая дорога через федеральные трассы М-4 «Дон» и М-6 «Каспий». На трассе «Дон» есть платный участок, с роскошным асфальтовым покрытием. Стоит проезд пока всего лишь тридцать рублей, но многие водители

Визуальное наблюдение, а точнее – всё увиденное и услышанное, на первом этапе полевой работы является для исследователя важным источником данных, а чуть позже – средством верификации информации, полученной от респондентов.

почему-то объезжают это место окольными разбитыми тропами. Московские суглинки скоро сменяются чернозёмами, лес за Тулой становится лесостепью, которая быстро переходит

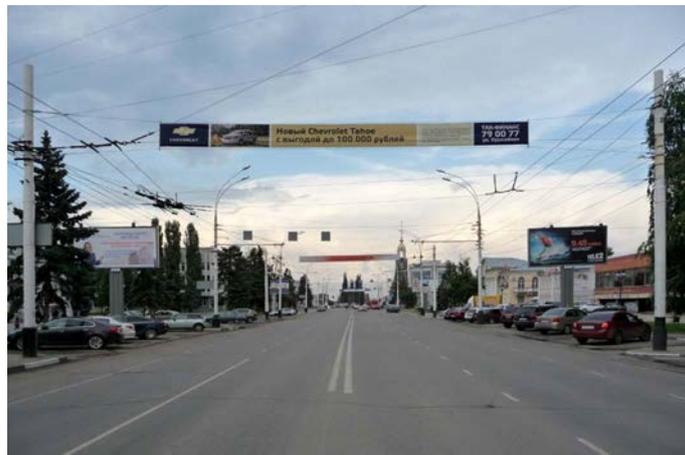
в степные просторы; появляются, наконец, вспаханные участки. В средней России их теперь редко можно увидеть, гораздо чаще нам встречались заросшие берёзками брошенные поля. Ближе к Тамбову действительно появляются посевы ржи и пшеницы, плотные и ровные, как щётки. Сорняки в этих полях не растут, ни одного василькового пятнышка не видать, лишь ромашка аптечная да фиолетовый шпорник по краю поля, и всё. В Тамбове нам рассказали, что

жители области полей побаиваются: говорят, что птиц на них нет вовсе; ходят слухи, что кто-то из сельчан покормил этой пшеницей поросят, большая часть из них погибла, а выжившие заболели.

Незасеянной степи больше, чем вспаханных участков, если сравнивать с советскими временами. Над машиной всю дорогу парили орлы. Ближе к Тамбову степь сменилась лесом и появились сады. Пересекаем речку, сплошь покрытую цветами белых водяных лилий и жёлтых кубышек, что действительно свидетельствует об экологической чистоте воды.

Перед городом дорога ремонтируется, несколько километров ехать тяжело. Тамбов начинается стандартными спальными кварталами, а затем неожиданно разворачивается светлой и широкой улицей Интернациональной. Дома тридцатых годов застройки, но выглядят как только что построенные. Говорят, проспект и дома привели в порядок совсем недавно. Ощущение, будто попал в тридцатые, проходит, когда выезжаешь на улицу

Советскую, главную в городе, вытянувшуюся вдоль канала реки Цны (сама она течёт чуть дальше). На этой улице множество магазинов, супермаркетов, кафе, ресторанов, театров, гостиниц. Тут же расположен один из корпусов

университета им. Г. П. Державина. Ожидался выпускной бал, и на улицах было много красивых, празднично одетых студентов. Здесь архитектура позднего СССР соседствует с дореволюционной и совсем новой, но построек времён борьбы с архитектурными излишествами и экономии материалов, на первый взгляд, больше. Дом, в котором мы сняли квартиру, находится

внутри квартала, за длинным зданием конца 1970-х. С первого раза найти его в лабиринте хрущёвок не удалось: одинаковые строения, долгие годы не ремонтировавшиеся. Некоторые панели и балконы выглядят угрожающе, точно готовы в любой момент обвалиться. Рядом припаркованы иномарки, бюджетные и не очень. Дворы чистые, газоны заросли высокой травой, во дворах детских садов цветут рыжие лилии.

В длинном доме, выходящем фасадом на Советскую улицу, расположено кафе-кондитерская «Опера», уютное, с хорошей музыкой и очень вкусными пирожными.

Работают там одни девушки. Удалось пообедать в популярном ресторане «Пират» на улице Сергеева-Ценского, который, говорят, посещал и сам губернатор. Правда, когда мы пришли, главное здание было закрыто, обслуживались лишь столики на берегу канала, ассортимент блюд в тот день тоже был ограничен. На канале много небольших прогулочных катеров, на одном гуляла свадьба, судя по доносившейся музыке, курдская. В городе большая курдская община, единственный источник (по словам горожан) некоторого межнационального напряжения.

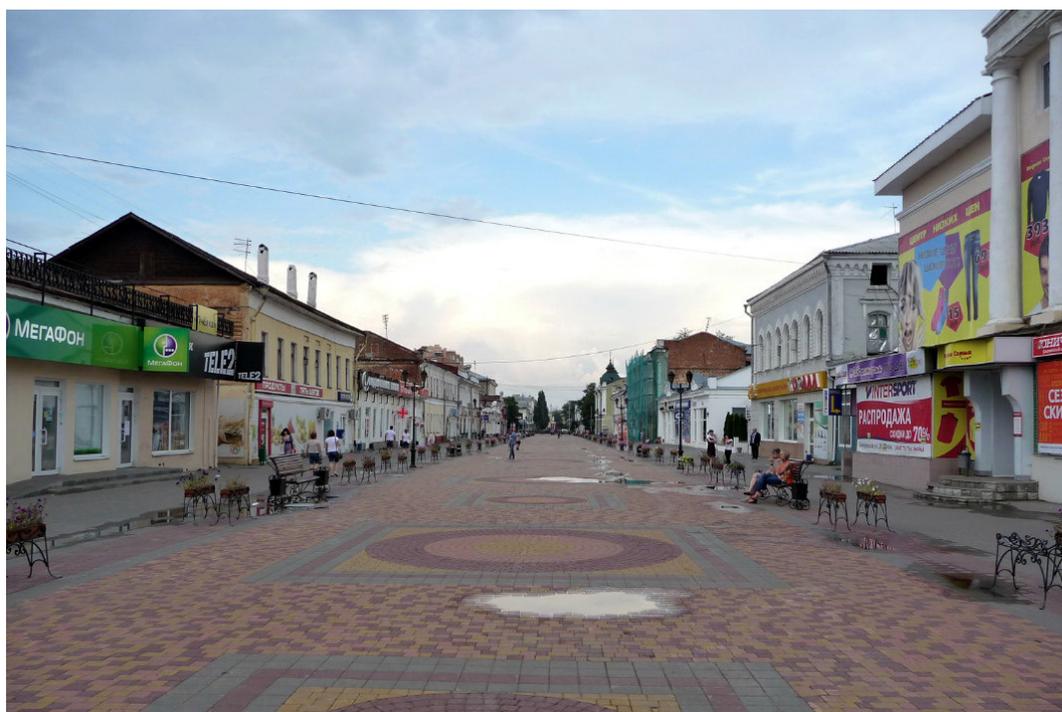
Ресторан «S. Cardinal» произвёл сильное впечатление необыкновенно вкусной кухней. Это элитное заведение расположено между старыми двухэтажными домами, на балконах которых сушится бельё, фасад его выходит на пешеходную улицу – местный Арбат, а поблизости находится рынок, торгующий дешёвыми китайскими вещами.

Соседство нового и старого, богатого и бедного характерно для Тамбова. Их контраст пока ещё можно наблюдать в одной точке городского пространства, так как местное богатство не обособилось в элитных кварталах.

Присутствия политических партий в городской среде не заметно. То есть можно увидеть их символику, указывающую на наличие в данном месте партийной штаб-квартиры, но не более того. В Тамбове удалось посетить офисы партии «Яблоко», КПРФ и ЛДПР. Политические партии, как в других регионах, арендуют для своих офисов дешёвые помещения. Штаб-квартира ЛДПР в деревянном доме (правда, в тот

Тамбов начинается стандартными спальными кварталами, а затем неожиданно разворачивается светлой и широкой улицей Интернациональной. Дома тридцатых годов застройки, но выглядят как только что построенные.

момент они готовились к переезду), коммунистов приютил хозяин авторемонтной мастерской, он же разрешил поставить на её территории бюст И. В. Сталина. «Яблоко» мы нашли в бывшем заводууправлении. Помещений, не затронутых евро-ремонтom, не востребованных для офисов бизнеса и компаний, судя по всему, немало: в городе закрыты предприятия и военные училища.

Деревянных домов много, наличники и ставни тут красят в два или три цвета: например, зелёный, синий, белый. Резьбы гораздо меньше, чем в таких же домах Нижегородской и Ивановской областей.

Народных ремёсел здесь немного, носили они утилитарный характер: все силы и таланты крестьянина уходили на обработку плодородной чёрной земли. В результате сувенирная продукция в городе состоит из современных изображений Тамбовского волка. Нужно сказать, что сувенирам уделяется много внимания, в интернете Волк представлен на двух специализированных сайтах: [«Тамбовские сувениры»](#) и [«Сувениры Тамбова»](#). В центре города находится сувенирный магазин, в котором Волк – на чашках, пепельницах, майках, в скульптурном и живописном виде. Из другой тематики – лишь несколько сувенирных керамических тарелок с символикой Моршанска и Мичуринска.

Культурная жизнь города заметна: художественная выставка открыта прямо на улице Сергеева-Ценского, репродукции известных картин размещены на стене дома. Открытие было театрализованным: актёры в костюмах Екатерины II, от которой Тамбов получил статус города, и «старика Державина». Продолжение «культурной программы» развернулось далее на наших глазах в музее Великой Отечественной войны. Он новый, располагается в двухэтажном отреставри-

Присутствия политических партий в городской среде не заметно. То есть можно увидеть их символику, указывающую на наличие в данном месте партийной штаб-квартиры, но не более того.

Народных ремёсел здесь немного, носили они утилитарный характер: все силы и таланты крестьянина уходили на обработку плодородной чёрной земли. В результате сувенирная продукция в городе состоит из современных изображений Тамбовского волка.

рованном здании XIX в. Создан усилиями директора-энтузиаста сначала в одном из военных училищ города, но после закрытия училища музей получил поддержку от городских властей. В здании музея на втором этаже проходила выставка работ местных самодельных художников. Многие полотна действительно талантливы. Пожилые мастера-профессионалы – люди уважаемые, входят в городскую элиту. На выставке разгорелся спор между ними и художниками, продающими свои картины на улице «у стены» (имеется в виду торговля картинами у центрального рынка): портят ли последние вкус горожан или, наоборот, развивают. Оказалось, что это к тому же спор отцов и детей. Права художников, работающих на городской рынок, отстаивала дочь маститого живописца. Нужно сказать, что молодёжи в зале было много, причём молодёжи действительно одарённой, судя по представленным полотнам. Мы решили взять интервью у нескольких художников, но наша камерная беседа быстро перетекла в бурную дискуссию, участники которой горячо обсуждали место живописи в культуре города, сохранения традиций художественного образования.

Краеведческий музей¹ расположен в здании бывшего Дома политического просвещения, сдаёт в аренду доставшийся по наследству зал, предназначенный для проведения массовых мероприятий. Это позволило музею не просто выживать, но и развиваться, обновлять экспозицию, использовать современные технологии для презентации коллекции и освещения экспонатов².

Тамбов визуально производит впечатление культурного, а не сельскохозяйственного центра. Точнее, культурного центра, который идентифицирует себя как столица чернозёмного крестьянского края. В 2008 г. в городе открыли памятник тамбовскому крестьянину работы местного скульптора В. Острикова. Это особенная культурная позиция города прочитывается в архитектуре разных эпох и стилей, отреставрированной и отремонтированной, несмотря на скудость регионального и городского бюджетов. Он прослеживается в памятниках и памятных знаках, напоминающих, например, о том, что сто

Тамбов визуально производит впечатление культурного, а не сельскохозяйственного центра. Точнее, культурного центра, который идентифицирует себя как столица чернозёмного крестьянского края. В 2008 г. в городе открыли памятник тамбовскому крестьянину работы местного скульптора В. Острикова. Это особенная культурная позиция города прочитывается в архитектуре разных эпох и стилей, отреставрированной и отремонтированной, несмотря на скудость регионального и городского бюджетов. Он прослеживается в памятниках и памятных знаках, напоминающих, например, о том, что сто

¹ Тамбовский областной краеведческий музей основан 24 декабря 1879 года. Музей располагается на Державинской улице в бывшем здании Дома политического просвещения, которое является памятником архитектуры. Фонды музея насчитывают 112 693 единиц хранения, среди них коллекция русской печатной гравюры XVIII-XIX вв., коллекция китайских и голландских декоративных ваз второй половины XVIII-XIX вв., палеонтологическая коллекция беспозвоночных животных и коллекция горных пород, слагающих осадочный чехол (внешний слой земной коры). Музей посещают около 57 тыс. человек в год.

² См.: URL: <http://tambovmuseum.ru/#>.

лет назад В. И. Агапкин, штаб-трубач 7-го запасного кавалерийского полка, расквартированного в Тамбове, написал самый пронзительный русский марш «Прощание славянки».

О людях писать сложно, точнее, сложно уловить, чем отличаются и чем выделяются тамбовчане. Первым в голову приходит слово «нормальные». Возможно, причиной тому – длительный опыт поездок по всей стране. «Нормальность» жителей её городов и весей от Москвы до самых окраин фиксируется

в сознании по контрасту с картинкой, предлагаемой СМИ, на которой большей частью представлены граждане девиантного поведения. В Тамбове, как и повсюду, люди разные, но разумные, симпатичные, доброжелательные и т. п. Тамбовские активисты ЛДПР очень молоды и увлечены планированием добрых дел, а не эксцентричных политических акций в стиле их партийного лидера (как можно было бы ожидать), потому все вместе они похожи, скорее, на тимуровскую команду. Мы встретили немало людей интеллигентных, что усиливает общее ощущение культурного города. И ещё: среди наших респондентов было немало красивых и активных женщин, что, впрочем, нормально для всех регионов, в которых нам довелось работать.

Районы Тамбовской области

Визуальные наблюдения в районах ещё более беглые, чем в самом Тамбове, так как останавливались мы в каждом из них на очень короткое время, иногда проездом. Первым городом, который мы посетили, был Рассказово. Там сохранилась трикотажная фабрика и множество с ней связанных швейных мастерских. Рассказовский трикотаж продают в Тамбове в специализированных магазинах; надо сказать, он вполне качественный и при этом дешёвый.

В Рассказово мы приехали ближе к вечеру, рабочий день закончился. Фабрика за длинным бетонным забором и её магазин закрылись. Успели только обратить внимание на то, что городок чистый, да ещё посидеть на фигурных скамейках на центральной площади, где прохожих было совсем мало.

Тамбов – культурный центр, который идентифицирует себя как столица чернозёмного крестьянского края.

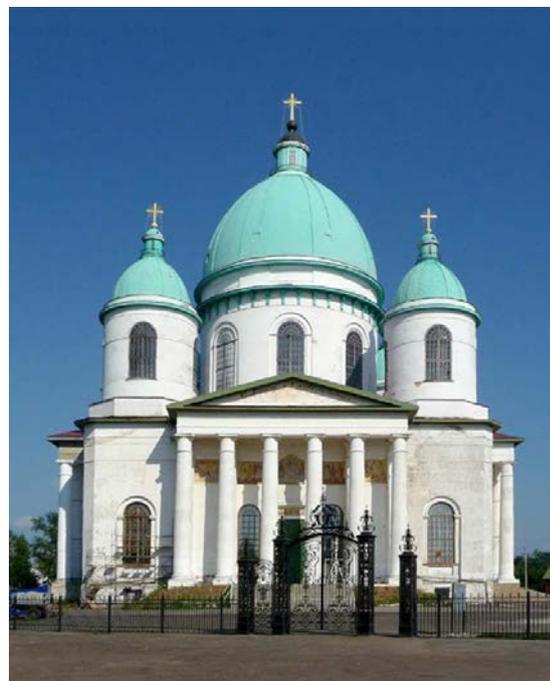
«Нормальность» жителей городов России фиксируется в сознании по контрасту с картинкой, предлагаемой СМИ, на которой большей частью представлены граждане девиантного поведения. В Тамбове люди разные, но в большинстве разумные, симпатичные, доброжелательные.

В Моршанск отравились утром, потому жизнь в центре города была более бурной. Хотели провести интервью в кафе, но там оказалось много народу, в основном семьи с детьми, и довольно жарко – кондиционера не было. На центральной площади стоит памятник Ленину, рядом сквер с высокими деревьями. Моршанск – старый купеческий город, процветавший в те времена, когда Цна была судоходной рекой. В центре – архитектура XIX в.: аристократическая и купеческая. Рядом расположены реставрируемая Никольская церковь, Троицкий собор с коваными воротами удивительной красоты. Но самое сильное впечатление на всех нас произвёл краеведческий музей, точнее Историко-художественный музей Моршанска¹.

В музее собрана уникальная коллекция живописи, предметов быта, мебели, т. е. всего того, что когда-то было в домах моршанских купцов и помещиков. Например, резные инкрустированные скамейки из Италии и местные их копии с подогревом – тазы с горячей водой размещались под сидениями, что обеспечи-

вало комфорт любования садом холодными и совсем не итальянскими вечерами. Но особенно хороша деревянная скульптура из православных храмов окрестных сёл работы своих же моршанских мастеров: изображения Иисуса и святых трогательные и очень человеческие. Сам музей находится в старом здании. Он единственный в области, до конца не отремонтированный.

В военные годы Моршанск снабжал фронт махоркой, валенками и шинелями. Табачная фабрика функционирует до сих пор, продолжает работать предприятие «Моршанскхиммаш», Локомотивное депо, маслодельный и пивоваренный заводы. Квас продаётся повсеместно, пиво попробовать не удалось. Зашли в питейное заведение, небольшое открытое кафе, в котором было несколько оче-

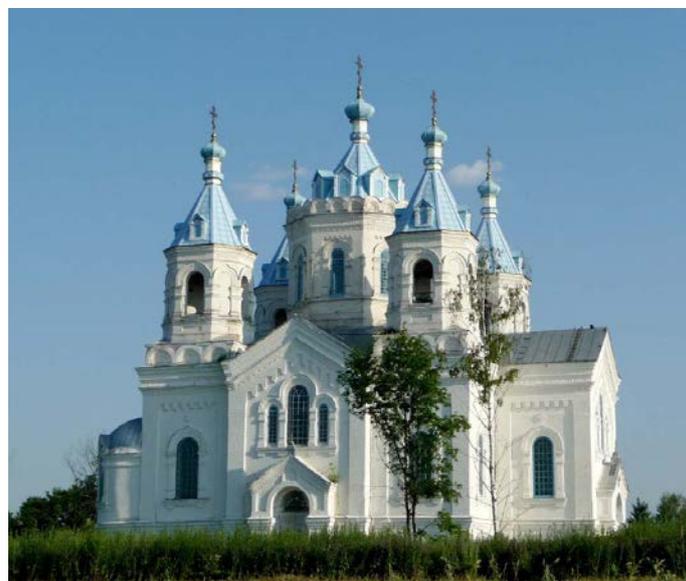
¹ Основан в 1918 г. археологом-самоучкой, художником и краеведом Петром Петровичем Ивановым в бывшем магазине купцов Кавериных на основе своей коллекции, которую он собирал в течение 15 лет. С 1925 г. здание полностью отдано под музей. Художественный отдел был открыт в 1926 г. С 1941 г. музей получил краеведческое направление. Его история и экспозиция подробнее представлены в фоторепортаже на одном из городских форумов: URL: <http://morshansk.ru/forum/viewtopic.php?f=15&t=8036>.

видных завсегдатаев, которые вели себя тихо. Вообще в тамбовской области пьяных, дебоширящих или лежащих на улице, мы не видели.

Обратный путь лежал мимо Тамбовского леса, массив которого от лесов Мордовии «языком» вытянулся далеко в степь вдоль реки Цны. Хотелось проверить информацию о бобрах, которые, судя по публикациям СМИ, расплодились весьма угрожающе. Мы свернули на дорогу, ведущую в лес, проехали мимо деревни под названием Пахотный Угол, основанную, как выяснилось, в 1695 г. отставными солдатами. По этой причине долгое время у села было второе имя: Солдатчино. Издалека видна его необычная Богоявленская церковь, большая, возвышающаяся над степью и лесом, с пятью маленькими главками. Поля вокруг и вправду вспаханы, засажены зерновыми, подсолнечником и табаком самым странным образом, иногда даже на обочине дороги. Дома хорошие, добротные, но дорога с относительно ровным покрытием вдруг сменилась просёлком и уже в лесу упёрлась в шлагбаум. Местные жители, среди которых много детей, мальчишек на велосипедах, были веселы и доброжелательны. Пьяный по пути попался лишь один, и тот приветливо помахал нам рукой. Бобры, как выяснилось, живут и строят плотины, где им и положено, их количество вполне в норме, и по огородам они не ходят. На машине до них вряд ли можно добраться. В лес мы всё-таки зашли, но ближе к Тамбову, рядом со скульптурой Волка, с традиционной для городских сувениров подписью «Тамбовский Волк – хороший товарищ». Лес оказался сосновым, светлым, с хвойной подстилкой, деревья высокие с золотистыми стволами. К счастью, в промышленных масштабах здесь никто его не заготавливает.

Последним городом, который мы посетили по пути в Москву, был Мичуринск, бывший Козлов, названный именем трудившегося здесь знаменитого селекционера, ёмко выразившего идеологию индустриализации России начала XX в. и первых десятилетий советской власти: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у неё – наша задача». Город выглядит много беднее остальных, которые мы смогли посе-

тить, несмотря на статус наукограда, несмотря на то, что в нём находится уникальный аграрный университет, основанный в 1931 г.¹

Наукоград много контрастнее самого Тамбова. В Мичуринске чистые улицы, аккуратные газоны и клумбы. Есть живописный парк культуры и отдыха, любимый горожанами, что подтверждает присутствие продавцов воздушных шаров. Всё, что связано с аграрной наукой, выглядит неплохо, но только в этом городе мы увидели развалившиеся дома, утопавшие в дикой зелени заброшенные сады. Есть и дома, на первый взгляд разрушенные и забытые, но на одном из них мы обнаружили табличку с названием гимназии, как нам объяснили, лучшей в городе.

Поблизости от гимназии находится музей первого президента Академии художеств СССР А. М. Герасимова: усадьба отца художника и здание выставочного зала, удачно вписанное в городскую среду, фактически спрятано за домом живописца, так что даже не все члены нашей группы заметили его масштабы. За деревянными воротами – выложенные брусчаткой тропинки и ухоженный сад; по словам директора музея, он почти не изменился. Следует отметить, что музей был создан и поддерживается благо-

даря энтузиазму его основателя и директора Тамары Ильиничны Вороновой. В самом начале своей деятельности она решила сохранить дом и подворье в том виде, в каком они были при жизни сталинского академика и какими запечатлены на его картинах, и с успехом эту задачу осуществила. Тамара Ильинична – человек невероятно активный и увлечённый, обладающий редким качеством, которое можно было бы назвать наивностью, но наивностью особого, удивительного типа: она просто не видит препятствий, и действительно

это позволяет ей проходить «сквозь стены» и делать абсолютно невозможное, в полном соответствии с рекомендациями героя старого советского фильма «Чародеи»: «Видеть цель, верить в себя и не замечать препятствий!».

¹ Мичуринский государственный аграрный университет – специфическое, единственное в своём роде высшее учебное заведение в России. Его главной особенностью является наличие комплекса специальностей и специализаций, охватывающего всю систему агропромышленного комплекса целиком.

Рядом с музеем – огромный собор со стенами красного кирпича. Это Боголюбский кафедральный собор¹, построенный после эпидемии холеры, случившейся в середине XIX в. Обликом и пропорциями собор напоминает Храм Христа Спасителя в Москве, и недаром: оба храма строились по одному проекту.

Недостаток ресурсов в этом городе очевиден, он проявляется в какой-то общей запущенности, свойственной скорее 1990-м гг. Офис горкома КПРФ находится в помещении, не отремонтированном с советских времен, как и множество других контор и магазинчиков, расположенных в том же здании. Тем не менее, грязи и пьяниц мы не видели и здесь.

Обедали в лучшем кафе города, уступавшем тамбовским заведениям, но вполне приличном. За соседним столиком сидела компания, над профессиональной принадлежностью которой мы долго ломали голову, пытаясь угадать, кем работают крепкие, упитанные парни и вполне обычные женщины средних лет рядом с ними. Судя по доносящимся до нас репликам, это были полицейские. Было и ещё несколько посетителей: время обеденное.

Некоторые выводы

Особой экономической активности в Тамбове и области визуально не просматривается. С трудом удерживаются на плаву остатки советских производств, в сельское хозяйство проникают глобальные потоки посредством аграрных технологий. Их появление у местных жителей вызывает скорее тревогу и опасение.

Отметим, что связь и цифровые технологии в их потребительской версии распространены в области, как и в других регионах. Многочисленные салоны и мелкие лавочки сотовых операторов настолько повсеместны, превратились в привычный элемент городской среды, что уже не фиксируются, не

¹ Боголюбский собор был построен по проекту К. А. Тона в 1873 г. на средства жителей Козлова в благодарность Пресвятой Богородице за избавление города от эпидемий чумы и холеры, свирепствовавших в этих краях в XVIII-XIX вв. Известно, что Боголюбский собор и храм Христа Спасителя в Москве построены по проекту Введенской церкви Санкт-Петербурга. Более того, московский и петербургский храмы были разрушены. И когда храм Христа Спасителя восстанавливали, живым примером служил Боголюбский собор – единственный подобный сохранившийся проект архитектора К. А. Тона.

«наблюдаются». Существенного влияния на экономическое развитие региона они не оказывают. Закрытие заводов, военных училищ и фактическое свёртывание сельского хозяйства в чернозёмной зоне должны были бы привести к разрухе, к глубокой экономической и социальной депрессии. Однако такого не наблюдается.

Город и область восстанавливают всё, что позволяют скудные ресурсы, и делают даже то, чего они не позволяют. Тамбов живёт активной культурной жизнью, и, в отличие от жизни экономической и политической, она вполне очевидна. Жители вкусно едят, красиво одеваются, воспроизводят свою историческую идентичность и уникальность, старательно сохраняя память о купеческой жизни, об Антоновском мятеже и о сталинском «придворном» живописце. Тамбовский Волк, растиражированный в сувенирах, тоже элемент пропаганды местной уникальности.

Визуальное наблюдение в данном случае подтверждает один из наших основных выводов: в условиях недостаточности ресурсов социокультурное развитие региона в целом и отдельных локальностей возможно лишь при наличии достаточного числа активных субъектов действия и работающих механизмов их воспроизводства. Остаётся невыясненным вопрос, обозначенный в самом начале этой статьи: почему СМИ практически подвергают умолчанию Тамбовскую область с её стариной и современной культурной жизнью, с её социальной активностью и исключают её из сознания россиян? Впрочем, то же самое происходит со многими из исследуемых (и ещё не исследованных) нами регионов. Можно лишь предположить, что это более чем странное явление не есть результат заговора, но проявление глобализации, в процессе реализации которой образ родной земли оказывается не востребованным – достаточно безымянных чернозёмов, осваиваемых агрохолдингами вахтовым методом.

Жители Тамбова вкусно едят, красиво одеваются, воспроизводят свою историческую идентичность и уникальность, старательно сохраняя память о купеческой жизни, об Антоновском мятеже и о сталинском «придворном» живописце.

В условиях недостаточности ресурсов социокультурное развитие региона в целом и отдельных локальностей возможно лишь при наличии достаточного числа активных субъектов действия и работающих механизмов их воспроизводства.

Города России: визуальное наблюдение социолога

Нижегородская область: индустриальный центр и хранитель ремёсел

Подъячев Кирилл Викторович – кандидат
политических наук, научный сотрудник ИС РАН

E-mail: kirvik@bk.ru

Нижегородская область: индустриальный центр и хранитель ремёсел

Аннотация

В статье с применением методов визуального анализа рассматриваются результаты исследований, проведённых в мае 2013 г. в Нижегородской области. Показано, что вопреки негативному образу российской провинции, формируемому СМИ, жизнь продолжается, а визуально заметно и совершенствование среды обитания местных жителей.

Ключевые слова: регион, традиции, трансформации, муниципальное управление, гражданское общество, визуальная социология

Первой нашей экспедицией в рамках исследовательских проектов¹ «Роль структур гражданского общества в социальных процессах современной России» и «Государственное и муниципальное управление: обратная связь власти и общества» стала поездка в Нижегородскую область.

Особенность нашего метода заключается в том, чтобы не просто на несколько дней заехать в столицу региона и провести глубинные интервью с респондентами, но и самым внимательным образом ознакомиться с окружающей обстановкой, почувствовать атмосферу, как говорится, «пульс жизни». Эта методика «погружения» не всегда одобряется в современной науке, поскольку интуитивное знание с трудом поддаётся верификации и адекватной трансляции. Однако в определённых пределах её можно использовать, полученные с её помощью сведения могут дополнить и скорректировать эмпирические данные о социально-политической ситуации в регионе, полученные другими способами (количественные методы исследования, глубинные интервью, мониторинг веб-сайтов, анализ статистики и официальных документов и т. п.). Чтобы получить более полную картину жизни региона, необходимо не останавливаться только на региональном центре, но посещать и районные центры, и сельские поселения, и даже по дороге из одного населённого пункта в другой внимательно наблюдать за тем, что встречается на пути. К сожалению, для этого

¹ Статья выполнена по результатам проекта, грант РГНФ № 13-33-01031 «Роль структур гражданского общества в социальных процессах современной России».

необходимо иметь личный транспорт, что не всегда возможно по условиям финансирования. Но на этот раз такая возможность у нас была, и мы с коллегами направились из Москвы в Нижний Новгород на автомобиле.

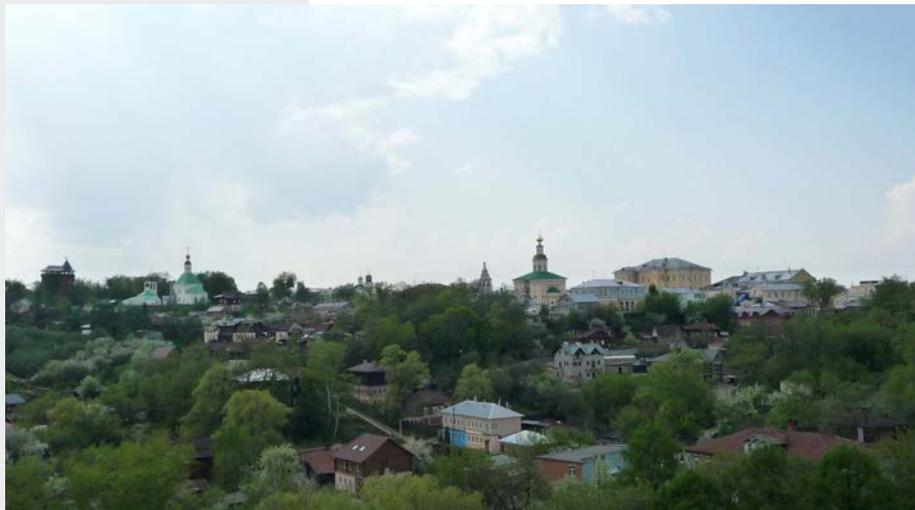
В дороге

Путь наш лежал по трассе М7 «Волга» через Владимирскую область. Надо заметить, что дорога эта, примерно на 30-40 километров от Москвы считающаяся подлинным испытанием для автомобилистов, после г. Ногинска становится вполне приличной. Хотя она не соответствует европейским стандартам автомагистрали (почти полностью отсутствуют двухуровневые развязки и пешеходные переходы, на значительной части нет разделительных барьеров и т. п.), трасса на всём протяжении – четырёхполосная (а многие трассы в России, включая стратегические – «Каспий», «Холмогоры» – за пределами Московской области становятся двухполосными). Качество асфальтового покрытия также очень приличное, на участке Боголюбово – Гороховец можно даже считать отличным.

Города, встречавшиеся на пути (Покров, Петушки, Лакинск, Гороховец, Вязники), приятно удивили. Нельзя сказать, что они процветают, но и признаков какого-то упадка, по крайней мере, на первый взгляд, не наблюдается. Более того, в последнее время в них стали вновь подниматься традиционные производства (или возникать новые, но на базе традиционных). Так, город Покров, с XVII в. славившийся пряниками, которые, по мнению знатоков, ничуть не уступали тульским и заграничным (краковским, ахенским, страсбургским), и сегодня поставил пряничное дело на широкую ногу. Лотки с пряниками появляются вдоль трассы уже после Орехова-Зуева (ещё в Московской области), а в самом Покрове, кажется, в каждом доме у трассы находится пряничная лавка. И именно в Покрове уже в 1990-е гг. была построена совместно со швейцарской фирмой кондитерская фабрика, производящая сейчас многие виды шоколада, печений и вафельных тортов.

В г. Лакинск сохранился построенный в 1960-х пивоваренный завод, который до сих пор производит пиво по старой технологии, без применения консервантов, красителей и т. п. Кроме пива, лакинский завод изготавливает ещё квас, медовуху и лимонад – все напитки, действительно, очень вкусны и, судя по всему, натуральны. Популярность их велика – возле пивзавода всегда стоит длинная очередь, заставляющая вспомнить последние годы Советского Союза. Да и дальше по трассе встречались ларьки «Лакинское живое пиво». То, что качественная продукция местных производителей продаётся

в основном на обочине трассы недалеко от места производства, говорит не о слабости этих фабрик, а об особенностях современной экономической системы. В крупных торговых

сетях, как правило, реализуется продукция крупных же компаний, изготавливаемая в больших объёмах по унифицированным рецептурам. У небольших региональных производителей, чьи товары, особенно продовольственные, зачастую отличаются гораздо более высоким качеством, нет возможности реализовывать свой продукт через ритейлерские сети. Всё, что им оста-

ётся – сотрудничать с мелкими предпринимателями, участвовать в «ярмарках выходного дня» в крупных городах, и вот так продавать свою продукцию прямо на трассе проезжающим мимо автомобилистам.

Областной центр – Владимир – на вид произвёл весьма благоприятное впечатление. Даже в центре города много частных домов сельского типа, при этом центральный проспект имеет вполне урбанистический вид. Это создаёт особенный контраст – домики и сады, как в XVIII столетии, но стоит пройти метров 300 – и оказываешься на современной городской улице, с магазинами, кинотеатрами и клубами, кардинально ничем не отличающимися от столичных. Главная жемчужина

Владимира – исторический центр, бывший Детинец средневекового города. Там до сего дня сохранились Успенский и Свято-Димитриевский соборы – прекрасные образцы древнерусского зодчества XII столетия. Не так давно эти храмы были отреставрированы и предстали перед нами во всём блеске. Надо думать, что примерно так они и выглядели во времена наших предков. В Свято-Димитриевском храме сегодня находится музейная экспозиция, а Успенский используется совместно музеем и Православной Церковью. В тёплой пристройке XIX в. – действующий храм, а в древнем соборе – музей, однако по праздничным дням в нём совершают торжественные богослужения. Пространство вокруг Успенского собора, вплоть до недавнего времени поросшее травой, сегодня

обустроено – сделаны мощёные дорожки, высажены деревья, разбиты клумбы. Этот сквер вполне европейского вида сразу стал популярным местом прогулок владимирцев: во время нашего пребывания там было весьма людно.

Следующую остановку мы сделали в пос. Мстёра Вязниковского района. Посёлок расположен примерно в 15 км от трассы, но мы сочли нужным завернуть туда, ввиду его особой значимости для российской культуры. Мстёра – наряду

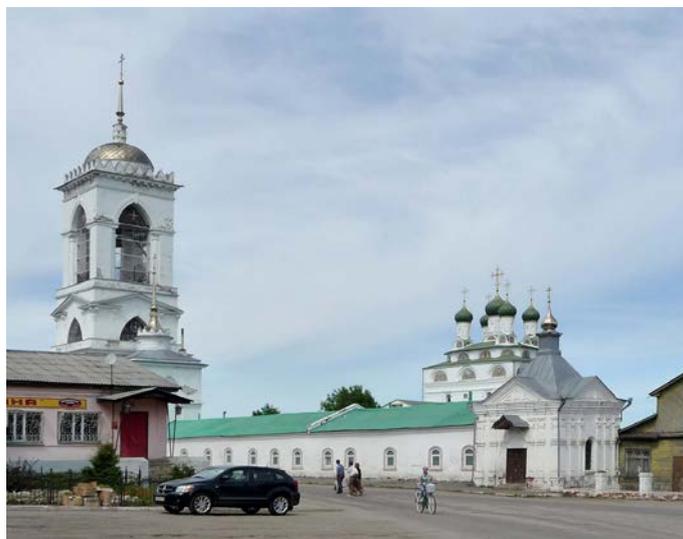
с Палехом и Холуем – старейший, известный с XVII в. центр иконописи и лаковой миниатюры. Они не так известны, как палехские, но, по мнению искусствоведов, отличаются большей строгостью и изяществом, стоят ближе к традициям раннемосковского иконописания,

заложенным Рублёвым и Дионисием. Как нам удалось убедиться, мстёрское искусство пока ещё живо, хотя и переживает не лучшие времена. От существовавшей в советское время фабрики художественно-декоративных изделий до сего дня сохранился только маленький осколок – артель «Художник», занимающая второй этаж одного из прежних зданий фабрики, притом что первый занят под магазины. Даже вывеску преемника легендарного предприятия удалось обнаружить не сразу. В составе артели всего несколько мастеров, остальные бывшие сотрудники фабрики или работают на дому как частные мастера, или вовсе оставили свою профессию. Как объяснила художница, с которой нам удалось поговорить, – из-за меньшей, по сравнению с Палехом, известности Мстёры, спрос на мстёрское искусство ограничен, и поэтому местные мастера сделали ставку на качество. Качественные изделия, работа над которыми занимает много времени, стоят либо дорого, либо очень дорого, потому и покупать их могут только немногие. Из-за этого и мастеров осталось мало – только лучшие, чьи работы всегда найдут покупателя, несмотря на стоимость. В мстёрском художественном училище теперь обучаются чуть ли не в 5 раз меньше студентов, чем в советское время. Да и выпускники в основном уезжают в крупные города, где они работают декораторами, дизайнерами и т. п. Вместе с тем ставка на качество позволяет сохранить чистоту традиции мстёрского искусства, не допускать упрощения и «ремесленности», что происходит, например, с широко известными традиционными русскими ремёслами (матрёшка, хохлома, жостовская роспись и т. п.). Да и подделывать «мстёру» нет смысла, поскольку на широком рынке она малоизвестна, а ценитель сможет отличить подделку.

Кроме артели, в Мстёре сохранился кондитерский цех, видимо, строго придерживающийся в работе старых технологий. Булочки и пирожные местного производства, которые нам довелось попробовать, действительно напомнили детство: что-то подобное было в лучшие времена советской власти.

Расположенный в Мстёре Богоявленский монастырь, в советское время разорённый и пришедший почти к полному разрушению, сегодня восстановлен и выглядит более чем достойно. Убранство монастырского храма под стать кафедральным соборам столичных городов. Особенно поражает восстановленный по старым фотографиям иконостас. Однако удивителен тот факт, что все иконы в нём написаны не мстёрскими мастерами, а кем-то другим (это тем более странно, что исторический иконостас был написан именно местными иконописцами, в искусствоведческой литературе он назывался «гимном мстёрской иконе»). Чем это можно объяснить, даже предположить трудно (возможно, просто никто из местных мастеров не решился взяться за такую грандиозную работу). Но заезд в Мстёру показал, что и не очень известное широкой публике традиционное ремесло пока ещё сохраняется, а относительная малоизвестность даже способствует защите его от «соблазнов» глобализации и коммерциализации.

Нижний Новгород: соседство истории и модернизации

Нижний Новгород – четвёртый по численности населения город России, один из крупнейших индустриальных и транспортных центров. В последние годы часто можно было слышать о том, что он приходит в упадок, что его лучшее время позади. Однако проведённое нами визуальное наблюдение не позволяет с этим согласиться.

Город, несомненно, меняется. На местах, в прежние времена занятых заводами и железнодорожными мастерскими, сегодня возводятся торговые центры. В левобережной части¹

¹ Нижний Новгород разделяет на две части р. Ока. Левый берег – низкий и плоский, там расположены порт, ж/д вокзал, завод «ГАЗ». Правый – высокий, холмистый. Там находится Кремль, большая часть исторической застройки, монастыри и музеи. Сам правый берег

города построено на небольшом расстоянии друг от друга три огромных торговых центра. Самый грандиозный из них, «Чкаловский», на первый взгляд кажется даже большим, чем ТРЦ «Золотой Вавилон» в Москве, считающийся самым крупным в Европе. Покупателей в торговых центрах было очень мало, однако мы посещали их в разгар рабочего дня. В выходные же, по словам местных жителей, туда съезжаются многие, в том числе и с правого берега, где столь крупных центров нет.

Главным производством в городе остаётся легендарный автомобильный завод ГАЗ. В отличие от другого автогиганта, ВАЗа, завод не испытывает серьёзных проблем с реализацией продукции, так как сумел найти свою нишу – среднегабаритный коммерческий транспорт. Газель – базовая модель, и разработанные на её основе машины пользуются большой популярностью и находят сбыт на рынке не только в России, но и в СНГ, с недавнего времени стали продаваться и на латиноамериканском рынке.

В городе, как и в Москве, обострилась транспортная проблема, так как резко увеличилось число личных автомобилей. В исторической части города, где сосредоточено большое количество офисов, по рабочим дням нет никакой возможности найти парковку. Ситуация обстоит, пожалуй хуже, чем в Москве на Бульварном кольце. Утром и вечером на дорогах серьёзные заторы. Качество дорожного покрытия, за исключением центральных улиц, оставляет желать лучшего. Впрочем, ремонт дорог весьма затруднителен, поскольку улицы узки, и даже для плановой замены асфальта их нужно полностью перекрыть, а это может вызвать критическую ситуацию в дорожном движении.

Метрополитен, который начали строить ещё в советское время, до прошлого года действовал только на левом берегу. Лишь недавно был введён в эксплуатацию метромост и открыта станция «Горьковская» в правобережной части. По словам жителей, это сильно облегчило транспортную ситуацию. Даже многие автомобилисты с этого времени для поездок на другой берег стали пользоваться метрополитеном. Значительным объектом транспортной инфраструктуры, построенным в последние годы¹, является Волжская канатная дорога, соединившая Нижний Новгород с расположенным за Волгой городом Бор. Опоры, удерживающие канаты её центрального пролёта – выдающееся инженерное сооружение, аналогов кото-

делится на «верхнюю», на холмах, и «нижнюю», расположенную непосредственно на берегу Волги, части. По словам жителей, между берегами существует некоторая враждебность. «Левобережные» горожане вроде бы относятся к «правобережным» примерно как жители Подмоскovie к москвичам.

¹ Дорогу начали строить по совместному проекту российских, французских и швейцарских инженеров в 2007 г. Основные подрядчики - французская компания «Romagalski» и российское предприятие «Энергомаш». В эксплуатацию дорога пущена в феврале 2012 г.

рому в России нет (в Европе, надо думать, тоже – ведь там нет таких больших водных преград). Хотя проезд на канатной дороге в один конец стоит 70 рублей и скидок не предусмотрено, недостатка в пассажирах она не испытывает. До открытия дороги путь из Бора в Нижний занимал не менее 1,5 часов, а теперь – 20 минут. Дорогой активно пользуются и борчане, работающие в Нижнем Новгороде, и нижегородцы, по выходным отправляющиеся в Бор (точнее, в его окрестности – великий Керженский лес) отдохнуть на природе. Впрочем, пассажирский поток не слишком велик, поскольку в Боре находится одно из крупнейших предприятий области – стекольный завод, и большинство жителей города работает там, им нет необходимости ездить каждый день на работу в областной центр. Борский стекольный завод был построен прямо на берегу Волги, поскольку основное сырьё – песок – удобно доставлять по воде. В 1990-х он пришёл в совершенный упадок и был на грани закрытия, но благодаря умелым действиям дирекции и помощи областной администрации завод удалось модернизировать, и сегодня он является одним из лидеров стекольной промышленности России. Главный профиль его – оконное стекло: большая часть т. н. еврокон, установленных в российских домах, укомплектована именно борскими стёклами.

Исторический центр Нижнего Новгорода на правом берегу постепенно приобретает вполне «европейский» вид: появились пешеходные зоны, бульвары, благоустроенные скверы. Местный «Арбат», ул. Большая Покровская, кажется, в длину даже превышает Арбат настоящий. Очень благоприятное впечатление произвели и другие прогулочные улицы, например Верхневолжская набережная, откуда открывается изумительной красоты вид на Волгу и расположенный за рекой великий Керженский лес.

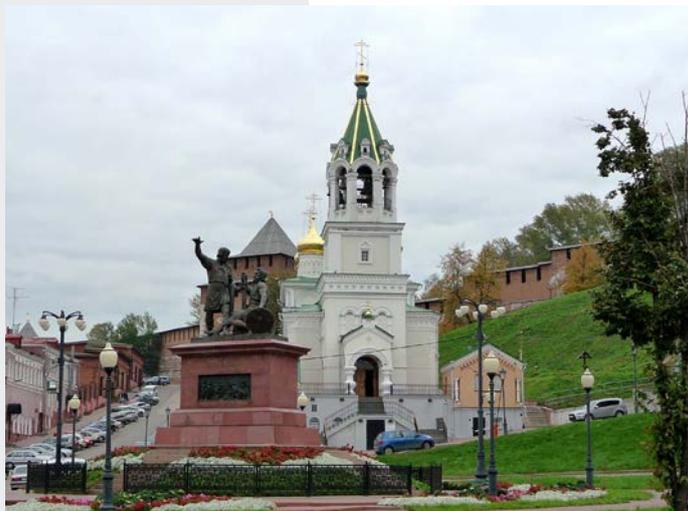
Нижегородский Кремль – ценнейший памятник русской фортификации XVI в., в составе которого сохранились даже остатки стен XIII в., сегодня отлично отреставрирован и вполне может рассматриваться как один из главных архитектурных символов страны. В городе чтут память о событиях 1611-1613 гг., походе Минина и Пожарского. В кремлёвском соборе Михаила Архангела сохраняется могила К. Минина, хотя местные историки по сей день спорят, находятся ли там подлинные его останки, или же они были выброшены при разрушении кафе-

Исторический центр Нижнего Новгорода на правом берегу постепенно приобретает вполне «европейский» вид: появились пешеходные зоны, бульвары, благоустроенные скверы.

дрального собора в 1930-х гг., а в новую гробницу положили чей-то безымянный прах. К 400-летию выступления народного ополчения была завершена реставрация Кремля, а у подножия кремлёвского холма установлена копия московского памятника Минину и Пожарскому.

В городе, особенно в историческом центре, много баров, ресторанов и клубов. Контраст между берегами ощущается и в этом: на правом берегу рестораны и развлекательные заведения находятся в старинных зданиях, расконцентрированы по улицам. На левом же – сконцентрированы в крупных торговых центрах, а в районах их почти нет. Очень удивило непропорционально большое количество суши-баров, они встречаются даже чаще, чем в Москве или Петербурге, хотя город расположен далеко и от моря, и от Японии. Заведений же с традиционной русской кухней в городе почти нет. Единственное приятное исключение – расположенный вблизи речного вокзала, у Волги ресторан «Пяткин», в обстановке которого весьма достоверно воспроизведена атмосфера быта волжского купечества XIX в., и в меню есть немало не просто русских, но именно местных, волжских блюд. Впрочем, не попались нам и часто встречающиеся в столице «кавказские» рестораны.

Важная особенность нижегородской земли – её роль как центра многих традиционных ремёсел, воплощающих национальную культурную самобытность.

Важная особенность нижегородской земли – её роль как центра многих традиционных ремёсел, воплощающих национальную культурную самобытность. Наиболее известное из них – хохломская роспись, существуют также казаковская филигрань, шахунская вышивка, верхневолжский гипюр, городецкая роспись, богородская керамика. В отличие от ресторанов русской кухни, эту самобытную черту Нижегородчины можно увидеть сразу. В историческом центре есть два государственных магазина, множество частных лавочек и ещё два «блошиных» рынка – в Кремле и на Б. Покровской ул. – все они торгуют разнообразными сувенирами и изделиями местных мастеров, представляющих знаменитые направления традиционного народного искусства. Конечно, больше всего представлена хохлома – как традиционные ложки, ковши, братины, так и «инновационные» изделия – вплоть до чехлов для iPhone, расписанных соответствующим

образом. По словам торговцев с «блошиного» рынка, популярность хохломы оказывает и медвежью услугу – её часто подделывают, и в продаже появляется большое количество дешёвых украинских (!) и китайских изделий в «хохломском» стиле. Московские сувенирные лавки наводнены ими, т. к. просто не хватает «мощностей» нижегородских мастеров, чтобы насытить этот рынок подлинными изделиями. В самом же Нижнем Новгороде подделки вроде бы не продают: там полно настоящей хохломы, да и сами продавцы всегда разоблачат недобросовестного конкурента. Помимо частных мастеров, аутентичные хохломские изделия производят две фабрики, основанные ещё в 1920-х гг., – в г. Семёнов и пос. Ковернино. Семёновская фабрика более крупная, её изделия активно продаются в сувенирных магазинах Москвы и Санкт-Петербурга. Она же получила статус официального поставщика Национального Олимпийского комитета и эксклюзивное право изготавливать «хохломские» сувениры с символикой Сочинской Олимпиады. И хотя во время нашего пребывания продажи этих товаров ещё не были открыты официально, в городе они уже продавались. Тем не менее, ценители считают «настоящей» только ковернинскую «хохлому», которую в Москве почти не продают. Ковернинская фабрика действительно твёрдо придерживается традиций народного искусства, избегая погони за модой. Чайники, пеналы, сумки для ноутбуков и т. п. в хохломском стиле – не её профиль. Хотя, казалось бы, такая верность традициям в наши дни может обернуться провалом на рынке и разорением, фабрика существует и продолжает изготавливать изделия высочайшего качества и притом отнюдь не за пределами

ной цены.

Что касается представителей других традиционных ремёсел – все их изделия в городе относительно широко продаются, хотя, конечно, масштабы производства не идут ни в какое сравнение с «хохломой». Таким образом, можно сказать, что нижегородская земля остаётся хранительницей народной культуры, по крайней мере, в части художественных ремёсел.

В районных центрах: жизнь продолжается!

Маршрут нашей экспедиции по области пролегал через города Богородск, Павлово и Арзамас.

Кроме трассы М7, в области больше нет крупных магистралей, дороги по большей части двухполосные. Однако качество дорожного покрытия выше, чем у большинства подмосковных дорог (исключая магистральные трассы). Деревни, через которые мы проезжали, не производили впечатления умирающих и запустевших. Любопытно, что у многих сельских домов, на вид достаточно новых, есть резные оконные наличники, очень похожие на старинные, которые можно видеть в музее крестьянского быта. Элементы традиционного убранства дома воспроизводятся до сих пор, несмотря на все потрясения, постигшие русскую деревню в XX в. Визуально нельзя определить, насколько активно в области обрабатываются сельскохозяйственные земли: трассы проходят в стороне от полей. Но по дороге нам неоднократно попадались стада коров, причём животные выглядели гораздо более сытыми и ухоженными, чем те, что пасутся в Подмоскowie.

Богородск и Павлово произвели очень благоприятное впечатление. Они совершенно не соответствуют тому образу «захолустья», «урюпинска», который сложился в сознании жителей мегаполисов и в значительной степени доминирует в СМИ. Конечно, улицы там не так «вылизаны», как в городках, например, Бельгии. Порой отсутствуют тротуары, освещение оставляет желать лучшего. Вместе с тем на улицах нет мусора, лавочки не поломаны, во дворах и подъездах (куда мы заглянули) чисто, и, главное, идёт активная работа по обустройству городского пространства.

В Богородске силами местных энтузиастов было восстановлено традиционное ремесло – гончарное, известное в этих местах с XVI в. Успели едва ли не в последний момент: при жизни носителя традиции, одного старого местного мастера, перенять у него приёмы работы, а затем уже организовать детскую художественную студию, где традиционному ремеслу обучаются местные школьники. В мемориальной гончарной мастерской изготавливают традиционные для Богородска изделия, но при этом не ставят преград для творческой фантазии юных мастеров, которые, используя традиционные приёмы, делают оригинальные игрушки и сувениры. Также в Богородске работает очень хороший краеведческий музей. Собрание его в основном составлено из вещей, подаренных местными жителями. Но подарков этих накопилось столько, что стало возможным обставить «совет-

Деревни не производили впечатления умирающих. У многих сельских домов, на вид достаточно новых, есть резные оконные наличники, очень похожие на старинные, которые можно видеть в музее крестьянского быта.

Богородск и Павлово произвели благоприятное впечатление. Они не соответствуют образу «захолустья», который сложился в сознании жителей мегаполисов. Хотя порой отсутствуют тротуары, освещение недостаточно. Вместе с тем на улицах нет мусора, лавочки не поломаны, во дворах и подъездах чисто, главное – идёт активная работа по обустройству городского пространства.

скую комнату» – исторически достоверное, с подлинными предметами, воспроизведение жилища провинциального горожанина 1930-х гг.

Конечной точкой нашего маршрута был Арзамас – один из крупнейших городов области. Исторически город был одним из важных промышленных, научных и культурных центров. Арзамасский университет считается одним из лучших вузов региона.

Хотя, по словам местных жителей (и особенно – представителей КПРФ), промышленность в городе находится в глубоком упадке, большинство заводов закрылось, визуальное наблюдение не даёт ощущения бедности и разрухи. Дорожное покрытие в приличном состоянии, на улицах чисто, центр города украшен флагами и цветными лентами (мы приехали накануне городского праздника), вдоль главных улиц разбиты клумбы. Активно идёт восстановление православных храмов и монастырей. Арзамас сегодня позиционирует себя как один из важных центров православного христианства. Недалеко от города находятся величайшие святыни Русской Православной Церкви – Саровский и Дивеевский монастыри, связанные с именем св. Серафима Саровского. Хотя среди местных жителей существует оппозиция «православной линии» властей, это движение не идейное (оно не настроено против религии или клерикализации), а прагматическое – против строительства храмов на бюджетные деньги, которые стоило бы направить на строительство детских садов, ремонт школ, больниц и другие социальные нужды. Однако руководство города продолжает свою линию и отвечает на возражения оппозиции, что храмы при царе строили на пожертвования, а не на бюджетные деньги: «При царе-то строили добровольно, а при советской власти разрушали как? Как разрушали, так и надо восстанавливать!».

Пожалуй, самым ярким впечатлением от поездки стала встреча с руководством и сотрудниками администрации Арзамасского района. Город Арзамас и Арзамасский район – самостоятельные административные единицы, и единственная точка их пересечения – здание районной администрации, расположенное на территории города. Глава районной администрации принял нас очень радушно и даже собрал всех сотрудников, отвечающих за социальную сферу, работу с молодёжью и культуру, пригласил и глав нескольких сельских поселений. Анализ проведённых с ними интервью – отдельная работа, и изложить его результаты в данной статье не представляется возможным, тем более что к визуальной социологии это отношения не имеет.

Здесь отметим только, что коллектив администрации произвёл впечатление настоящей команды единомышленников и энтузиастов, готовых работать без ожидания особых выгод для себя лично. Типаж «комсомольца» времён Гагарина и целины, как оказалось, никуда не исчез, по крайней мере

Арзамас сегодня позиционирует себя как один из важных центров православного христианства.

Коллектив администрации Арзамасского района произвёл впечатление настоящей команды единомышленников и энтузиастов, готовых работать без ожидания особых выгод для себя лично.

в Арзамасском районе. Более того, он воспроизводится и молодыми сотрудниками администрации, и активистами – теми, кто и не видел советской власти.

Экономика Арзамасского района развивается, хотя, конечно, перемены ощущаются. Так, колхозы все распущены, крупные агрохолдинги в районе пока не появились, сельское хозяйство полностью в руках фермеров. Раньше, ещё с XVIII в. арзамасская земля славилась своим луком. Теперь луководство свернулось, не выдержав конкуренции с дешёвым товаром из южных регионов. Легендарный арзамасский лук выращивают только местные жители на собственных огородах, для себя (но благодаря этому, традиция луководства сохраняется). Село Водоватово остаётся главным центром выращивания лука. Сегодня основная культура – картофель. Арзамасский район держит первое место в Нижегородской области по его производству, значительная часть урожая уходит и в Москву, где реализуется на рынках выходного дня (однако в крупные ритейлерские сети местным фермерам доступ закрыт). Есть и промышленные предприятия: деревообрабатывающий завод, созданный совместно с финской компанией, гипсовый завод, спиртзавод, ЖДК-завод, военный завод в пос. Чернуха, который изготавливает детали для ракет, и др.

В районе наблюдается даже прирост населения, причём молодёжь не только не уезжает, но даже прибывает из других регионов. Видимо, для этого внедрена система «Молодёжное подворье». Молодые семьи вместе с детьми занимаются своим хозяйством, сами себя обеспечивают. Раз в год они свои достижения (что вырастили, сделали) представляют на конкурс, и победитель получает от администрации корову.

Также ведётся и активная работа в области культуры – созданы три музея, причём в основном силами местных энтузиастов: Сельский музей (крестьянского быта), Музей природы, Музей боевой славы. В музее крестьянского быта, что находится в пос. Выездной, нам даже удалось побывать. Музей действительно производит хорошее впечатление, здание отремонтировано, никаких признаков разрухи нет. В экспозиции прекрасно воспроизведён интерьер крестьянской избы, причём с очень точным отображением именно местной специфики. Создан Центр промыслов и ремёсел арзамасской земли, там трудятся 26 мастеров, работающих по 16 видам декоративно-

Жизнь в Нижегородской области продолжается, развитие идёт, хотя в значительной степени спонтанно, вне какой-либо официальной стратегии, да и в целом вектор этого развития однозначно определить более чем непросто.

прикладного творчества¹, и у каждого из них ещё есть ученики из числа школьников. В районе возродили почти утраченные традиционные ремёсла. Например, как нам сказали работники музея, оставалась в живых одна старушка, которая ещё помнила, как плетут лыковую куклу – в прежние времена едва ли не местный символ. Несколько девушек на одном энтузиазме научились у неё, а потом уже их приняли на работу в Центр ремёсел, где они сами стали обучать детей. Теперь эти лыковые куклы есть во многих домах. И подобных примеров ещё немало, не только в Арзамасском районе, но и, как нам говорили работники музея, вообще по области.

Заключение

Визуальное наблюдение в ходе экспедиции в Нижегородскую область позволило дополнить и значительно скорректировать данные, полученные с помощью других методов исследования. Особенно разителен контраст с тем образом региона, который можно составить путём анализа публикаций в СМИ. Исключительно негативная оценка происходящих в регионе процессов теперь представляется нам в корне ошибочной. Изменения, бесспорно, имеются, и очень значительные. Однако стоит ли их оценивать исключительно как позитивные или негативные, сказать сложно. Это требует дополнительного, очень глубокого анализа. Но совершенно точно можно сказать – жизнь в Нижегородской области² продолжается, развитие идёт, хотя в значительной степени спонтанно, вне какой-либо официальной стратегии, да и в целом вектор этого развития однозначно определить более чем непросто.

Хотя промышленность сворачивается, некоторые отрасли, напротив, развиваются (например, автозавод, стекольный завод в г. Бор и др.). Активно строятся торговые центры, жильё. Менее активно – инфраструктурные объекты.

¹ Это: знаменитая арзамасская лыковая кукла, ручное ткачество, лозоплетение, золотая вышивка, лоскутное шитьё и др.

² То же самое, на наш взгляд, можно сказать и о Владимирской области, которую мы имели возможность наблюдать по пути.

Нижегородчина сохраняет своё значение как важнейший центр традиционных народных ремёсел, в значительной степени воплощающих национальную культурную самобытность. Ремёсла не только не заглохли под натиском глобализации и культурной унификации, но приобретают новое дыхание. В районах области даже возродились ремёсла, считавшиеся уже почти утраченными.

На местах (и чем дальше от Москвы в административном смысле, тем это лучше видно) жизнь определяется не институтами, а акторами. Акторами на местах можно считать тех лиц (иногда и организации), которые в состоянии «решать проблемы», т. е. помогать людям в их повседневной жизни, или делать что-то, чего граждане сами сделать не в состоянии. Актором далеко не всегда является должностное лицо, которое формально представляет власть. Во многих случаях им действительно оказывается глава района или местной администрации. Но часто действующими лицами были заведующие библиотеками, директора школ, руководители сельских клубов, а иногда и просто инициативные граждане, никакими формальными полномочиями не обладающие. Выявление таких акторов в каждом конкретном изучаемом регионе, их типологизация и определение специфики их деятельности представляется интереснейшей задачей дальнейших исследований.

Крайне важно обратить внимание на то, насколько центральные СМИ, а также вроде бы свободная от всякого административного контроля блогосфера, вводят читателей в заблуждение при освещении жизни на местах. Есть, конечно, программы наподобие «Моя Россия», «Играй, гармонь» и т. п. Но общая атмосфера, созданная СМИ, такова, что именно эти программы воспринимаются как декоративная постановка, а вся «чернуха» – как истинное отображение реальности. Центральные (а вслед за ними и многие региональные) СМИ так усердно навязывают людям искажённое видение, что у тех возникает аберрация восприятия: они не верят собственным глазам, полагают, что, если крах не произошёл у них, то, значит, он произошёл где-то по соседству. В Москве рекомендуют искать признаки упадка и тотального краха в провинции, в областном центре – в районе. В районе говорят: «А кто вам сказал, что у нас всё рухнуло? Вот в соседнем районе...». Там же, как правило, сцена повторяется. Эффект от негативной пропаганды СМИ настолько силен, что его можно определить уже «невооружённым глазом», не прибегая к специальным социологическим и психологическим инструментам. Основная гипотеза, которую возможно выдвинуть даже на основании одного визуального наблюдения на примере одного региона: тех проблем, о которых постоянно говорят центральные СМИ и блогосфера, не существует. Весь дискурс федеральных медиа и веб-сообщества ложен; к тому, что происходит на местах, он имеет весьма слабое отношение.

На местах (и чем дальше от Москвы, тем это лучше видно) жизнь определяется не институтами, а акторами.

Центральные СМИ так усердно навязывают людям искажённое видение, что у тех возникает аберрация восприятия: они не верят собственным глазам, полагают, что, если крах не произошёл у них, то, значит, он произошёл где-то по соседству.

Но сказанное выше не означает, что проблем нет. Проблемы есть, их немало, и они серьёзны. Но как раз эти проблемы в публичном дискурсе федерального уровня не присутствуют. Подробный их анализ – дело отдельного исследования, к которому мы ещё рассчитываем вернуться, но первичный анализ показывает, что корни большинства из них лежат вне исследуемых регионов. Проблемы эти возникают либо из-за скороспелых реформаторских действий федерального центра, либо вследствие влияния глобальных трендов, совладать с которыми пока что никому не под силу, по крайней мере, на уровне национального государства.

В о п р о с ы т е о р и и

Социология профессиональных групп: история становления и перспективы

Мансуров Валерий Андреевич – доктор философских наук, профессор, заместитель директора Института социологии РАН

E-mail: mansurov@isras.ru

Юрченко Олеся Викторовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН

E-mail: olesya@mail.ru

Социология профессиональных групп: история становления и перспективы

Аннотация

Статья посвящена историческому обзору становления социологии профессиональных групп в нашей стране. Проанализирована специфика, роль и значение этой научной традиции. Утверждается перспективность сочетания отечественных и западных теоретических подходов для изучения статуса профессиональных групп в современной России.

Ключевые слова: социология профессий, социальный статус профессиональных групп, исторический опыт

Социология профессий и профессиональных групп в нашей стране долгое время не выделялась в отдельную отрасль научного знания. Профессиональные группы в основном исследовались в рамках социологии труда и производства, социологии организаций и социологии интеллигенции. При этом анализ социального положения профессиональных групп не являлся целью социологических и экономических научных проектов, а служил средством для решения различных производственных проблем и для объяснения социальных процессов того времени. Проблематика социологии профессий на протяжении советского периода в основном была растворена в сюжетах, связанных с изучением социальной структуры общества, проблемами трансформации труда в процессе научно-технической революции и прикладными заводскими исследованиями [Мансуров 2003; Московская 2009; Абрамов 2011].

В этой статье мы обращаемся к исторической перспективе, чтобы обозначить роль и значение отечественных исследований профессиональных групп. История изучения профессиональных групп в нашей стране, как и в других европейских странах, по-прежнему остаётся относительно «неизведанным континентом» [Гадея 2011: 30]. Традиция теоретического рассмотрения отдельно взятых профессиональных групп в качестве цели исследования, а не как индикатора для измерения социального статуса класса или слоя, возникла в англо-саксонском мире. Социологам в Англии и США удалось разработать вариативные теоретические модели для изучения

профессиональных групп, которые послужили отправной точкой для становления данной отрасли социологии и в континентальной Европе¹. История развития западной социологии профессий нами будет кратко рассмотрена для сравнения с процессом институционализации этой дисциплины в России [Burrage 2006; Svensson, Evetts 2010].

Исследования профессиональных групп в нашей стране проводились на протяжении всего советского периода, хотя они и были представлены отдельными работами, сделанными *ad hoc*, или сводились к частным задачам в рамках отраслевых социологий [Абрамов 2011]. Ключевой отличительной особенностью советской социологии стал социально-психологический подход к изучению профессиональных групп [The Anglo-American and Russian Sociology. 2004]. Становление профессиональных групп в России разворачивалось по пути, далёкому от англо-саксонской модели. В нашей стране никогда не существовало лингвистического разграничения профессиональных групп на высокостатусные («профессии» – professions) и обычные («род занятий» – occupations)². В отечественной социологии под профессией чаще всего понимался определённый род трудовой деятельности, который имеет рыночную стоимость и которым индивид занимается регулярно с целью получения устойчивого дохода [Социология: Энциклопедия. 2003]. Профессия предусматривала наличие у индивида определённой совокупности знаний, практического опыта и трудовых навыков в системе разделения труда.

В первой части этой статьи мы рассмотрим исследования профессиональных групп в нашей стране в послереволюционный период, когда популярность идей научной организации труда породила психотехнические исследования на производстве, направленные на решение задач психологии труда, профессиональной ориентации и отбора. Влияние науки психологии на изучение профессиональных групп в России остаётся заметным и до настоящего времени. Во второй части статьи речь пойдёт об исследованиях профессий в 1960-80-е гг., в период становления социологии интеллигенции и стратификационных исследований профессиональных групп. В третьей части будет рассмотрен современный этап социологии профессий, когда свежую струю в исследования российских социологов внесли западные теории социологии профессий.

¹ Тематика профессий разрабатывалась в трудах многих великих европейских основателей социологии (например, работы Э. Дюркгейма, А. Сен-Симона, А. Токвиля). Однако сама отрасль научного знания – социология профессий – выкристаллизовалась именно в англо-саксонском контексте.

² В Англии и США первоначально в категорию «профессий» включали только врачей, юристов, священников и преподавателей вузов.

Первые советские исследования профессий: 1920-30-е гг.

Исходной точкой возникновения социологии труда послужил рабочий вопрос. В начале XX в. стали появляться фундаментальные труды о социальном положении рабочего класса в России и развернулись эмпирические исследования промышленного труда¹. В это время ставились вопросы организации и условий труда, производственного травматизма и заболеваний, заработной платы и стимулирования труда, условий найма и трудовых конфликтов [Святловский 1889; Тимофеев 1906]. В это же время появились теоретические работы С. Булгакова «Философия хозяйства» и «Христианская социология», направленные на поиск глубинной сути феномена труда и хозяйства [Булгаков 1990; 1993]. В отличие от М. Вебера, С. Булгаков пытался утвердить этические и нравственные категории в социальном понимании труда. Он критиковал термин «экономический человек», ставил под вопрос трудовую теорию К. Маркса, утверждая, что труд – это не только производство материальных благ, но и наработка духовных ценностей, то есть волевое и творческое усилие [Булгаков 1990: 42].

Начало нового периода в развитии социологии труда можно датировать 1922 г., когда за пределами страны оказались С. Булгаков, П. Сорокин и Н. Бердяев. Изучение профессиональных групп вытеснилось из сферы философского анализа и прочно укоренилось в области реальных проблем производства [Кравченко, Щербина 1998]. Освободившееся место философов постепенно заняла генерация последовательных марксистов. Для этих социальных исследователей было свойственно делать акцент на технологических и экономических детерминантах становления и развития общества. В центре внимания оказались конкретные вопросы организации и культуры профессиональной деятельности, необходимые для осуществления научной организации труда [Гастев 1972].

В Советском Союзе формирование социологии труда и профессий осуществлялось под влиянием идеологических ограничений². В контексте марксистско-ленинской трактовки социальной структуры советское общество определялось как

¹ Несмотря на то, что статистические и эмпирические данные о различных сторонах труда и быта заводских рабочих велись на протяжении всего XIX в. серьезных обобщающих работ до начала XX в. сделано ещё не было (исключением можно считать труды В. Берви-Флеровского).

² Важно отметить, что вопрос о социологии как о самостоятельной дисциплине начинает открыто обсуждаться только в начале 1960-х гг., до этого статьи по социологии труда публиковались в философских и экономических журналах.

общество горизонтальной иерархии. Утверждённая политической партией схема «2+1» выделяла два советских класса «рабочих» и «крестьян» и прослойку «интеллигенции». Такая властная номинация государства во многом определяла и специфику советских исследований профессиональных групп. В центре идеологического дискурса долгое время находился рабочий класс как ключевой элемент социальной структуры. Сам процесс разделения труда изучался с целью проследить феномен исчезновения «межклассовых» и «внутриклассовых» различий между профессиональными группами и описать движение в сторону социальной однородности.

Профессиональные группы рабочих и специалистов различались в соответствии с типом промышленности, в которой они были заняты. Профессия рассматривалась как характеристика самого работника, его рабочего места и рабочего процесса [Струмилин 1957]. Во-первых, «профессия» определялась как набор определённых навыков и умений работника. Во-вторых, она сводилась к набору функций, заключённых в том или ином рабочем месте. В-третьих, профессия описывала структуру и определённый набор рабочих процедур, а также их последовательность. С. Струмилин не только работал над определением поиска феномена «профессии», но разработал один из первых классификаторов профессиональных групп в стране. Термины «работа» и «профессия» использовались им как взаимозаменяемые.

Теоретический марксизм оказал меньшее влияние на социально-психологические и психотехнические исследования. В данном направлении марксистские догмы не играли решающей роли [История советской психологии. 1983]. Эмпирическая работа в этой области знания базировалась на психологических и социально-психологических основах. На многих предприятиях появились специалисты, которые занимались разработкой психологических методов решения практических задач: профессиональным отбором и консультациями, вопросами профессионального обучения и рационализации труда, борьбой с профессиональным утомлением и травматизмом.

В 1920-30-е гг. в стране действовала широкая сеть психотехнических и психофизиологических лабораторий на фабриках и заводах [Кравченко, Щербина 1998]. Для этого периода характерно хорошо налаженное сотрудничество психологов, физиологов, гигиенистов труда, инженерно-технического персонала предприятий, специалистов по организации и охране труда. С 1928 по 1932 г. в стране издавались специальные журналы «Психофизиология труда и психотехника», «Советская психотехника». Важно подчеркнуть, что не все исследования профессиональных групп в то время носили исключительно психологический характер, так как речь шла не только об индивидуальных возможностях работника и способностях

Сам процесс разделения труда в советское время изучался с целью проследить феномен исчезновения «межклассовых» и «внутриклассовых» различий между профессиональными группами и описать движение в сторону социальной однородности.

выполнить ту или иную работу, но также и о том, насколько работники способны соответствовать социальным и профессиональным требованиям [Подмарков, Сиземская 1969].

В середине 1930-х гг. в стране прошла волна политических репрессий, которая коснулась и психотехников [Кравченко, Щербина 1998]. На смену нэпу пришла сталинская индустриализация и форсированное развитие промышленности. Научная организация труда и психотехника оказались ненужными на предприятиях, где вопросы стали решаться жёсткой дисциплиной и идеологическими методами управления.

Возрождение интереса к изучению профессиональных групп: 1960-80-е гг.

Возрождение исследований профессиональных групп происходит в конце 1950-х и начале 1960-х гг., в годы хрущёвской оттепели. Социологи стали отмечать необходимость дальнейшего развития представлений о сущности категории «профессия». Речь шла о том, что социальные характеристики профессионалов должны быть рассмотрены наряду с описаниями рабочих мест и трудового процесса. Отмечалось в частности, что сложившиеся определения, подобные определениям С. Струмилина, плохо поддаются операционализации и что необходим социологический взгляд на мир профессий [Подмарков 1972]. Стали также появляться статьи, в которых указывалось на то, что социологи переоценили технические и технологические факторы, оказывающие влияние на формирование профессиональной и классовой структуры. Критике стала подвергаться сама идея социальной однородности советского общества.

Если в 1920-30-е гг. универсальной моделью профессии был объявлен квалифицированный рабочий как носитель гармоничного сочетания физического и умственного труда, то на фоне оттепели на первый план выходит изучение занятий, связанных с интеллектуальным трудом [Волков 1999; Московская 2009]. Профессии, связанные с духовным производством, начинают оцениваться как более престижные по сравнению с профессиями, связанными с материальным производством. В 1960-е г. в обществе, особенно среди молодёжи, преобладает оптимистическое мировосприятие. Существует уверенность в возможности получить образование по любой интересующей специальности и в дальнейшем включиться в активную профессиональную жизнь с полученной квалификацией.

В нашей стране социальные исследования интеллектуального труда начались с массовых профессий интеллигенции, в отличие от западных стран, где первоначально в центре вни-

Возрождение исследований профессиональных групп происходит в конце 1950-х и начале 1960-х гг., в годы хрущёвской оттепели. Социологи стали отмечать необходимость дальнейшего развития представлений о сущности категории «профессия».

В нашей стране социальные исследования интеллектуального труда начались с массовых профессий интеллигенции, в отличие от западных стран, где первоначально в центре внимания оказались элитные профессии.

мания оказались элитные профессии (врачи, юристы и преподаватели вузов). Под интеллигенцией чаще всего понимался общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным и творческим трудом, развитием и распространением культуры [Мансуров 2003]. Важно отметить, что в это время в западной социологии существовало множество определений интеллигенции. Так, польский социолог Я. Щепаньский в 1950-е г. собрал их более шестидесяти [Szczepanski 1961].

Проанализировав эти определения, Я. Щепаньский выделил три ключевых теоретических подхода к пониманию интеллигенции [The Anglo-American and Russian Sociology. 2004]. В первом подходе интеллигенты рассматривались как критически настроенные и творческие интеллектуалы, ответственные за формирование и сохранение в обществе идеальных представлений о том, что такое истина, добро и справедливость. В рамках второго подхода социальные исследователи фокусировали своё внимание на взаимоотношениях интеллигенции и власти, рассматривая первых как оппозиционно настроенных лидеров, способных влиять на общественное умонастроение и формировать альтернативные политические идеологии и теории развития. В третьем подходе интеллигенты анализировались как особый социальный слой работников интеллектуального труда, обладающих высшим или средним специальным образованием и участвующих в формировании культурных ценностей. В советский период распространёнными были определения «интеллигенции» третьего типа, тогда как культурные и политические аспекты данного понятия практически игнорировались.

Во многих исследованиях профессиональных групп интеллигенции за основу анализа бралась не статусная позиция группы, а её наполнение. В связи с этим работы советских социологов часто носили описательный характер и сводились к раскрытию социальных портретов различных профессиональных групп интеллигенции, а также перспектив развития и усовершенствования их труда [Яновский 1986]. Понятие «профессионализма» использовалось для характеристики уровня квалификации и опыта отдельного работника, а не для описания принадлежности индивида к той или иной группе занятий [Абрамов 2011].

Важным этапом в становлении исследований профессий стала книга «Социально-психологический портрет инженера», подготовленная по итогам коллективного проекта под руководством В. Ядова, в которой учитывались подходы к пониманию занятий, развиваемые Т. Парсонсом и Р. Холлом [Ядов 1977]. Занятие инженера чаще других оказывалось в центре внимания советской социологии [Абрамов 2011]. Во-первых, труд инженера тесно связан с реальным производством и был важ-

Важным этапом в становлении исследований профессий стала книга «Социально-психологический портрет инженера», подготовленная по итогам коллективного проекта под руководством В. Ядова, в которой учитывались подходы к пониманию занятий.

ным для экономики, ориентированной на крупную промышленность. Во-вторых, в это время в результате расширения системы высшего политехнического образования работа инженера стала по-настоящему массовым занятием. В-третьих, наряду с учителями и врачами инженерная профессия рассматривалась в качестве ключевой составляющей социальной группы трудовой советской интеллигенции [Бляхман, Шкаратав 1971].

В конце 1980-х гг. стало очевидным падение престижа инженерного дела и тенденции депрофессионализации инженеров как профессиональной группы [Крыштановская 1989]. Происходит относительная статусная инфляция и других массовых профессий интеллигенции, тех же врачей и учителей, в результате массового производства специалистов с высшим образованием, а также вследствие относительного снижения их заработной платы [Волков 1999]. Идеализм постепенно выходит из моды. Первое место среди престижных профессий по-прежнему занимают профессии, требующие высшего образования. Однако уже меньшее число выпускников школ стремится приобрести эти профессии. Вторым местом по престижности и часто первым по привлекательности наделяются профессии обслуживающего труда [Бабушкина 1985]. С начала 1960-х и до начала 1980-х гг. самый высокий рост оценок престижности претерпела профессия продавца. Заветной мечтой выпускников школ становятся торговые техникумы.

Исследования профессиональных ориентаций, жизненных планов молодёжи с использованием концепции «престижа профессии» проводились как в советское время [Титма 1975; 1986; Престиж профессий. 1979], так и в постсоветский период [Российский студент. 2002]. Престиж профессии определялся на основании сложившейся системы ценностей и воспринимался как феномен общественного сознания, в котором отражалась существующая в обществе иерархия профессий. В западной социологии престиж профессии чаще всего рассматривался в рамках концепций социальной стратификации [Standard International... 1992]. Отечественные социологи в советский период затрагивали престиж профессии в контексте социального самоопределения молодёжи и её профессионального выбора [Шубкин 1970; Чередниченко, Шубкин 1985].

В исследованиях престижа профессии, равно как и в других советских работах, посвящённых профессиям, акцент делался на изучении характеристик самого труда: его сложности, творческого характера, автономии работника, призвании индивида, его способностей. По идеологическим причинам два значимых измерения социального статуса практически полностью выпадали из социологического анализа: речь идёт о властных и экономических ресурсах профессиональных групп интеллигенции [The Anglo-American and Russian

В исследованиях престижа профессии, равно как и в других советских работах, посвящённых профессиям, акцент делался на изучении характеристик самого труда: его сложности, творческого характера, автономии работника, призвании индивида, его способностей.

Sociology. 2004]. В соответствии с господствующей идеологией, советское общество определялось как общество горизонтальной иерархии, то есть как общество, в котором все профессиональные группы социально равны.

В западных стратификационных исследованиях речь в первую очередь шла о неравных ресурсах различных профессиональных групп, которые конвертируются в неравные возможности. Советские социологи могли писать только о неравных ресурсах, таких, как: содержание и функции труда; специфика протекания трудовой деятельности; структура и последовательность трудовых операций; уровень творческих возможностей; самоорганизация труда (управление, исполнение) [Шкаратан 1970]. При этом различия в спектре возможностей, объёме социально-экономических вознаграждений не подлежали обсуждению [Заславская 1970]. Если данный вопрос и обсуждался в публикациях, то только в структурно-функциональном ключе: «лучшие условия работы и жизни – лучшим работникам» – по принципу концепции советского общества как неиерархической структуры.

Постсоветские экономические и социальные реформы сделали закономерным сопоставление опыта российско-советских исследований «интеллигенции» с изучением «профессионалов» в англо-саксонской социологии. Объектом научного интереса в данных научных направлениях служат работники высококвалифицированного умственного труда, имеющие дипломы о высшем образовании. В то же время теоретико-методологические подходы российских и западных социологов, как будет показано далее, различаются.

Постсоветский этап изучения профессиональных групп

Институционализация социологии профессий как самостоятельной дисциплинарной отрасли в России происходит в конце 1990-х гг. В это время в стране возникают несколько направлений и научных школ антропологических и социологических исследований профессий и занятий. На базе Центра социальной политики и гендерных исследований в НИУ ВШЭ действует «Саратовская школа антропологии профессий» под руководством П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. В Институте социологии РАН работает сектор социологии профессий и профессиональных групп под руководством В. Мансурова. В Российском обществе социологов в 2002 г. был создан исследовательский комитет, целью которого стало изучение проблем социальной динамики и адаптации профессиональных групп в современной России и в мире.

Российские исследования и публикации по теме социологии и антропологии занятий и профессий, сделанные в последнее десятилетие, дают основание для оптимистических оценок дальнейших перспектив этой дисциплинарной области в России [Ярская-Смирнова, Романов 2007; Мансуров, Юрченко 2009; Ярская-Смирнова, Романов 2011]. Имеются в виду не только перспективы формирования сообщества исследователей занятий и профессий, но и возможность появления оригинальных объяснительных теоретических моделей. Залогом жизнеспособности таких объяснительных моделей является применение западных концептуальных ресурсов, имеющих в мировой теоретической традиции, для понимания той социальной реальности, которая формируется в России на протяжении последних лет [Абрамов 2011].

Социология профессий в англо-саксонском мире начала оформляться в самостоятельную отрасль научного знания в начале XX века¹, а период расцвета данного направления пришёлся на 1950-60-е гг., время господства структурного функционализма. Начало социологии профессий положили работы, посвящённые профессиональным группам, которым удалось добиться привилегированного положения в обществе и сохранить относительно высокую автономию и административную независимость от государственной бюрократии и организованного капитала [Carr-Saunders, Wilson 1933; Parsons 1949; 1968]. Социологи «теории черт» составляли перечни отличительных характеристик, чтобы понять, является ли тот или иной род занятий «профессией», «полупрофессией» или «занятием» [Pavalko 1971; Goode 1972]. В 1970-е гг. свежий подход в исследования профессий внесли интеракционисты и сторонники критического подхода, марксисты и неовеберианцы. Появились работы, посвящённые вопросам профессионального доминирования, способам рыночного закрытия профессиональных групп с целью сохранения профессиональной монополии и привилегий [Abbott 1988; Larson 1977; Freidson 1994].

В 1980-90-е гг. изучением сущностной специфики и особенностей статуса профессиональных групп начинают интересоваться «континентальные» европейские социологи. Первый вопрос, который у них возник, заключался в том, насколько правомерна позиция англо-саксонских исследователей, выделяющих характерные черты «профессии» на основе реально существующих профессиональных групп до формулировки научного определения профессии. Отмечалось, что феномен разграничений «профессий» и «непрофессий» укоренён в национальном англо-саксонском контексте, тогда как непосред-

¹ Годом зарождения данного направления принято считать 1915-й, когда было опубликовано эссе американского социолога А. Флекснера «Является ли социальная работа профессией?».

ственных эквивалентов данного понятия в континентальной Европе не существует [Torstendahl 1990]. В разных европейских странах стали появляться исследования, посвящённые историческим особенностям становления фигуры профессионала, профессионализма и самой отрасли социологии профессий [Burrage 2006].

В российской постсоветской реальности социологи также пришли к выводу о том, что сами понятия «профессии» и «профессионализации» тесно связаны с типом общественно-экономической системы, а также с историческими особенностями её развития [Мансуров, Юрченко 2005]. Было предложено рассматривать отечественные и западные теоретические подходы как взаимодополняющие для анализа социального статуса профессиональных групп интеллигенции, которые с приходом рыночной экономики получили возможность не только воспроизводить социальную систему, но и участвовать в её формировании. В данном вопросе помогло обращение к опыту западной социологии, где профессиональные группы работников интеллектуального труда рассматриваются как корпоративные акторы, способные монополизировать рыночные преимущества в собственную пользу, и как социальные институты, обеспечивающие нормативный социальный порядок.

В западной социологии профессий недостаточное внимание уделялось изучению социально-психологических характеристик отдельных профессионалов. Как было показано, многие советско-российские исследования, напротив, были сфокусированы на внутренних характеристиках профессиональной группы, таких как сложность труда, его творческий характер и призвание. Особое внимание уделялось профессионалам как отдельным индивидам, их мотивации и отношению к труду, ответственности, дисциплинированности и инициативности [Здравомыслов, Ядов 2003].

В отечественных работах профессионалы подвергались анализу с точки зрения соответствия их деятельности и социальных установок интересам государства и задачам осуществления определённых социально значимых функций. В современных западных исследованиях профессионалы оценивались как «группа интересов», которая закрывает доступ посторонним, обычным низкостатусным профессиональным группам к определённым рыночным преимуществам и социальным благам, а также на равных с государством включается в процесс управления той или иной отраслью. Комбинация отечественных и западных подходов может позволить рассмотреть как альтруистические, так и своекорыстные интересы современных профессионалов в осуществлении их социально значимой деятельности. Кроме того, разнообразные теоретические подходы помогают проанализировать объём автономии и властных полномочий профессионалов, специфику их взаимоотношений

В российской постсоветской реальности социологи пришли к выводу о том, что сами понятия «профессии» и «профессионализации» тесно связаны с типом общественно-экономической системы, а также с историческими особенностями её развития.

В отечественных работах профессионалы подвергались анализу с точки зрения соответствия их деятельности и социальных установок интересам государства и задачам осуществления определённых социально значимых функций.

с государством и потребителями их услуг, а также стратегии профессионализации, понимаемой как групповая восходящая мобильность [Мансуров, Юрченко 2009].

Важно отметить, что за последние два десятилетия происходит расширение эмпирического поля западной социологии профессий за счёт выделения в качестве объекта исследования «обычных» родов занятий (occupations). Новое течение было отмечено в частности в рамках Международной социологической ассоциации на Всемирном конгрессе социологов в Мадриде, когда была создана рабочая группа под названием «социология профессиональных групп» (sociology of professional groups). В качестве важного объекта исследования были заявлены не только элитные, но и обычные рода занятий, исследования которых рекомендовалось проводить с учётом многообразия исторических условий становления и развития профессиональных групп в разных странах [Гадеа 2011]. Как было показано в данной статье, в России накоплен богатый опыт изучения «обычных» занятий. Кроме того, на сегодняшний день вновь возник интерес к изучению массовых занятий в социологии и антропологии профессий [Ярская-Смирнова, Романов 2011].

Исследования западной социологии профессий имели ограниченную релевантность для России в советский период. На сегодняшний день западные теории профессий и профессионализации активно используются отечественными социологами. При этом в фокусе внимания оказываются самые различные профессиональные группы, начиная от врачей, юристов, менеджеров, представителей бизнес-элиты, заканчивая полицейскими и специалистами традиционной медицины. Проведённые эмпирические исследования подтверждают, что западные теоретические схемы могут эффективно применяться в контексте российской действительности, если во внимание принимаются социально-структурная и историческая специфика нашего общества. В свою очередь использование категориального аппарата отечественной социологии профессий может расширить эвристические возможности западной социологии профессиональных групп, а также раскрывает новые возможности для межкультурного сравнительного анализа.

Библиографический список

1. Абрамов Р. 2011. Историко-социологические импликации социологии профессий: российский и зарубежный контексты // Давыдовские чтения: исторические горизонты теоретической социологии. Сборник научных докладов симпозиума, 13-14 октября 2011 г. / Под ред. И. Ф. Девятко, Н. К. Орловой. – М.: Институт социологии РАН.
2. Бабушкина Т. А. 1985. Школа и начало трудового пути. – М.: Знание.
3. Берви-Флеровский В. В. 1958-1959. Избранные экономические произведения в 2-х т. – М.: Соцэкгиз.
4. Бляхман Л. С., Шкаратан О. И. 1973. НТР, рабочий класс, интеллигенция. Монография. – М.: Политиздат.
5. Волков С. В. 1999. Интеллектуальный слой в советском обществе // Официальный сайт историка С. В. Волкова. URL: <http://swolkov.ru/ins/pre.htm> [Дата посещения: 03.03.2013].
6. Шкаратан О. И. 1970. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР (историко-социологическое исследование). Монография. – М.: Мысль.
7. Булгаков С. Н. 1990. Философия хозяйства. – М.: Наука.
8. Булгаков С. Н. 1993. Христианская социология // Социологические исследования. № 10.
9. Гадея Ш. 2011. Социология профессий и социология профессиональных групп. За изменение перспективы // Антропология профессий, или посторонним вход разрешён / Под ред. Романова П., Ярской-Смирновой Е. – М.: ООО Вариант, ЦСПГИ.
10. Гастев А. К. 1972. Как надо работать. – М.: Экономика.
11. Заславская Т. И. 1970. О социальных функциях миграции сельского населения в городе // Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. – М.: Советский фонд мира.
12. Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. 2003. Человек и его работа в СССР и после. – М.: Аспект-Пресс.
13. История советской психологии труда. 1983. Тексты (20-30-е годы XX века). – М.: МГУ.
14. Кравченко А., Щербина В. 1998. Социология труда и производства // Социология в России / Под ред. Ядова В. – М.: Институт социологии РАН.

15. Крыштановская О. В. 1989. Инженеры: Становление и развитие профессиональной группы / Отв. ред. Ф. Р. Филиппов. – М.: Наука.
16. Мансуров В. А. 2003. Исследование профессиональных групп российской интеллигенции: ситуация, методология, методика // Профессиональные группы интеллигенции. – М.: Институт социологии РАН.
17. Мансуров В. А., Юрченко О. В. 2009. Социология профессий: история, методология и практика исследований // Социологические исследования. № 8.
18. Московская А. 2009. Профессионализм, доверие и проблемы России // Свободная мысль. № 11 (1606).
19. Подмарков В. Г. 1972. Человек в мире профессий // Вопросы философии. № 8.
20. Романов П., Ярская-Смирнова Е. 2007. Три типа знания в социологии профессий // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе / Под ред. В. А. Мансурова. – М.: Институт социологии РАН.
21. Романов П., Ярская-Смирнова Е. 2009. Мир профессий – пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. № 8.
22. Подмарков В., Сиземская И. 1969. О профессиональной структуре советского общества. – М.: Знание.
23. Престиж профессий и проблемы социально-профессиональной ориентации молодёжи. 1979 / Черноволенко В., Оссовский В., Паниотто В. – Киев: Наукова думка.
24. Российский студент сегодня: учёба плюс работа 2002 / Константиновский Д. Л., Чередниченко Г. А., Вознесенская Е. Д. – М.: ЦСП.
25. Святловский В. В. 1889. Фабричный рабочий. – Варшава.
26. Струмилин С. Г. 1982. Проблемы экономики труда. – М.: Наука.
27. Социальное развитие советской интеллигенции. 1986 / Отв. ред. Р. Г. Яновский. – М.: Наука.
28. Тимофеев П. 1906. Чем живёт заводской рабочий. – СПб: Русское богатство.
29. Титма М. Х. 1975. Выбор профессии как социальная проблема. – М.: Знание.
30. Титма М. Х., Саар Э. А. 1986. Молодое поколение. – М.: Мысль.

31. Чередниченко Г. А., Шубкин В. Н. 1985. Молодёжь вступает в жизнь (Социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). – М.: Мысль.
32. Шубкин В. Н. 1970. Социологические опыты. Методологические вопросы социальных исследований. – М.: Мысль.
33. Социально-психологический портрет инженера. 1977. По материалам обследования инженеров ленинградских проектно-конструкторских организаций / Под ред. В. Ядова. – М.: Мысль.
34. Социология: Энциклопедия. 2003 / Составители: А. Грицанов, В. Абушенко, Г. Евелькин, Г. Соколова, О. Терещенко. – М.: Книжный Дом.
35. Ярская-Смирнова Е. 2001. Профессионализация социальной работы в России // Социологические исследования. № 5.
36. Ярская-Смирнова Е., Романов П. 2011. Антропология профессий, или посторонним вход разрешён. – М.: ООО Вариант, ЦСПГИ.
37. Abbott A. 1988. The System of Professions: an Essay on the Division of Expert Labour. – Chicago: University of Chicago Press.
38. Anglo-American and Russian Sociology of Professions: Comparisons and Perspectives. 2004 / Mansurov V., Yurchenko O., Allsop J., Saks M. Knowledge, Work and Society. – Sweden. Vol. 2. № 2.
39. Burrage M. 2006. Revolution and the Making of the Contemporary Legal Profession. – Oxford: Oxford Sociological Studies.
40. Carr-Saunders A. M., Wilson P. A. 1933. The Professions. – Oxford: Clarendon Press.
41. Collins R. 1990. Market Closure and the Conflict Theory of the Professions / Burrage M., Torstendahl R. (eds.) // Professions in Theory and History. – L.: Sage.
42. Demaziere D., Gadea C. (dirs). 2009. Sociologie des Groupes Professionnels. – Paris: la Decouverte.
43. Freidson E. 1994. Professionalism Reborn. – Cambridge: Polity Press.
44. Goode W. 1972. Community within a Community: the Professions // Sociological Perspectives on Occupations. – Illinois: F. E. Peacock Publishers.
45. Hall R. 1983. Theoretical Trends in the Sociology of Occupations // Sociological Quarterly. № 24.

46. Larson M. 1977. *The Rise of Professionalism: a Sociological Analysis*. – Berkeley, L.: University of California Press.
47. Pavalko R. 1971. *Sociology of Occupations and Professions*. – Illinois: F. E. Peacock Publishers.
48. Parsons T. 1949. *The Professions and Social Structure* // Parsons T. *Essays in Sociological Theory*. – Glencoe: Free Press.
49. Parsons T. *Profession*. 1968 // Shills D. (ed.). *International Encyclopaedia of the Social Science*. Vol. 12. – L.: Macmillan and Free Press.
50. Svensson L. G., Evetts J. 2010. *Sociology of Professions. Continental and Anglo-Saxon Traditions*. – Goteborg: Bokforlaget Daidalos AB.
51. *Standard International Socio-Economic Index of Occupational Status*. 1992 / Ganzeboom H. B. G, de Graaf P. M, Treiman D. J. // *Social Science Research*. № 21.
52. Torstendahl R. 1990. *Three Approaches to Theories of Professionalism* / Burrage M., Torstendahl R. (eds) // *Professions in Theory and History*. – L.: Sage.
53. Szczepanski J. 1961. *Intellectuals in Contemporary Societies*. – Stanford.

Бюджетная реформа и образование

Российская бюджетная реформа в оценках муниципальных руководителей

Шмерлина Ирина Анатольевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора социологии науки ИС РАН, ведущий научный сотрудник Центра методологии федеративных исследований РАНХиГС при Президенте РФ

E-mail: Shmerlina@yandex.ru

Российская бюджетная реформа в оценках муниципальных руководителей¹

Аннотация

Статья основана на анализе суждений о бюджетной реформе (реформе финансирования учреждений социальной сферы), высказанных руководителями муниципальных подразделений в ходе экспертного опроса. Рассматриваются концепция и модель реформы, а также возможные последствия её реализации в современных российских условиях.

Ключевые слова: бюджетная реформа, административная реформа, социально эффективное государство, казённые, бюджетные и автономные государственные / муниципальные учреждения

Сегодняшняя официальная риторика власти построена на акцентированном стремлении к построению социально эффективного и, более того, «сервисно ориентированного» государства [Страница «Гражданам»]. Предполагается, что такое государство обеспечивает своим гражданам высокие стандарты образовательных услуг, медицинской и социальной помощи, а также лёгкий и комфортный «интерфейс» взаимодействия власти и физических (юридических лиц).

Именно на эти цели ориентированы административная и бюджетная реформы, задающие новые критерии оценки эффективности деятельности государственных и муниципальных органов.

Административная реформа представляет собой комплекс преобразований в сфере предоставления государственными (муниципальными) органами власти услуг населению, регулируемый Федеральным законом Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

Бюджетная реформа – это комплекс преобразований в бюджетном секторе российской экономики, связанный с выделением трёх типов государственных (муниципальных) учреждений (казённых, бюджетных и автономных), регулирую-

¹ Статья выполнена на базе исследовательского проекта Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) «Предложения по совершенствованию критериев оценки эффективности деятельности органов государственной и муниципальной власти» (2012).

емый Федеральным законом Российской Федерации от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» (далее – ФЗ-83).

Ключевым словом и той, и другой реформы является концепт «услуга». Однако если в первом случае использование данного концепта представляется адекватным, то во втором его значение не только вступает в резкий и опасный диссонанс с социокультурными ценностями, регулирующими деятельность российских институтов образования, медицины, науки, культуры [Шмерлина 2013], но и ставит под угрозу важнейшие социальные гарантии населения.

Далее будут рассмотрены мнения экспертного сообщества о проблемах, рисках и возможных последствиях реализации ФЗ-83. В роли экспертов выступили 14 представителей муниципальных органов власти в ранге руководителей и заместителей руководителей министерств (департаментов) образования, здравоохранения, науки, культуры социальной сферы, финансов пяти областей РФ. Опрос проходил в мае-июне 2012 г.¹

Модель бюджетной реформы: «Деньги в обмен на обязательства»

Идея сервисно ориентированного государства находит своеобразное преломление в сфере бюджетных услуг. Здесь интенция предоставить потребителю услуги в максимально комфортном, качественном и доступном виде соединена со стремлением сделать это наиболее экономичным, экономически эффективным образом. Основной вопрос, вокруг которого развернулась общественная полемика и по поводу которого единого мнения нет даже у экспертов, связана с вопросом о том, насколько возможно совмещение экономической и социальной эффективности.

Согласно ФЗ-83, все государственные и муниципальные учреждения, прежде рассматривавшиеся как бюджетные, преобразуются в один из трёх типов: казённое, бюджетное или автономное. Для последних двух принципиальным образом меняется идеология и порядок государственного (муниципального) финансирования: «теперь... идёт речь не о финансировании... учреждений, а о финансовом обеспечении их деятельности» [Вавилова 2010]. Конкретно это означает, что деньги такие учреждения будут получать в виде субсидии,

¹ Опрос проведён Центром методологии федеративных исследований РАНХиГС.

выдаваемой под выполнение государственного (муниципального) задания, а не в виде финансирования статей бюджета, как было прежде (и как сохраняется для учреждений казённого типа). Деньги при этом выдаются общей суммой (принцип «одной строки»), а это означает, что учреждение само должно их распределять, расписывать по статьям своего бюджета. Сама же сумма субсидии зависит от объёма государственного (муниципального) задания, рассчитанного на основе соответствующих нормативов.

Утрируя, можно сказать, что учреждения бюджетного и автономного типа будут теперь получать деньги не за то, что они *есть*, а за те конкретные работы, которые они осуществляют; это – своего рода «сдельщина» в сфере социальных услуг.

Считается, что изменение статуса учреждения запустит механизм развития последнего в сторону всё более полного и качественного удовлетворения запросов потребителей соответствующей сферы: «Реформирование бюджетного сектора российской экономики направлено в первую очередь на обеспечение качества и доступности государственных (муниципальных) услуг для населения. ...Бюджетные средства должны тратиться не на то, чтобы поддерживать функционирование учреждения как юридического лица, а на то, чтобы обеспечить каждому гражданину право на получение бесплатной (либо частично платной) услуги необходимого качества» [Вавилова 2010].

Именно к риторике общественного блага обращались эксперты, дававшие положительные оценки ФЗ-83 (заметим, что почти все эксперты – 12 из 14-ти – в целом о законе отзывались весьма высоко):

- 83-й закон – это услуга, и на эту услугу есть госзадание.
- Это повышение качества и доступности услуг, которые мы оказываем населению.
- Сейчас учреждения понимают, что они реально получают деньги на реализацию непосредственно госзадания, и с них спросят за качество предоставления услуги... Деньги в обмен на обязательства... Это единственно правильная и нормально работающая схема, и другой не должно быть. 83-й закон к этому нас подвигает.

Резюмируя мнения экспертов, а также официальные комментарии ФЗ-83, можно выделить следующие достоинства этого закона и ожидаемые положительные эффекты от его реализации:

- расширение спектра социальных услуг;
- повышение качества услуг;

Учреждения бюджетного и автономного типа будут теперь получать деньги не за то, что они *есть*, а за те конкретные работы, которые они осуществляют; это – своего рода «сдельщина» в сфере социальных услуг.

- рост удовлетворённости граждан услугами социальной сферы и улучшение социально-политической обстановки в обществе;
- расширение возможности развития учреждений социальной сферы;
- повышение дисциплины и ответственности руководителей за расходование бюджетных средств, использование оборудования и т. п.;
- повышение эффективности расходования бюджета страны в целом.

Каждая из этих позиций имеет своих защитников и оппонентов. Первых больше среди официальных лиц, по долгу своей службы связанных с разработкой и внедрением закона, вторых – среди представителей общества, ради блага которых, как декларируется, закон был разработан.

Прежде чем перейти к рассмотрению уязвимых мест бюджетной реформы, зафиксируем некоторые общие, принципиальные сомнения, которые высказывались не только её противниками, но и сторонниками. Первое сомнение состоит в том, что и до принятия ФЗ-83 у руководителей учреждений было достаточно возможностей для проявления инициативы и предоставления качественных услуг населению. Иначе говоря, модель, заложенная в ФЗ-83, вполне реализуема и без инструментов этого закона – сегодняшнее правовое пространство содержит достаточно возможностей для творчески работающих руководителей.

Другое сомнение в целесообразности закона связано с отсутствием в большинстве российских регионов конкурентного пространства образовательных и медицинских услуг. Между тем это условие необходимо, чтобы закон заработал. В сегодняшней ситуации острой нехватки учреждений образования, дошкольного воспитания, больниц и поликлиник востребованными оказываются все – и с хорошим качеством услуг, и с «не очень»: *«Вот я прихожу в отдел здравоохранения. И у нас там очереди с 5 утра. Мы субсидии передаём, всё вроде бы хорошо и замечательно, а вот врачей как не было, так и нет!»*.

Наконец, существует принципиальное сомнение в жизнеспособности самой концепции закона. Последняя, кратко сформулируем ещё раз, состоит в увязке экономической эффективности и социальных эффектов, которые в конечном счёте должны привести к росту удовлетворённости населения качеством и доступностью услуг образования, здравоохранения и прочих жизненно важных сфер общественной жизни: *«Что касается качества услуги, то это пока декларация, так как связь между качеством услуги и заданием очень трудно устанавливать, и это проблема не уровня региона, не уровня*

образовательного учреждения. Это проблема разработчиков закона. К сожалению, механизмы его реализации на федеральном уровне не были до конца проработаны. И ещё будут, наверное, не один год прорабатываться. Сказать, что введение этого закона повысило качество образования, будет немного преувеличенно».

Напомним, что почти все эксперты в силу своих должностных позиций или по иным причинам настроены по отношению к закону достаточно позитивно, и это хорошо видно в характере тех критических замечаний, которые они высказывают. Если в общественном мнении основная дилемма в трактовке закона ФЗ-83 выглядит как «механизм повышения качества и доступности услуг бюджетной сферы или антинародный закон, разрушающий систему социальных гарантий», то в экспертном дискурсе дилемма формулируется иначе: «инструмент повышения качества услуг или механизм перенаправления финансовых потоков». Критический пафос экспертной позиции состоит именно в осознании этого сопоставления как дилеммы: «Мы просто переделаем порядок финансирования и отчётности... Сказать, что качество здравоохранения как-то повысится, сомневаюсь, хотя хочется в это верить... Ничего не поменялось в реальности, потому что пошли по другому финансовому пути... Я вижу только изменение формы финансирования... Больше готовы в финансовом плане, больше готовы к изменению финансовых потоков. То есть этому мы научились...»

Что касается социальных эффектов, то это, по мнению эксперта, было, остаётся и, скорее всего, останется не более чем декларацией.

Проблемы и уязвимые места ФЗ-83

Проблема определения нормативов государственного (муниципального) задания

О том, что «гладкая концепция» закона «спотыкается» о факты реальной действительности, в той или иной форме говорили многие эксперты. Первым из таких уязвимых пунктов является непроработанность ключевой категории, заложенной в механизм закона, а именно – норматива, в соответствии с которым формируется государственное (муниципальное) задание. Между тем именно норматив представляет собой рычаг, который должен запустить все последующие процессы «самонастройки» сферы социальных услуг. Принципиально, чтобы он был един для страны или как минимум в масштабах региона: «Если брать 83-й закон и даже закон об образовании, то здесь есть чёткая взаимосвязь: оказание услуги и финансирование образовательных учреждений

должны учитываться в соответствии с нормативом. А норматив должен определяться как государственная услуга, и только потом – финансирование реализации госзадания»; «Закон, по сути, создаёт универсальный инструмент. Он говорит: вы установите единицу в государственном задании – и всё. Выполнишь государственное задание в таком объёме – получишь столько. Но стоимость этой услуги определена для различных типов учреждений единообразно».

Однако, приступив к практической реализации закона, руководители столкнулись с рядом вопросов: исходя из какой базы следует высчитывать норматив, можно ли в современных российских условиях выработать единый региональный норматив и нужно ли вообще это делать? Респонденты размышляли следующим образом: *«Они <нормативы> сейчас не разработаны, и, наверное, не будут разработаны. ...Может быть, потому, что у нас слишком разные территории и разные условия. Вот, например, у нас школа в одном месте отапливается газом, в другом – мазутом. Но сказать, что услуги плохо предоставляются, нельзя. На местах очень много проблем, с которыми трудно справиться, и они даже не декларируются. По моему мнению, Минфин на сегодняшний день уже реально говорит о том, что эффекта, нет и в ближайшей перспективе не будет. Отмечают только, что “начинает меняться мировоззрение людей” (как это обычно в декларациях говорится!); «Услуга в основном однотипная, хотя и может в чём-то и различаться, а жизнь-то у всех разная!».*

По мнению экспертов, сегодня учреждения пошли по самому простому пути – высчитали нормативы, исходя из существующей сметы. Материалы экспертного опроса не позволяют дать однозначную оценку подобной практике – есть ли это необходимый переходный этап вхождения в новые правила бюджетной игры или профанация закона с самого начала – однако позволяют подобный вопрос поставить: *«Было два подхода. Первый – это научно обоснованный подход к расчётам нормативов финансирования. Второй – расчёт нормативов в пределах имеющихся бюджетов»; «Сейчас состояние нормативов таково, что они рассчитаны исходя из фактической потребности учреждений в предыдущем периоде»; «Сметное финансирование, которое на сегодняшний день, от заднего числа... То есть, в принципе, эта та же смета, которая и была. И сказать, что что-то поменялось, нельзя»; «Нормативы – от факта прошлого года, плюс коэффициент на инфляцию. Расчёт очень простой и мало связан с реальной стоимостью услуги. ...Сейчас все это достаточно умозрительно»; «Когда мы в прошлом году нормативы стали рассматривать, то поняли, что эти нормативы никто и не просчитал. И все эти сметы, которые у меня были, они не прошли по нормативу. Да, вот у меня всего 30% наполняемость по*

О том, что «гладкая концепция» закона «спотыкается» о факты реальной действительности, в той или иной форме говорили многие эксперты.

ученикам, и вот такое здание! А куда я денусь?! ...И поэтому всё обратным ходом, исходя из сметы, вроде как-то что-то делают... И мы нашли норматив, и он у каждого свой. На сегодняшний день это проблема для нас, пока нет объективного норматива, хотя каждая услуга должна стоить везде одинаково»; «Из 120 учреждений мы получили 120 нормативов! То есть каждое учреждение имеет свой норматив».

Возможно, что проблему единых (для данной услуги на данной территории) нормативов решить удастся. Во всяком случае, экспертные интервью содержат описание попыток такого рода решений, причём масштаб предлагаемых подходов варьирует очень широко. Так, один эксперт говорил о введении «коэффициентов адаптации», постепенно «подтягивающих» учреждения к территориально-отраслевым нормативам, другой – о необходимости начала широкого общественного диалога на тему стандартов оказания социальных услуг.

Помимо сложности унификации услуг, предоставляемых в разных условиях и с самых разных «стартовых позиций», существует и более фундаментальная проблема, связанная с самой возможностью количественной оценки услуг социальной сферы. Об этом российское общество много и пылко спорило в ходе введения ЕГЭ. Сегодня к подобным вопросам заставляет вернуться ФЗ-83: *«Должны быть сделаны серьёзные шаги по решению проблемы связи качества образования с отходом от декларации, потому что это очень сложные вопросы. Например, что такое качество образования? Чем его можно измерить? Отметками? И всё? Ведь образовательная услуга шире, у нас ещё нет чётких критериев, что такое качество образования, мы не можем его оценивать, потому что качество образования не есть качество предметной обученности... Мы плохо умеет измерять качество образования, а тем более связать его с бюджетным финансированием, с деньгами, ведь хитрость закона была в том, насколько я понимаю, что качественно работающие педагоги должны получать больше, чем работающие некачественно. Вот этой связи пока нет. И эффект закона снижен».*

Проблема выработки релевантных критериев оценки качества услуги обсуждается в обществе. Так, на слушаниях комиссии Общественной Палаты по развитию гражданского общества и взаимодействию с общественными палатами субъектов РФ «практически все участники... сошлись на том, что те критерии качества, которые сейчас заложены в нормативной базе, не выдерживают никакой критики. Например, количество двоек в классе не может быть критерием качества образования, убеждены преподаватели. А количество выданных книг в библиотеке федерального или регионального уровня не есть показатель хорошей или плохой работы библиотекарей» [Бюджетники учатся зарабатывать. 2012].

Помимо сложности унификации услуг, предоставляемых в разных условиях и с самых разных «стартовых позиций», существует и более фундаментальная проблема, связанная с самой возможностью количественной оценки услуг социальной сферы.

Наконец, какие можно задать нормативы для таких учреждений культуры, как театр, филармония? Количество посещений? И в том случае, если учреждение «не тянет», просто закрыть его? Но, как справедливо говорит эксперт, «продукты культуры» с трудом поддаются нормированию: *«В культуре актуальны вопросы качества, и на это закон нацелен. Как оценить качество театральной постановки? Вы цените по количеству увиденного «ниже пояса», а я жду катарсиса от постановки, третий ждёт хороший текст, а четвертый что-то ещё... Показатели качества достаточно выхолощены, потому что мы работаем больше с сознанием, с душой, а они очень сложно укладываются в эту “цифру”».*

Это нормирование должно иметь, по мнению эксперта, определённый предел, и *«нормироваться должно то, что может нормироваться»*: *«Пока зёрна от плевел не отделили. Расходы на содержание имущества, я думаю, обсчитать можно. Но расход на оказание услуги? Всей культуры?... Людей коробило, ещё когда терминологию эту вводили, потому что это в корне неправильно. Услуга – это сродни помывке в бане. Здесь обсчитать можно: веники, шайки, сколько воды, подогрев парилки, простыня, кружка пива. А тут другое... Аплодисменты, деньги в кассе? Это хорошо, но вопрос: за счёт культуры ли это?».*

***Проблема существования
неэффективных учреждений,
работающих в условиях низкого спроса на услуги
либо в неблагоприятной социальной среде***

Сложность, о которой было известно задолго до проработки закона, – это существование заведомо убыточных, но социально необходимых учреждений, по объективным причинам не способных выдерживать нормативы. Закон не содержит формулы определения нормативов для «ненормативных» ситуаций, например, в случае малокомплектных школ и медицинских учреждений (забегая вперед, скажем, что в этом случае учреждение проще всего закрыть, что часто и делается). Другая, не менее сложная ситуация – когда школа работает в районе проживания «трудного контингента» и органически не способна обеспечивать нормативное качество услуг, измеряемое, скажем, показателем сдачи ЕГЭ. Или как быть, если больница расположена в регионе с неблагоприятной экологической либо демографической обстановкой и превышает «норму смертности»? Эксперты полагают: *«Есть у нас такая проблема, например, госзадание: если муниципальное учреждение не выполняет норматив, по закону мы должны сократить бюджетное финансирование. Например, у школы есть задание, оно прописано: оказание услуг таких-то, в том*

числе обеспечение качественной подготовки учащихся. Если несколько учеников не сдали экзамен выпускной, ЕГЭ, к примеру, мы что, должны у школы деньги забирать? Закон на это прямого ответа не даёт. То есть, с точки зрения обывателя, если в школе большое количество детей не сдаёт выпускные экзамены, что не обеспечивает качества образования, получается услуга некачественно оказана. Мы должны для этой школы как-то деньги сокращать. Или, к примеру, сельская или городская школа находится в каком-то микро-районе. Район сложный, родители сложные. Как быть в этом случае? Я не знаю».

Проблема санкций за невыполненное (некачественно выполненное) государственное или муниципальное задание

По словам экспертов, бюджетная реформа не содержит механизмов применения санкций за невыполненное или некачественно, не на должном уровне выполненное государственное (муниципальное) задание. Фактически единственная мера, к которой можно прибегнуть в таком случае, – снять руководителя. Но это мера административного воздействия, и она плохо согласуется с финансовой логикой бюджетной реформы. Кроме того, найти нового руководителя для неэффективно работающего бюджетного учреждения – задача не из простых. Вот что говорят об этом эксперты: «Что делать, если предоставление услуги будет оказано ненадлежащим образом?»; «Услуга оказывается некачественно, а как сократить финансирование у детского сада, у школы, здесь непонятно»; «При оценке качества должны быть отработаны рычаги, которые позволили бы забрать средства у учреждения с низким качеством предоставляемых услуг и отдать их другому учреждению. Это сейчас невозможно: закрыть какую-то школу мы не можем, потому что в следующем году мы опять должны её финансировать. Очень много вопросов встаёт. Также будет и в 2013, и в 2014 году, как на федеральном уровне, так и на муниципальном, всё те же субъекты! Всё те же учреждения, со всем тем же самым набором государственных и муниципальных услуг».

Создаётся впечатление, что этот вопрос по умолчанию отдан на откуп рынку: хорошо работающие учреждения окажутся, скорее всего, привлекательными для клиентов, способных самостоятельно оплачивать их услуги.

Сложность, о которой было известно задолго до проработки закона, – это существование заведомо убыточных, но социально необходимых учреждений, по объективным причинам не способных выдерживать нормативы.

Бюджетная реформа не содержит механизмов применения санкций за невыполненное или некачественно выполненное государственное задание. Фактически единственная мера, к которой можно прибегнуть в таком случае, – снять руководителя.

Риски ФЗ-83

Риск легализации платных услуг

Самый большой риск, вызвавший шквал общественной критики закона, связан с легализацией платных услуг, что может иметь самые неожиданные последствия для дошкольного и школьного образования. Вдумавшись в идеологию бюджетной реформы, нетрудно понять, что акцент делается именно на этом. Цель данной реформы – не в нормативах и госзаданиях. Они скорее играют роль рамочных условий, в которых «производитель услуг» получает возможность пользоваться преимуществами свободной игры на рынке. Фактически, если свести идеологию бюджетной реформы к её смысловому ядру, последнее будет выглядеть довольно цинично: *минимум – бесплатно, всё остальное – за отдельную дополнительную плату*. Во всяком случае, именно так воспринимает общественность идеологию ФЗ-83.

Эксперты в большинстве своём пытались развеять подобные опасения, утверждая, что ФЗ-83 соблюдает конституционные права граждан на бесплатное образование и медицинскую помощь: *«Если говорить относительно системы образования, то высказанные замечания были безосновательными. Например, говорили, что в ведении этого закона повысить платность образования, что мы постепенно уйдём от бесплатного образования. Этого не произошло, потому что как в государственное задание, так и в муниципальное в полном объёме включена реализация государственного стандарта. Т.е. как госстандарт реализовывался за счёт бюджетных средств, так он и реализовывается. Зато у образовательных учреждений появилось более точное прозрачное понимание того, как можно оказывать платные услуги, т. е. перечень услуг расширился... То, что не входит в стандарт, в основную программу, не входит в задание муниципальное. Эти услуги оказывают вполне официально, платно, прозрачно и видимо для родителей, школ, детских садов, и это нормально»*.

Однако легко предположить, что в ходе реализации закона будут найдены многочисленные способы обеспечения конституционных прав граждан самым «экономичным» образом. Речь идёт о рисках недобросовестного прочтения ФЗ-83.

Риски недобросовестного прочтения закона

К подобного рода рискам можно отнести минимизацию объёма бесплатных услуг и перевод всё большего числа востребованных обществом услуг в разряд платных; профанацию бесплатного образования и здравоохранения, а также такие

Самый большой риск, вызвавший шквал общественной критики закона, связан с легализацией платных услуг, что может иметь самые неожиданные последствия для дошкольного и школьного образования.

Риски недобросовестного прочтения закона.

издержки самостоятельности руководителей учреждений, как нерациональное формирование бюджета и переориентация приоритетов деятельности. О том, «как это делается» или может быть сделано, можно узнать даже из рассуждений экспертов, в большинстве своём настроенных, подчеркнём это ещё раз, весьма позитивно по отношению к ФЗ-83.

Риски минимизации объёма бесплатных услуг и перевода всё большего числа востребованных обществом услуг в разряд платных

Респонденты полагают: *«Если начнут манипулировать госзадаaniem, то кончится этим. Я слышал про образование, что минимум урок (2 часа) русского языка в неделю останется бесплатным, – вот то, что я получаю, а если я хочу узнать что-то большее, чем простые предложения, про сложносочинённые, то Марья Ивановна расскажет тебе в другое время, по отдельному преискуранту. Так и здесь опасения есть... Вот этот зальчик грязенький, три картины висят, – это посещение на 20 рублей, а за 200 рублей вы можете в картинную галерею подняться. А что делать? Такая жизнь»; «Чёткие должны быть параметры бесплатных услуг... Чёткую грань надо поставить, чтобы не получилось размывания услуг платных и бесплатных, чтобы нерадивые руководители часть тех услуг, которые по здравому смыслу должны предоставляться бесплатно, не предоставлялись платно. Это проблема не ФЗ-83, а именно в правильном формировании государственного задания, отраслевых законов».*

Риски профанации деятельности по предоставлению бесплатных услуг и искусственного стимулирования спроса на платные

Осуществить подобное способен любой учитель, невнятно объяснивший материал урока и предлагающий более чёткие объяснения «за отдельную дополнительную плату»: *«Чтобы это не превратилось в вымогание. На уроке материал даётся просто, не отрабатывается на все 100%, учитель не выкладывается. Надо ребенку подтянуться – пожалуйста, можно за денежку. Такой риск есть. Опять же: это не вопрос закона, это вопрос этики».*

Риски минимизации объёма бесплатных услуг и перевода всё большего числа востребованных обществом услуг в разряд платных.

Риски профанации деятельности по предоставлению бесплатных услуг и искусственного стимулирования спроса на платные.

Риски неоправданного распределения и использования бюджетных средств, злоупотребления административной свободой

Согласно новому законодательству, бюджетные и автономные учреждения получают государственное (муниципальное) финансирование не по статьям сметы, а в виде субсидии на выполнение государственного (муниципального) задания, выдаваемой общей суммой (принцип «одной строки»). Это даёт руководителям бюджетных и автономных учреждений большую свободу манёвра в использовании средств. Так, судя по комментариям экспертов, руководитель может направить деньги на техническое переоборудование, сэкономя на фонде заработной платы. Либо, напротив, он может увеличить оклады сотрудников, пренебрегая задачами поддержания инфраструктуры и материального оснащения «производственного процесса». Можно сэкономить на питании, что сразу порождает массу обоснованных опасений. Наконец, руководитель может «соптимизировать» штатное расписание, попросту уволив часть работников. Наверное, в значительном числе случаев это пойдёт только на пользу дела. Однако кто может исключить, что подобная «оптимизация» не будет в ущерб качеству оказываемых услуг: *«Люди, получая в управление организацию, достаточно самостоятельную, к сожалению, руководствуются не уставными принципами организации, а какими-то другими приоритетами. Если я возглавляю автономное учреждение, на меня не распространялось введение контрактной системы, закон о госзакупках. Я самостоятельно формирую штатное расписание и политику заработной платы, самостоятельно распоряжаюсь финансами. И у меня голова закружилась. Я вижу много денег... Человека так искушать очень опасно».*

Риски переориентации приоритетов деятельности

По мнению экспертов это вполне вероятно: *«Но вот ещё написано так, что остальные платные услуги, которые [руководитель учреждения] предоставляет, это вообще его дело. Но это платные услуги, которые не связаны с госзаданием. Например, аренда. Это не госзадание, но на той же собственности делается не основное, не своё профильное, а что-то другое, потому, что в уставе есть слова: “И иные...”, то есть что-то, не противоречащее основному. Но почему это его дело-то?! ...Почему это только его дело, если это, опять же, на базе нашей областной собственности?!».*

О существовании опасности переориентации на совсем иные виды деятельности под видом платных услуг говорит следующий эксперт, причём, что любопытно, он даже не видит

Риски неоправданного распределения и использования бюджетных средств, злоупотребления административной свободой.

Риски переориентации приоритетов деятельности.

подвоха в этих рассуждениях, а, напротив, пытается успокоить интервьюера (и в его лице – российскую общественность), что ФЗ-83 вовсе не обрекает социальную сферу на тотальную коммерциализацию услуг: *«И платная услуга может быть разная. Она может быть как образовательная (сверх задания), так и специфическая например, на промышленном предприятии производство различных деталей из металла, каких-то электротехнических товаров, пользующихся спросом на рынке».*

Риски изменения среды и условий реализации закона

Речь идёт о рисках, связанных с невыполнением государством своих обязательств: *«Здесь есть большие опасения: с одной стороны – свобода, с другой – опасения, что государство как-то хитро в торговле обманет, ...если вдруг начнёт менять правила игры, выбивать табуретку из-под ног людей, которые верёвочку с шеи начинают снимать. Возьмёт и скажет, что госзадание на 50% уменьшает»; «Это опасения, связанные... с ухудшением финансового обеспечения учреждений... Власть там пытается каким-то образом уйти от своих прямых обязательств перед этими учреждениями, перевалить пласт финансовых проблем на само учреждение и, соответственно, рикошетом на граждан, которые будут обращаться за услугами в эти учреждения»; «Если правила игры будут нарушаться, если с заданием будут мудрить, это будет влиять на существенный рост платности, надо будет выживать как-то».*

Риски махинаций в рамках законодательства

К такого рода рискам относится прежде всего «ползучая» приватизация учреждений и их имущества. Большинство экспертов отрицали такую вероятность, ссылаясь на существующие ограничения действующим законодательством. В то же время, некоторые эксперты в долгосрочной перспективе усматривают такую опасность.

Прогнозируемые последствия бюджетной реформы

Другой аспект осмысления бюджетной реформы связан с возможными её последствиями – как позитивными, так и негативными, которые могут проявить себя даже в случае отсутствия перечисленных выше рисков. Иначе говоря, речь в данном случае идёт не о неверном прочтении закона, не

Риски изменения среды и условий реализации закона.

Риски махинаций в рамках законодательства.

о «лазейках», которые он открывает для злоупотреблений и махинаций, а о «естественных» следствиях, которые в таком случае органично вытекают из заложенных в ФЗ-83 принципов и правил деятельности.

Выделим основные позитивные и негативные последствия бюджетной реформы, прогнозируемые экспертами-управленцами и представителями общественности. В качестве позитивных последствий реализации ФЗ-83 экспертами называлось прежде всего улучшение деятельности учреждений социальной сферы как в плане расширения диапазона предлагаемых услуг, так качества и доступности последних. Более осторожно эксперты прогнозировали снижение коррупционной составляющей в деятельности учреждений образования и здравоохранения.

Негативных последствий больше, и прогнозы на этот счёт звучали более убедительно. Эксперты и общественность видят реальную опасность таких явлений, как усиление социального неравенства, ухудшение качества образования и медицинской помощи вследствие переориентации этих сфер на рыночные критерии, девальвация прежних общественных ценностей, выступавших духовно-нравственными регуляторами деятельности социально значимых институтов, закрытие учреждений образования и здравоохранения, не способных выполнять нормативы государственного заказа, массовое высвобождение занятых в этих отраслях работников.

Возможные положительные последствия

1. Расширение спектра услуг и, как следствие, – появление качественно новых возможностей для образования, поддержания здоровья, физического и духовного развития детей и взрослых: *«Например, детские сады на законном основании, не скрываясь, наряду с услугой организации дошкольного образования могут оказывать дополнительные платные услуги по оздоровлению детей»*; *«Если я хочу, чтобы мой ребёнок получал не 6 или 8 уроков английского языка, а 12 или 14, то это вполне возможно»*.

2. Отмирание системы неформальных платежей и уменьшение коррупции вследствие легализации платных услуг: *«По росту коррупции, наоборот, ограничения возникли. Я должен всё объявлять в открытую»*; *«Весь тот сектор, который сегодня заключён в репетиторстве и не вполне легально существует, будет иметь тенденцию перевода в платную категорию»*; *«Какой смысл медику или кому-либо потенциально идти на преступление, вымогать взятку или что-то ещё в оплату своей услуги, если ему сейчас предоставлен механизм – если грамотно составить систему оплаты труда сотрудников учреждений, то деньги, заработанные этим врачом, пойдут и на его зарплату»*.

В качестве позитивных последствий реализации ФЗ-83 экспертами называлось прежде всего улучшение деятельности учреждений социальной сферы как в плане расширения диапазона предлагаемых услуг, так качества и доступности последних.

Эксперты и общественность видят реальную опасность таких явлений, как усиление социального неравенства, ухудшение качества образования и медицинской помощи вследствие переориентации этих сфер на рыночные критерии, девальвация прежних общественных ценностей и др.

Другие эксперты были более осторожны в прогнозировании условий, благоприятствующих сокращению коррупции, а некоторые вообще высказывали фатально-пессимистические мнения о непобедимости последней: *«Только одним этим законом проблему решить не удастся, необходим целый комплекс мер. Если у нас недостаточно практикующих врачей, то какой закон? Можно расстреливать тех, кто берёт взятки, но от этого врачей больше не станет. Очередь станет больше»; «Затрудняюсь сказать. У нас такая своеобразная страна, и, к сожалению, что бы мы ни делали, это редко приводит к сокращению коррупции».*

Возможные отрицательные последствия реализации ФЗ-83

1. Усиление социального неравенства.

Российская общественность с гневом обсуждает концепцию школы «двух коридоров». Усиление социального неравенства вследствие неравного доступа к качественному образованию и здравоохранению – весьма вероятное последствие ФЗ-83, в значительной степени обесценивающее все его положительные эффекты.

Эта тема в экспертных интервью звучит глухо. Однако о том, что подобные процессы возможны и, более того, уже имеют место, легко можно вычитать из не всегда внятных, а порой и несколько циничных экспертных «нарративов»: *«В Псковской области и за её пределами выпускники школ поступают в элитные, элитарные, какие-то там ещё дополнительные образовательные учреждения. Желание обогатить свою образовательную программу дополнительными часами, предметами и так далее будет расти и, соответственно, платность будет иметь место. В других учебных заведениях, где происходит выполнение стандарта, качество подготовки учеников у нас достаточно высокое»; «В выигрыше – коллектив, образовательные учреждения и родители. Коллектив и учреждения в выигрыше потому, что у них экономическая свобода появляется. А родители – в том, что наряду с услугами, которые они раньше получали, появляется возможность получать дополнительные услуги, пусть даже платные... Появилась возможность выбора. Спектр услуг расширяется. У нас население всё-таки не одинаковое, разные условия, разные запросы... Я хочу, чтобы мой ребёнок приходил в детский сад и, кроме того, что он там содержится и за ним смотрят, выгуливают и т. д., ещё изучал иностранные языки или ритмику. Если мне скажут: у нас есть такая услуга, но за неё нужно платить в пределах разумного некую сумму. Кто-то не заплатит, а я бы заплатил».*

За пределами чиновничьих кабинетов обсуждение ФЗ-83 идёт совсем в другом тоне: «Напомню только об одном из самых серьёзных просчётов, напрямую связанных с ростом социального напряжения, – это 83-й федеральный закон. Мы выступали против его принятия именно потому, что он наносит удар по солидарности различных групп общества, останавливает не только социальные, но и культурные лифты и, что является особенно взрывоопасным, уничтожает сферу личностного развития, самоорганизации и социального взаимодействия людей. Теперь за всё надо платить. Спортивные секции всё дороже, творческие студии, кружки, клубы исчезают, самодеятельным коллективам негде собираться, а именно такие объединения – фундамент гражданского общества, важнейший этап социализации молодёжи и её нормальной интеграции во взрослую жизнь. Что остаётся молодёжи? В глубинке – алкоголь и наркомания, в больших городах – бесконечное сидение в социальных сетях, ну и выход на Манежку или на Болотную площадь» [Левичев 2012].

2. Платность вместо качества.

Рыночное стимулирование образования и здравоохранения опасно тем, что оно вводит специфические и весьма неорганичные этим сферам критерии оценки деятельности. В конечном счёте маркетинговый критерий (а именно он начинает задавать тон) прагматичен и прост – это полученная прибыль. И здесь существуют две опасности. Первая состоит в том, что если норма прибыли в социальных отраслях окажется достаточно высокой, туда хлынут «настоящие рыночники», которые мыслят прежде всего финансовыми категориями. Достаточно вспомнить сомнительность «профессионального кодекса» российских бизнесменов, чтобы увидеть опасность для общества в результате бюджетной реформы получить *платность вместо качества*: «*Не факт, что частное учреждение даёт лучшее качество образования, если даже и дорого, за деньги. И даже никаких гарантий нет, и вообще неизвестно, какая это контора!*».

3. Девальвация общественных ценностей.

Вторая опасность введения коммерческих критериев регулирования социальной сферы более фундаментальна и принципиальна. Речь идёт о самой правомочности использования маркетинговой модели в сфере предоставления важнейших социальных услуг.

Бесспорно, что средства, которые бюджетные и автономные учреждения получают от оказания платных услуг, будут получены вследствие удовлетворённого спроса на эти услуги. Но столь же бесспорно, что спрос на образовательные и медицинские услуги принципиально отличается от спроса на хорошую обувь, еду, парикмахерские услуги и подобные вещи,

качество которых действительно определяется в первую очередь удовлетворённостью потребителя. Однако и в медицине, и особенно в образовании спрос должен иметь не индивидуальное, а общественное измерение. Об этом фактически говорили эксперты, высказывавшие сомнения по поводу разумности внедрения финансово стимулируемых «стандартов качества» в столь тонкую сферу, как образование и воспитание «человеческих душ».

4. Закрытие учреждений социальной сферы, не способных выполнять нормативы государственного (муниципального) заказа.

На бюрократическом языке это называется «оптимизацией сети учреждений». На «общечеловеческом» – речь идёт о закрытии малокомплектных школ, больниц, фельдшерских пунктов в районах с низкой численностью населения. Понятно, что такие учреждения не в состоянии выполнить унифицированные нормативы госзадания и всегда будут нуждаться в дополнительных финансовых вливаниях. Этого можно избежать, если «приписать» контингент школьников или пациентов небольшой деревни к соответствующему учреждению райцентра. Школьников предполагается возить специальным автобусом, больные, надо полагать, доберутся сами. При том, что некоторые эксперты категорически отрицали возможность подобных решений, в их доводах сквозила обоснованность такого рода опасностей. Другие были более реалистичны или, может быть, правдивы, и признавали неизбежность непопулярных решений, в результате которых услуги будут, вероятно, более качественны, но никак не более доступны: *«В малокомплектных школах, вокруг которых велись спекуляции, никто никого не закрыл и не закроет никогда, потому что эта услуга востребована в том населённом пункте, доступность из которого для других учебных заведений затруднена... У нас почти 50% школ численностью меньше ста учеников. Если есть возможность оптимизировать (например, свой транспорт), мы возим детей в другие крупные школы, где хорошие стабильные коллективы, где есть хорошая материальная база. Вместе с учениками ездят иногда на работу и учителя в соседние школы, потому что им выгоднее работать в крупной школе, чем в мелкой»; «Очень сложный вопрос... Да, если всего 30% наполняемости, мы должны такое учреждение закрыть. Но это вопрос не быстрый, требует времени. Не знаю, сколько лет, но мы, конечно, это оптимизируем когда-то, потому что такое положение не эффективно с точки зрения затрат»; «Такой риск есть. Условия, которые создаются в результате реализации ФЗ-83 для учреждений, если их тупо, прямо выполнять, заставляют нас банкротить учреждения, увольнять руководителя, если просрочена кредиторская задолженность, а без руководителя учреждение умирает. Такой риск есть,*

если не думать о социальных последствиях тупого, прямого, безграмотного выполнения этого закона. Если будет требование жёстко выполнять закон – такие риски присутствуют»; «Возможно, кто-то будет недоволен закрытием маленькой школы в сельском поселении; тем, что ребёнка нужно будет возить в другую школу. Но процессы такие идут. Более доступными школы не будут»; «Если ресурса выживания нет, конечно, малокомплектные школы будут вымирать. Хотя это могут под благим соусом подавать, будто они не востребованы населением, поэтому не нужны. На региональном уровне такая вероятность не высока, на муниципальном достаточно высока»; «Мы посмотрели свои учреждения: насколько они востребованы, не надо ли их реорганизовать. Вот как раз в рамках 83-го закона у нас произошла реорганизация – укрупнение сети, порядка 40 учреждений».

Смежная ситуация – это невыполнение госзадания по причине маломощности самого учреждения, чаще всего – кадрового дефицита. Эта проблема очень остра в небольших населённых пунктах России, в которых мало кто хочет работать, но есть, кому болеть и учиться.

Самый, пожалуй, больной и непонятный вопрос – не представляется, что у кого-то есть простой и прямолинейный, однозначный ответ на него – что делать с теми учреждениями здравоохранения, которые не выполняют госзаказ? Если следовать букве закона, им не следует давать субсидии, что логично повлечёт за собой банкротство и ликвидацию учреждений. А наши учреждения выполняют социальную функцию, и естественно, закрыть учреждение, пусть даже плохо работающее в районе, никто не позволит, и этого делать нельзя, потому что это повлечёт за собой социальный взрыв. Между тем, в силу объективных обстоятельств из-за кадрового дефицита учреждения просто физически не могут выполнить доведённое до них государственное задание. Закон пока на этот вопрос ответа не даёт.

Случаи «укрупнения сети» и закрытия жизненно важных учреждений случаются сплошь и рядом, причём не только в сфере медицины и образования. Так, по данным наблюдений в Нижегородской области, жители многих районов страдают от невозможности получить простейшие услуги государственных органов и бюджетных организаций, что провоцирует депрессивную и весьма напряжённую социальную обстановку на этих территориях¹. «Укрупнение» социальной и административной инфраструктуры заставляет людей отправляться в дальний путь за медицинскими услугами, официальными справками и т. п. Эта ситуация, помноженная на традиционную для российской глубинки беду – плохие дороги, порождает «крик

¹ Использованы материалы закрытого качественного исследования в Нижегородской области (май 2012 г.).

души» у респондента: *«Непонятно, с чем это связано, но у нас милицию перевели в Павлово, военкомат в Богородск, многие организации перевели, поликлинику упразднили, перевели в центральную больницу, масса неудобств. Дороги в плачевном состоянии... Это крик души, это боль. То ли это политика государства, то ли наших властей, то ли областных властей, непонятно... Будем за каждой бумажкой ездить в Павлово, Богородск. Не очень всё хорошо складывается»; «У нас вообще никакого досуга нет – ни клуба, ни кино. Никакого досуга для молодёжи».*

Ситуация в ряде районов оставляет едва ли не гротескное впечатление. Так, в одном из живописных городов Нижегородской области нельзя ни родиться, ни умереть: *«...И морга нет»; «...Теперь и роддом закрыт»; «Это просто подвиг – женщине родить здесь»; «Ещё очень большой вопрос – это больницы. Было две больницы – заводская и районная. Районную закрыли. Теперь только одна, народу много, специалистов не хватает. Ездят в Нижний, Заволжье, в основном платно».*

О подобных случаях сообщают и средства массовой информации: *«Тревожные звонки уже поступают. Как сообщил на слушаниях председатель комиссии ОП по развитию гражданского общества и взаимодействию с общественными палатами субъектов РФ Иосиф Дискин, в Дагестане в горах, “прикрываясь ФЗ-83, начали “резать” фельдшерские пункты”. В местах, где любая медицинская помощь – большая проблема, где даже фельдшеров можно по пальцам пересчитать, подобные шаги недопустимы. Под ударом, по словам Дискина, оказались и малокомплектные сельские школы. Добавим, что в редакцию “Российской газеты” тоже поступают жалобы о закрытии “нерентабельных” медучреждений в сельской местности. Подобные решения принимаются региональными и муниципальными властями и диктуются исключительно экономическими соображениями» [Бюджетники учатся зарабатывать. 2012].*

Самая, пожалуй, большая опасность подобной «оптимизации» связана, как указывали эксперты, с уничтожением резервов, особенно насущно необходимых в здравоохранении: *«Койка пустая – плохо. Надо её закрыть, денег нет. А если завтра вспышка <заболевания>!? Поле для работы – найти золотую середину. Увязать госзадание – выполнить заказ населения и профинансировать неработающую койку... Специфика отрасли – не скатиться до содержания неработающих учреждений и в то же время не закрыть их, чтобы завтра нельзя было оказать помощи».*

В поисках «золотой середины» некоторые эксперты приходят к выводу, которые «дезавуируют» ФЗ-83, принципиальным образом меняя его приоритеты и, в конечном счёте,

концепцию. В этом новом видении проблемного поля закона качество, доступность и эффективность идут уже не в одной связке, а противопоставляются друг другу, или, по крайней мере, рассматриваются как независимые параметры: с одной стороны – качество, с другой – доступность (как мы видели, качество образовательных услуг в условиях укрупнения сети может повышаться, а доступность, наоборот, снижаться), с третьей – эффективность, понятая как «эффективность использования бюджетных средств».

5. Сокращение кадров, массовое высвобождение занятых в отрасли работников.

С «оптимизацией сети» непосредственно связано и другое прогнозируемое последствие реализации закона – массовые увольнения работников. Подобный эффект может быть не только вследствие закрытия и укрупнения учреждений, но и вследствие «оптимизации штатных расписаний», о чём уже шла речь выше. В данном случае инициатором сокращений выступает руководитель учреждения, а мотивом – стремление повысить заработную плату оставшимся работникам. Вряд ли вопросы качества и доступности услуг играют при этом решающую роль.

Большинство экспертов считают, что население не знает и не понимает закона ФЗ-83, и это нормально: населению и не следует вникать в его детали. Люди должны увидеть этот закон в виде его результатов – повышении качества и доступности услуг государственных и муниципальных учреждений, обеспечивающих важнейшие стороны жизнедеятельности человека. Однако, как известно, ФЗ-83 уже на стадии его подготовки вызвал весьма бурную реакцию общества. По России прошли митинги против принятия закона о бюджетных учреждениях. Лидеры гражданского общества считают, что единственным способом сохранить социальные права и гарантии граждан является принятие социального кодекса. Об этом уже пишут учёные: *«Надо требовать ясную и чёткую позицию государства и чёткие гарантии по отношению к тому, что будет предоставлено и за какие конкретно деньги. С моей точки зрения, сейчас самое главное – соединить усилия всех партий, в том числе и «Единой России», усилия общественности, нужно начать разработку и быстрое принятие социального кодекса Российской Федерации, где будет чётко, до рубля прописано, что государство и граждане должны друг другу, в том числе и по образованию. Социальный кодекс – это сейчас ключевой момент, иначе все наши разговоры о социальном государстве несостоятельны, и мы просто уничтожим социум как таковой»* [Мотовилова 2010].

ФЗ-83 уже на стадии его подготовки вызвал весьма бурную реакцию общества. По России прошли митинги против принятия закона о бюджетных учреждениях. Лидеры гражданского общества считают, что единственным способом сохранить социальные права и гарантии граждан является принятие социального кодекса.

Библиографический список

1. Бюджетники учатся зарабатывать. 2012 // Российская газета. Федеральный выпуск. № 5758. 18 апреля.
2. Вавилова А. А. 2010. Сравнительная характеристика казённого, бюджетного и автономного учреждений // Справочник руководителя образовательного учреждения. № 9 // Портал информационной поддержки руководителей образовательных учреждений «Менеджер образования». URL: <http://www.mcfr.ru/journals/48/177/29023/29024/> [Дата посещения: 22.06.2012].
3. Левичев Н. В. 2012. Выступление с требованием отменить ФЗ-83 на заседании Госдумы 7 февраля 2012 года // Гражданская инициатива за бесплатное образование. Официальный сайт. URL: <http://netreforme.org/news/vyistuplenie-n-v-levicheva-na-zasedanii-gosdumyi-7-fevralya-2012-goda-s-trebovaniem-otmenit-fz-83/> [Дата посещения: 20.06.2012].
4. Мотовилова А. 2010. Юрий Крупнов: Закон о бюджетных учреждениях преследует чуждые образованию цели // Новостной портал «Накануне.ру». URL: <http://www.nakanune.ru/articles/14669> [Дата посещения: 12.06.2012].
5. Страница «Гражданам» // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации «Административная реформа в Российской Федерации». URL: <http://ar.gov.ru/citizen> [Дата посещения: 13.06.2012].
6. Шмерлина И. А. 2013. «Услуга». Семантика концепта и логика российских реформ // Социологический журнал. № 2.

Бюджетная реформа и образование

Педагоги дошкольного образования: специфика профессиональной группы и рынка услуг

Колесникова Елена Михайловна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Сектора социологии профессий и профессиональных групп ИС РАН

E-mail: kolesnikova@mail.ru

Педагоги дошкольного образования: специфика профессиональной группы и рынка услуг

Аннотация

Статья посвящена выявлению основных показателей положения педагогов дошкольного образования в условиях реформирования, что обусловлено ростом спроса на данную услугу, с одной стороны, и массой нерешённых проблем сектора, определяющих статусные позиции группы, с другой.

Ключевые слова: социология профессий, социология образования

Сегодня институт дошкольного образования переживает возрождение в социальной политике и проблематике исследований. Во всём мире практики ухода за детьми всё больше и больше закрепляются именно за различными учреждениями дошкольного образования, порождая дискуссии относительно «профессиональной группы» в этой сфере. Зарубежные исследователи рассматривают дошкольное образование как часть социальной политики государств и актуализируют вклад института в проблематику социальной мобильности, социальной справедливости и гендерного равенства в семье [Scheiwe, Willekens 2009]. При этом вопросы кадров во всех разновидностях дошкольного образования понимаются ими как одно из наиболее приоритетных направлений, как один из решающих факторов успешной социальной политики государства [Competence Requirements... 2011]. Немногочисленные, на наш взгляд, отечественные исследования посвящены экономике и доступности дошкольного образования [Политика... 2011; Савицкая 2004; Селиверстова 2008], специфике родительского спроса [Потребление... 2009; Сухова 2011] и профессиональной культуре занятий, ориентированных на работу с детьми-дошкольниками [Здравомыслова 2008; Мониторинг... 2011].

Сложное сегодняшнее положение педагогов дошкольного образования обусловлено ростом спроса на услугу, с одной стороны, и очевидной нерешённостью проблем сектора, определяющих статусные позиции группы, с другой. Формирование и развитие дошкольного образования как формализованной практики и самостоятельной профессии в России приходится на советский период. Институт конструировался как некоммерческий и «политический» с ориентацией на служение обще-

ству и главенством государства в его экономике, администрировании и культурной политике. Постсоветские и актуальные реформы связаны с очевидным желанием государства активно привлекать самих граждан к финансированию сектора, что усложнило структуру профессиональной группы.

Работа выполнена в рамках проекта «Процессы актуального российского рынка услуг дошкольного образования»¹. В проекте профессиональная группа рассматривается в неовейберовской концепции как корпоративный актор, а её профессионализация – как процесс увеличения объёма властного, экономического и культурного ресурсов с целью улучшения положения на рынке труда [Подробный анализ подхода см.: Мансуров и др. 2008; 2009]. Также принципиально значимыми являются исследования формирования профессиональных идеологий отечественными социальными антропологами [Щепанская 2003; 2010].

Профессиональная культура такой большой и сложноструктурированной группы, как «педагоги дошкольного образования», – явление принципиально неоднородное. Здесь необходим учёт двух моментов: «профессиональная чистота группы» и занятость в «прогосударственном/коммерческом» секторе. Само понятие «педагоги дошкольного образования» включает не только классических воспитателей, логопедов, дефектологов, психологов и прочих специалистов, традиционно занятых в детских садах, но и «воспитательные специальности», более связанные с домашним пространством (мамы-воспитатели семейных детских садов, няни, гувернёры, репетиторы). Профессия «воспитатель» статистически на данный момент является доминирующей среди педагогических работников дошкольных учреждений – 81% от всего педсостава всех типов учреждений [Образование... 2012: 81]. Если в отношении муниципальных и государственных дошкольных учреждений позиции кадрового состава очевидны, то в частном секторе всё не так однозначно. Чёткое отнесение к категории «воспитатель» в частном секторе возможно только в такой форме, как детский сад. Но, с нашей точки зрения, разнообразие форм учреждений в частном секторе образовательных услуг для дошкольников и их родителей весьма широко и представлено в основном не классическими садами, а индивидуальной практикой и всевозможными «центрами развития»². Специалисты,

¹ Грант РГНФ N 12-03-00490.

² Важно отметить, что в целом данные государственной статистики по объёму частного сектора дошкольного образования и его структуре имеют одну важную особенность. В 2010 г. фиксируется только 374 дошкольных образовательных учреждения частной формы собственности [Образование... 2012: 186]. Очевидным является то, что основная масса услуг частного дошкольного образования предоставляется в форме, исключающей лицензирование и минимализирующей финансовую и налоговую отчётность. Гипотетически можно предположить, что избежать лицензирования не могут только частные детские садики,

занятые в них, могут идентифицироваться как «воспитатель»¹ скорее по базовому образованию, профессиональной биографии, основному содержанию труда, а не по штатному расписанию. Тем не менее, в силу актуального статистического доминирования муниципальных детских садов во всех видах дошкольных учреждений и, как результат, воспитателей в педагогических кадрах сектора, мы принимаем именно воспитателей как базовый объект в рамках нашего исследования.

С точки зрения перспектив развития сектора, нам представляется наиболее интересным сопоставление ситуации и внутрикорпоративных дифференциаций профессиональной культуры в частном и государственном секторах. Усложнение структуры группы и спроса на услугу, стратификационного порядка и трудовых отношений могут стимулировать изменения в идеологии группы, которые предполагают определённое соотношение объёма властных полномочий между нанимателями (государством, родителями) и профессионалом. Так, например, в классической статье Маршалла обсуждаются тенденции трансформации профессионализма в связи с изменениями в социальной структуре и социальной политике XX века. Дилемма актуального профессионализма в общественных или индивидуальных терминах видится в трактовке благополучия клиента. Если в случае с классическим «частным» пониманием профессии её авторитет основывается на долге перед пациентом, этике и ясно выраженном платежеспособном спросе, то в социальном государстве занятия превращаются в массовое социальное обслуживание и базируются уже на политической власти и принципах общественного благополучия. Государственные службы и служащие не мыслят коммерческими категориями и пассивны в политическом отношении, они оперируют категориями найма, а не прибыли [Маршалл 2010]. В качестве гипотезы мы предполагаем, что для профессиональной культуры представителей коммерческого и прогосударственного секторов дошкольного образования будут характерны различия в тактиках отстаивания автономии как во взаимоотношениях с государством, так и во взаимоотношениях с потребителем услуг (родителями).

Часть проекта, реализованная автором, включала проведение семи экспертных интервью с заведующими государственными и негосударственными дошкольными учреждениями (детских садов и образовательных центров) в Москве, Самаре и Уфе

форма работы которых требует больших помещений, прогулочной зоны, а значит исключает возможность «полу- или нелегальной» работы. Это затрудняет учёт образовательных учреждений частной формы собственности и его персонала государственной статистикой.

¹ Отметим, что в рамках выбранного нами подхода мы не делаем различий между терминами «профессионал» и «специалист» и используем их как синонимы.

и пятнадцати интервью с педагогами дошкольного образования государственных и негосударственных детских садов в Москве и Самаре (N=24).

Культурный капитал профессиональной группы

Данные экспертного опроса позволяют выделить в идеологии занятия значимые элементы, которые отражают сложившиеся тенденции в институте и задают траектории перспективного развития: характеристики неформального профессионального контракта, специфику важности профессиональных знаний в актуальной ситуации, дифференциацию образовательных стратегий семей, особенности маркировки экспертного пространства. Само понятие «профессиональный контракт» вводится по аналогии с такими понятиями, как «гендерный контракт», «контракт работающей матери». Он включает в себя не набор официальных квалификационных требований, предъявляемых к воспитателю или педагогу дошкольного образования, а описывает неформальные правила практики, права и обязанности профессионала, определяющие разделение труда.

Забота и образование как значимые характеристики профессионального контракта

Социальный институт дошкольного образования не только влияет на родительский контракт потребителя его услуг, обеспечивая возможность делегировать часть функций присмотра, ухода и заботы, но и определённым образом формулирует составляющие профессионального контракта специалистов института. Концепт ребёнка в современном обществе относится к разряду наиболее нуждающихся в заботе и частном мире как необходимом условии успешной социализации. Соответственно в идеологии институтов и экспертных групп, связанных с дошкольным детством, присутствуют представления о необходимости создания квазичастного пространства, характеризующегося квазиинтимностью, квазиперсонализированной заботой и доверием.

Контракт специалиста в описаниях всех экспертов (вне зависимости от типа дошкольного образовательного учреждения и региона) включает принятие «квазиродительских/материнских» ролей по отношению к детям, с которыми они работают, поддерживая аналогии с репродуктивным/родительским контрактом. Характеристиками контракта эксперты считают:

- значимость собственного родительского опыта как фильтра при приёме на работу (вход в профессиональную группу): *«Я полагаю, что с дошкольниками, так же как и в акушерстве, не должны работать девочки, которые ещё не имеют родительского опыта, нужна личная практика»;*

- повседневная практика эмоционального личного контакта и заботы как неотъемлемая составляющая профессиональных обязанностей: *«В группе 20-25 детей, и каждому надо оказать индивидуальное внимание, подойти, обнять до 15 раз в день; у них есть в этом потребность, сказать ласковое слово. ... Она (воспитатель) должна к каждому притронуться, запахнуть, застегнуть, чтобы у него нигде не поддувало и головка была аккуратная»;*

- интерпретация личного актуального родительства/материнства как конкурирующей «угрозы» эффективной «профессиональной родительской/материнской практике»: *«Это, наверное, материнский инстинкт. Женщина-воспитатель – это нормально. Я считаю, что 55 лет – предельный возраст для воспитателя. Дальше уже прирабатываются. На примере многих людей я увидела, что когда у людей появляются внуки, они становятся безразличны по отношению ко всем остальным окружающим детям... Когда воспитатель становится бабушкой, то она уже не должна работать воспитателем»;*

- эмоциональный менеджмент, ориентированный не только на ребёнка, но и на родителей, как неотъемлемая часть «профессионального родительства»: *«Она должна выглядеть хорошо всегда, достойно очень. На работу, как на праздник, и забыть все семейные проблемы. Всегда должна быть улыбка. Родители и дети не должны видеть твоих проблем. Родители должны оставить ребёнка, а ребёнок – остаться и быть спокоен, что воспитатель с хорошим настроением. Их здесь ждуют, их здесь любят и всегда рады»;*

- пропагандирование ценностей некоммерческой приватности как противоположности рыночных отношений: *«Здесь работа такая... с душой. Когда сюда приходят за зарплатой, то это не те люди. Они бегут из сада в сад и в итоге уходят куда-то в торговлю... Воспитатели, работники дошкольного образования – это определённый тип личности... Как говорится, сколько ни плати, от этого не зависит профессионализм... У них есть жилка, определённые жизненные ценности, ориентиры, у них внутри что-то иное, чем у людей, которые хотят сделать карьеру или ориентированы на деньги, на жизненный успех».*

Вторая значимая роль в профессиональном контракте отводится профильному образованию как фактору в стратификационном порядке. При этом эксперты продемонстрировали

определённую тенденцию в понимании связи необходимого уровня образования для эффективного исполнения обязанностей и использования его как инструмента закрытия, защиты позиций и повышения уровня дохода.

Заведующие муниципальными садами вне зависимости от регионального аспекта рассматривают среднеспециальное профильное образование как наиболее подходящий вариант для профессиональной группы. Специалисты именно с этим уровнем образования являются наиболее лояльными по отношению к профессии как таковой и к работе в бюджетной сфере. Ориентация образования на обучение практическим навыкам даёт более чёткое представление об основном содержании труда. Также в этом типе дошкольных образовательных учреждений сосредоточены одновременно кадры с наиболее высокими показателями стажа (исторический период получения образования которых приходился на этап превалирования среднеспециального образования), и кадры с исходно непрофильным образованием.

Респондент из муниципального ДОУ (Москва) утверждает: *«Чтобы быть хорошим воспитателем, достаточно среднеспециального образования. Оно даёт больше практических навыков. Высшее образование не принципиально для педагога, работающего в группе».* *«А стать хорошим педагогом дошкольного образования – по мнению заведующей муниципальным детским садом (Самара) – можно даже после курсов. Я говорю на примере своего педагога. Она пришла в сад с ребёнком, не имея профильного образования. Стала младшим воспитателем. Ей так понравилась работа, что она пошла учиться, заочно закончила педколледж и работает. Её ребёнок уже закончил третий класс, а она работает. Я считаю, что нужна любовь к детям этого возраста».*

Образовательные учреждения, ориентированные на маркетинговую образовательных услуг (частные и автономные учреждения) вне зависимости от региональной принадлежности, гораздо более ориентированы на высшее образование своих специалистов как свидетельство высокого культурного и символического капитала, который может быть конвертирован в экономическое вознаграждение группы и общее повышение её статусных позиций. Чем больше образовательное учреждение заинтересовано в коммерциализации своего труда, тем выше образовательные требования. Для таких учреждений характерна не только популяризация значения поля своей профессиональной экспертизы как такового, но и своей квалификации: *«Сейчас есть понимание того, что основы развития ребёнка закладываются в дошкольный период, и если воспитатель будет без специального педагогического образования, то он ребёнку ничего не даст»* (свидетельствует респондент частного ДОУ). *«Не все понимают сложность нашей работы, –*

считает другой респондент, заведующая автономным ДООУ – *Во всех областях должны работать специалисты. Воспитатель не может работать экономистом или врачом, однако все считают, что воспитателем может работать кто угодно. Не может быть так... Я считаю, что высшее образование – это высшее образование, оно накладывает свой отпечаток*.

Здесь высшее образование само по себе занимает значимое место в понимании процессов профессионализации. Его знаковой характеристикой является «качество», признание в рамках экспертного сообщества. Наличие именно «качественного образования» является подтверждением экспертности, включающей не только специализированные знания, но и навыки освоения нового знания, формирования новых, потенциально востребованных компетенций. Это подтверждают и наши респонденты: *«Важно, чтобы это было базовое гуманитарное образование – историк, художник, культуролог, но с хорошим базовым образованием. Это скорее всего говорит о том, что человек быстро обучаем»* – мнение методиста частного центра. *«Образование должно быть не просто высшее, а хорошее. Даже если оно платное, то требования должны быть, как на бесплатном. Как нас учили: рефераты, курсовые, чтобы в библиотеку ходили, читали очень много»* (заведующая автономным ДООУ).

Экспертный капитал профессиональной группы как ресурс маркировки своих границ

Взаимоотношения с профессиональными сообществами, чьи сферы деятельности находятся в непосредственной близости от основного содержания труда воспитателей, являются важной составляющей профессиональной культуры. Образы родителей, школьных учителей, психологов, логопедов, работающих с детьми-дошкольниками, построены на поддержании экспертного статуса через маркировку границ.

Взаимоотношения с родителями как потребителями услуги и одновременно сопредельным экспертным сообществом основываются на присвоении им идентичности «родитель дошкольника», которая проблематизирует экспертные и экономические ресурсы группы, соотносит категории профессионального статуса, рыночной ситуации и стремлений повышения влияния. Экспертный ресурс родителей в вопросах детской психологии и педагогики формирует представления о самих себе как о заказчиках услуг.

Классический образ профессии основывается на «неведении и пассивности» клиента, его исходной неквалифицированности в вопросах основного содержания труда, уникальности предложения, экспертном ресурсе [Маршалл 2010: 110]. Базовым основанием дисквалификации родительского/домаш-

него экспертного ресурса является признание института дошкольного образования не только и не столько «пространством безопасности», но и «пространством экспертизы», принципиально необходимым для успешного развития ребёнка. Оно включает признание разницы между категориями «ребёнок» и «дошкольник», закрепление экспертного поля «успешной социализации дошкольника» за специализированной профессиональной деятельностью и невозможность обойти её с помощью «домашних» институтов. Родители, принимающие данную трактовку институтов дошкольного образования, получают статус «правильных, грамотных».

Характерно, что данное основание актуально для всех типов дошкольных образовательных учреждений, но организации, ориентированные на внебюджетное/родительское финансирование, принципиально заинтересованы в признании родителями экспертного капитала сотрудников, бюджетные же организации больше уповают на «политическую» власть массовой услуги как средства улучшения общества. Об этом говорит заведующая автономным ДООУ: *«У нас такие родители, которые себе могут позволить няню. Дети ходят в детский сад, но приводят и забирают их няни. Это очень грамотные родители. Они говорят, что ребёнку нужно пройти социализацию... Это очень достойные люди, они понимают, что надо в ребёнка вкладывать. Они понимают, что альтернативы нет и надо посещать детский сад регулярно»*. Ей вторит респондент из муниципального ДООУ: *«А есть родители, которые, наверное, сами живут не так, как им хотелось бы. Они каждую копейку не в образование вкладывают, а в семью, в еду. У них нет возможностей. Родители водят детей в сад, чтобы самим ходить на работу. Не для образования... И сейчас для родителей детские сады и дошкольное образование – это, в основном, присмотр и уход. А образовательную составляющую понимают возможно не все или не в той мере, в которой мы её даём»*.

Очевидным следствием данной ситуации является разная степень заинтересованности в дисквалификации родителей как экспертов в вопросах дошкольной педагогики и психологии. Образ родителей строится на делегитимации их конкурирующего статуса. Подобная дисфункциональность наилучшим образом маркирует социальное пространство и статус профессионала, трансформируя образ родителя в объект оценки, коррекции и контроля, наравне с детьми. В данном случае в экспертном капитале подгруппы особую роль играют навыки «формирования в клиенте понимания и признания дистанции»: *«Некоторые (родители) говорят: мы ходили в детский сад, но адаптация у нас не прошла, и ребёнок не смог посещать детский сад. Но в этом не детский сад виноват. Приходится объяснять, что они просто не добились конечного*

результата и это их вина... Все проблемы ребёнка – из семьи... Надо слушать родителей, но если их понимание ребёнка не вписывается в систему нашего дошкольного образования, надо встретиться и объяснить родителям, почему это неприемлемо» (респондент из автономного ДОУ).

Профессиональный статус поддерживается также и посредством теоретической концептуализации собственного поля экспертизы, использования формализованной системы знаний, презентации информации с апелляцией к научным стандартам, к длительной и успешной теории и практике: *«Родители прислушиваются к нам потому, что воспитатели грамотные... У нас очень хорошие проходят родительские собрания и в группах, и по параллелям. И посещаемость родителей очень высокая, потому что им интересно. На все собрания выходят специалисты и не только рассказывают об особенностях возраста, чем мы будем заниматься, какие будут результаты, но дают каждому родителю листочки, в которых обозначены цифры по конкретному ребёнку. Например, объём кратковременной памяти в данном возрасте должен быть такой-то, а родитель в листочке видит реальные данные своего ребёнка... Чтобы развить кратковременную память, есть определённые упражнения, нужна коррекция. И родители обращаются к воспитателю – говорите, что нам делать» (из интервью с сотрудником автономного ДОУ).*

Стратегии отношений с сопредельными экспертными сообществами (учителя начальной школы, детские психологи, логопеды) разнятся в зависимости от специфики услуги, предлагаемой дошкольным учреждением. В данном случае преобладающим фактором является длительность пребывания ребёнка в дошкольном учреждении в течение дня. Детский сад как тип учреждения предполагает полудневное пребывание ребёнка и количественное преобладание в штатном составе воспитателей. Здесь экспертное доминирование строится на принципе комплексности услуги, объединяющей не только «присмотр, уход и образование», но и регулярную практику процедур «узких специалистов» в рамках функции «образования». Сотрудник муниципального детского сада полагает: *«Это узкие специалисты, а воспитатель должен быть и психологом, и социальным педагогом, и няней, и учителем начальных классов в подготовительной группе. Работа воспитателя гораздо сложнее, чем каждого из специалистов, потому что у него широкий диапазон функций».*

Детские центры развития исходно ориентированы на кратковременное пребывание ребенка (1,5-3 часа), что даёт возможность отказаться от функции «присмотра и ухода» и таким образом вычленив и актуализировать «образовательную» экспертную составляющую услуги. Это исключает чёткую сегрегацию сфер экспертизы на «воспитателей» (объединяющих

присмотр, уход и образование в практике) и «специалистов» (исключающих присмотр и уход в практике). Результатом является формирование профессиональной идентичности, которая одновременно основывается на экспертной комплексности предоставляемой услуги (как и у «воспитателей»), но и идеологической дистанции от статуса «воспитателя». Частным проявлением подобного дистанцирования является выбор другого наименования с присоединением к более успешным профессиональным проектам или научным школам, например «социальный педагог»: *«Специалисты, которые у нас работают с детьми и родителями, это специалисты широкого профиля, и по специальности их можно отнести скорее к социальному педагогу... Исходно это психолог, социальный психолог, педагог начального и школьного образования»* (сотрудник частного центра).

В отношении школьных учителей представлена противоречивая ситуация одновременного объединения в единое педагогическое сообщество и экспертной конкуренции. Единение основывается на получении образования в рамках одних учреждений (педагогические институты готовят педагогов и дошкольного, и среднего школьного образования) и сотрудничестве со школами в рамках развития образовательных стратегий клиентов/детей. При этом сохраняется акцент на экспертной самостоятельности и достаточно частая проблематизация её признания со стороны школьных учителей: *«Когда я была воспитателем, то поняла, что учителя относились к детсадовскому образованию так – лучше бы вообще ничего не делали, потому что нам приходится переучивать, а переучить всегда сложнее, чем научить. Мы работаем со школой в плане преемственности, но это ограничивается взаимными посещениями»* (сотрудник муниципального детского сада).

При этом практически все респонденты подчёркивают сложность признания культурного капитала их специализации как со стороны общественности (в частности родителей и профильных чиновников), так и со стороны других специалистов. Распространённым аргументом является непопулярность формализованной системы критериев экспертного поля, снижающая очевидность привязки повседневной профессиональной практики к научным стандартам. Следствием данной ситуации является отсутствие общепризнанной системы внешней оценки деятельности группы по критериям, вырабатываемым самой профессией: *«Но эта работа не столь уважаема, как, например, работа учителя начальных классов. Люди не так понимают роль именно дошкольного образования. В начальных классах виден результат труда, есть чёткий критерий – надо сформировать определённые знания, умения, навыки. А у нас нет таких чётких критериев, которые родитель бы увидел. Школа – это школа, там есть оценка»*.

Дифференциация стратегий повышения экономического капитала профессиональной группы

Данные экспертного опроса позволяют утверждать, что реформирование системы финансирования института дошкольного образования повлияет на экономическое положение группы, но характеризуется респондентами противоречиво, в зависимости от типа учреждения и региональной принадлежности. Реформы, связанные с введением подушевого финансирования, новых принципов оплаты труда в бюджетном дошкольном образовании и участием государства в софинансировании частного дошкольного образования были отмечены всеми экспертами как наиболее значимые с точки зрения потенциала изменения экономических показателей профессии. Стратегии улучшения ситуации, повышения доходности и привлечения финансирования дифференцируются на основании того, кто рассматривается как более перспективный работодатель и источник средств – государство или родители. В зависимости от типа учреждения, стратегии участия разнятся с ориентацией на государственную поддержку посредством учёта квалификационных показателей или рыночное регулирование посредством расширения ассортимента оказываемых услуг.

Маркетизация услуг, как предпочитаемая стратегия повышения экономического статуса группы, более характерна для представителей учреждений, рассматривающих родителей как более перспективный источник дохода. Использование разнообразных образовательных программ, которые не входят в систему обязательного дошкольного образования, повышает конкурентоспособность группы, но одновременно делает услугу менее массовой и менее доступной. Респонденты свидетельствуют: *«В муниципальном детском саду зарплата формируется из ставки и надбавок за категорию, стаж, премии; там это очень влияет. В частном саду государственных критериев нет, там критерии устанавливает учредитель и работник с ними соглашается. Есть критерии для вновь прибывших, для тех, кто давно работает, есть различия между должностями, есть разница между окладами. В частном детском саду можно официально подработать, это воспринимается нормально. Не только обязательный стандарт по образовательной программе, но и плюс дополнительные услуги. Услуги запрашивают родители, потому что они хотят, чтобы дети этим занимались».*

Классические муниципальные детские сады ориентированы на бюджетные источники финансирования и в качестве основного источника улучшения материального положения

Реформирование системы финансирования института дошкольного образования повлияет на экономическое положение группы, но характеризуется респондентами противоречиво, в зависимости от типа учреждения и региональной принадлежности.

группы апеллируют к новой системе, стимулирующей оплату труда: *«Мы не оказываем дополнительных платных услуг... Я не думаю, что если я закрою группу и открою платные услуги, то я заработаю больше, чем мне сейчас даёт субсидия города Москвы»* (из интервью с сотрудником муниципального ДОУ). Другой эксперт из муниципального ДОУ несколько иначе об этом говорит: *«30% нам в прошлом году прибавили к зарплате как сельским работникам. У нас стимулирующая система оплаты подняла зарплату... У нас нет платных услуг, хотя есть запросы родителей. Родители готовы платить... Главное, как правильно оформить, чтобы не было юридических проблем. Часто из этого начинают раздувать..., там может и нет материальной выгоды серьёзной»*.

Очевидным следствием ориентации на бюджетное финансирование является значимость различий уровня развития регионов в оценке экономического капитала группы, возможностях финансирования учреждений и доходах работников. Характерным примером является радикальная разница в оценке удовлетворённости финансовыми показателями профессиональной принадлежности: *«Меня очень огорчает, что все говорят правильные слова, что детство это самое дорогое. Всё закладывается с детства, все проблемы идут с детства, что детский сад готовит людей, которые должны быть успешны в школе, в институте, в обществе... А в соответствии с этим здесь и люди должны быть успешные и должны получать достойную зарплату. И об этом говорят, но очень мало делается. Конечно, делается, но не настолько, насколько необходимо. Даже иногда воспитатель стесняется сказать, что работает воспитателем, имея два высших образования. Потому что окружающие не понимают, как это можно работать за 5-6 тысяч при 7 часовом рабочем дне и такой нагрузке»* (респондент из Уфы); *«Мы не практикуем платные услуги совсем. ... Мы сейчас работаем по новой системе оплаты труда. И все мысли настроены на то, чтобы заработать баллы и получить стимулирующие выплаты... У нас все довольны зарплатой, насколько я знаю. Сейчас средний заработок педагога по Москве 35-40 тысяч, и я думаю, что это серьёзная зарплата для женщины, в семье»* (из интервью в Москве).

Образ кадровых показателей группы и перспектив развития довольно жёстко связывается с приоритетом доходной составляющей статуса профессии. Московские эксперты, как представители наиболее экономически развитого региона, указывают на позитивные тенденции в отношении увеличения поля предоставления услуг, экономического вознаграждения и формирования группы. Данная ситуация способствует притоку более молодого кадрового состава и одновременно возможности предъявления более высоких квалификационных

требований. Так, например, они не ставят в прямую и жёсткую зависимость приход в профессию и профессиональную лояльность с личностной «родительской» заинтересованностью в услугах института (желанием устроить своего ребёнка в сад). Одновременно более высокие показатели заработной платы, по сравнению с другими регионами, способствуют притоку «профессиональных мигрантов», специалистов с близлежащих территорий: *«Мне кажется, что у нас расширяются государственные услуги. Возвращаются здания детских садов именно под дошкольную деятельность. Ведомственные детсады передаются государству. Строятся новые здания... Педагогический состав – в основном женщины, возраст от 25 до 40, но есть и пенсионеры – двое, один – предпенсионный возраст. Молодые сейчас пришли, но совсем молодых двое. Есть иногородние с регистрацией, из Подмосковья и близлежащих областей. Почти треть таких»* (московский респондент).

Эксперты менее экономически развитых регионов более дифференцированы в оценках перспектив экономического вознаграждения и его влияния на формирование группы. Если представители бюджетного сектора традиционны в проблематизации возрастного состава, дохода и мотивации прихода в профессию именно в силу низких экономических показателей занятия, то информанты, занятые в частном секторе, более оптимистичны и «рыночны» в оценке этих же показателей: *«Молодёжь приходит... и первый мотив их прихода – это то, что они приводят своих детей в детский сад и остаются здесь работать. Некоторые остаются совсем и проходят переподготовку, но всё равно воспитателей недостаточно. Работают в основном старые кадры, большая часть из них уже пенсионеры. Приходится брать людей даже с высшим техническим образованием, переквалифицировать их. Нехватка катастрофическая»* (респондент из Самарской области, муниципальное ДОУ); *«В муниципальных садах самая яркая проблема в том, что молодые девочки не хотят идти работать, так как низкая оплата труда. Не будут достойно оплачиваться их труд, не будет там и профессионалов хороших. Сейчас муниципальные дошкольные учреждения работают на старых кадрах, это факт, и от этого никуда не деться. Молодёжь там не держится. Молодёжь приходит только из-за своих детей, либо социально защищённые, до беременности. Жизнь такая, нужны деньги, а воспитатель получает мало. В частном садике педагоги моложе... Молодёжь ищет больше заработка и находит в частном саду. Там есть перспективы карьеры»* (Самара, частное ДОУ).

Специфика трансформации властного капитала профессиональной группы

Экспертные оценки данных параметров позволяют определить степень участия педагогических работников в регулировании института. В своих интервью большинство респондентов проводили чёткое различие степени автономности на уровне непосредственного рабочего места и института в целом.

На уровне непосредственной практики и своего учреждения эксперты демонстрировали уверенность в высокой степени самостоятельности педагогического персонала. Пространство автономного принятия решений в повседневной профессиональной деятельности довольно обширно и практически не оспаривается. Все решения, связанные с выбором специфики методик, составлением плана деятельности, индивидуальной коррекцией режима дня, работы с клиентом/ребёнком и т. д. принимаются самим педагогом и педагогическим коллективом учреждения: *«Работающий в группе воспитатель – абсолютно самостоятельная фигура. Он решает почти все вопросы. Если у него есть вопросы, то он может поработать со старшим воспитателем. Образовательную программу мы разрабатываем на педсовете»*.

Также воспитатели, особенно бюджетных детских садов, достаточно активно включены в административное управление своим учреждением. Определённый вклад в их полномочия вносит делегирование им части функций по работе с родителями как заказчиками услуги – привлечение родителей к решению круга вопросов, связанных с работоспособностью учреждения: *«Педколлектив активно принимает участие в управлении садом. Сначала мы стараемся узнать у педагогов, какие у них есть проблемы – мебель, игрушки, ремонт, оборудование, что-то ещё; потом мы обсуждаем эти проблемы с родителями, а они по возможности принимают участие в их решении. Всегда изначально оговаривается, что мы планируем сделать, и совместным протоколом мы оформляем решение»* (муниципальное ДОУ).

Непосредственное участие в общении с заказчиком/родителями по вопросам учреждения не характерно для частных детских центров и частных детских садов. Скорее всего, данная ситуация объясняется небольшим составом педагогического коллектива и исключением из их полномочий обсуждения непосредственно с заказчиком вопросов, связанных с финансированием и администрированием помещения и деятельности. Данная функция может сохраняться на уровне коллектива, но уже не выходить за его пределы: *«Существуют общие собрания, где обсуждаются общие проблемы, каждый педагог может высказаться. Учредительские моменты решает сам учредитель»* (респондент из частного ДОУ).

Дошкольное образование как институт характеризуется экспертами как централизованная система с низким уровнем профессиональной автономии, с государственным регулированием и контролем практически на «советском» уровне. Характер его становления и развития в России способствовал укреплению и практически монополизации государственной бюрократией управленческих функций. Статус института в советский период базировался на «политической» власти, массовости услуги как средства улучшения общества, социальных идеях общественного благополучия, а не на экспертном авторитете профессии и платёжеспособном спросе. Очевидным следствием истории и сохраняющейся ситуации, в которой именно государство выступает самым массовым работодателем для отрасли, является бюрократизация управления без учёта возможности выработки и предпочтения внутренних, профессиональных критериев эффективности педагогической деятельности. Отсутствие ощущения сопричастности к институциональному администрированию рождает и чувство «исключения», неудовлетворённости в отношениях с управляющими органами: *«Мне кажется, что когда разрабатываются основополагающие документы, то их авторы не совсем представляют специфику работы внизу, в практике. Очень много ненужных бумажных вещей, много отчётов, дублирующих друг друга, нас просто завалили бумагой. Приходится собирать очень много бумаг и тратить силы на то, чтобы подтвердить свои профессиональные достоинства и заработать. Люди и так работают, сама работа с детьми требует очень много сил»* (Самарская область); *«Большая проблема для нас – бумажная отчётность, которую надо сдать, написать и доказать, что ты работаешь. Тратишь время на бумаги, хотя это время можно было потратить на детей, на обмен опытом, пообщаться с педагогами, специалистами. Ещё одна трудность – бесконечные проверки... Проверяют бесконечно руководителя и бухгалтерию. Я согласна, что проверки должны быть, особенно финансовые... Но на самом деле они просто не позволяют пройти по детскому саду, и ты не видишь ни детей, ни воспитателей»* (Уфа); *«Высшая власть нас не слышит. Сама значимость дошкольного образования не понимается в той мере, в которой хотелось бы. Даже на уровне департамента»* (Москва).

В отношении частных дошкольных учреждений эксперты ощущают свою включённость в государственную систему управления образованием. Прохождение процедур, связанных с лицензированием и государственным софинансированием частных образовательных учреждений, инкорпорирует данный тип организаций в государственно-бюрократическую систему подчинения: *«Конечно, мы работаем с управлением образования. Тем более, что теперь родители, отдающие детей в част-*

Дошкольное образование как институт характеризуется как централизованная система с низким уровнем профессиональной автономии, с государственным регулированием и контролем практически на «советском» уровне.

ные детские сады, получают государственные компенсации. Поэтому нас теперь также контролирует министерство образования» (частное ДОО, Самара); «Вопросами управления должны заниматься госслужащие» (частный центр, Москва).

Важным показателем властных ресурсов занятия является оформление практики как самостоятельного института, административно независимого от сопредельных экспертных сообществ. Эксперты, занятые в бюджетных организациях, выделили проблему автономности и отстаивания значимости основного содержания труда в условиях реформирования. Включение учреждений дошкольного образования в образовательные холдинги актуально ставит вопросы утраты самостоятельности и (потенциально) институционализации неформального подчинения дошкольного образования школьному, сохранения «приватного» культурного капитала и неравномерности доходов внутри профессиональной группы учительства, в которую воспитатели включаются теперь административно. Административное присоединение к более многочисленной и доходной группе (учителей) может быть потенциальной возможностью повышения статусных показателей. Но при этом обозначенная выше слабость культурного капитала профессии и конкуренция за экспертное поле с учителями может спровоцировать дополнительную проблематизацию властных возможностей для воспитателей в реализации их профессионального контракта. Квазиприватность «профессионального родительства» дошкольного педагога потенциально может быть не воспринята в школьном экспертном пространстве: *«Сейчас идёт реформа, и мы, скорее всего, будем частью школы. И все воспитатели будут сотрудниками школы. Мы будем прикреплены к школе, будем работать по единой программе с ними. Возникнет образовательный холдинг, который начинается с самого раннего возраста и идёт вплоть до института. Заведующей не будет, а будет завуч. Его (воспитателя) статус будет статусом педагога образовательного холдинга. Тогда не будет разницы – работаешь ли ты с дошкольниками, или ты предметник. Ты же педагог образовательного холдинга, а не детского сада. Наверное, это будет более престижно, но только если это будет хорошо решено. Если такая система построится, то, наверное, всё будет замечательно. Но сам момент её построения мне представляется сложным. Постепенно, с образованием холдингов, будет более востребована частная система дошкольного образования, особенно для детей младшего дошкольного возраста. По-моему, такая тенденция просматривается, к сожалению»* (респондент из Москвы).

Профессиональные организации как показатели развитого коллективного самосознания являются важной составляющей профессиональной автономии. Эксперты муниципального

сектора проявили единодушие, сведя все возможности данного направления деятельности к профсоюзной активности и, таким образом, подтвердив историческую преемственность актуального и «советского» институтов дошкольного образования. Эффективность деятельности профсоюза оценивается экспертами по-разному, но никто из экспертов не продемонстрировал признания за профсоюзной организацией серьёзных возможностей изменения положения группы. В описаниях информантов профсоюз объединяет в себе функции, связанные с социальной защитой и представительством своих членов в отношениях с заказчиком услуг (государством и родителями): *«У нас профсоюз выбил нам 20% прибавки к зарплате на селе. Они представляют наши интересы. Выделяют нам путёвки. У них не очень большие полномочия, но стараются, как могут»* (Самарская область).

При этом эксперты учреждений, более ориентированных на родителей как перспективного работодателя, чем на государство, продемонстрировали заинтересованность в другой разновидности профессиональных объединений – профессиональные представительные ассоциации, направленные на пропаганду экспертного капитала и, таким образом, на групповую мобильность всего экспертного сообщества. Но в их деятельности не подразумевается более сложных функций (например, лицензирования, регулирования экономического вознаграждения и т. д.), связанных с продвижением профессиональной автономии через формирование самостоятельной бюрократической структуры: *«Мы создаём ассоциацию в городе из автономных ДООУ. У нас это в стадии регистрации. Она будет заниматься проблемами автономных дошкольных учреждений городского округа. Мы хотим, чтобы нас приглашали на заседания и мероприятия департамента образования. Её задача – в донесении наших насущных проблем от начального до самого высокого уровня. Чтобы услышали нас, поняли, что на нас надо обращать внимание, что мы есть, что у нас есть проблемы и достижения, чтобы про нас не забывали... Лицензированием мы заниматься не должны. На это нужно очень много времени. В ассоциацию будут входить заведующие, а нам некогда. Мы будем оторваны от своего учреждения, от своей работы»* (респондент из автономного ДООУ).

Эксперты, практикующие в секторе частных детских центров, работа которых минимально ориентирована на сотрудничество с государственной системой, вообще не рассматривают профсоюз как институт для актуального обращения за поддержкой, но продемонстрировали заинтересованность в общественном контроле рынка услуг: *«Сейчас в обществе такая непростая ситуация, что должен быть общественный совет, куда бы входили представители общественных организаций, занимающиеся вопросами детства и семьи, традиционных*

конфессий. Важно, чтобы был экспертный совет из широкого круга специалистов, а не только чиновников» (респондент из частного центра).

Оценка состояния профессионального сообщества педагогов дошкольного образования

На основании анализа экспертами статусных ресурсов профессии и группы можно проследить оценку ситуации на рынке профильных услуг дошкольного образования. Эксперты говорят о высоком спросе на услуги института, недостатке мест в дошкольных образовательных учреждениях и одновременно проблематизируют все основные показатели статуса – материальное и социальное вознаграждение, формирование группы, профессиональную лояльность, профессиональное образование и возрастные показатели кадрового состава. Высокий спрос на услуги в данном секторе характерен для всех типов учреждений, вне зависимости от региональной специфики, но перспективы оцениваются экспертами по-разному.

Эксперты обозначают ситуацию потенциальной дифференциации кадрового состава по типам дошкольных учреждений, отдавая предпочтение экономическому вознаграждению как основному фактору перераспределения. Уже на современном этапе существования группы она выражена довольно очевидно, хотя сглаживается в силу позитивного сочетания специфики формирования заработной платы в бюджетных учреждениях и преваширования в них специалистов с высокими показателями стажа. Потенциально эта проблема поднимается экспертами как значимая: *«В частном детском саду педагоги моложе. У нас молодёжь есть. В муниципальном саду молодой специалист будет получать пять тысяч, а у нас десять. Это в два раза больше. Пожилые контингент, кто работает в муниципальном саду, не хотят идти в частный, так как боятся перемен, новшеств. А молодёжь экспериментирует. Зарплата получается больше, но и ответственность растёт. Там есть перспективы карьеры. Можно приобрести опыт, и в дальнейшем те, кто заинтересован, могут открыть и свой садик»* (респондент – сотрудник частного ДОУ); *«Конкуренция за педагогический состав есть, и я её боюсь. Частный детский сад переманивает наших сотрудников, на 1000 рублей больше – и воспитатель может уйти туда. Наше правительство решает вопрос очереди в ДОУ и выделяет дотации тем родителям, которые водят детей в частный детский сад. Зарплата там может быть больше, и это может способствовать оттоку работников. Одна няня*

уже перешла. Педагогический коллектив у меня предпенсионного возраста, они дорабатывают до пенсии, только поэтому не уходят» (респондент – сотрудник муниципального ДОО).

Эксперты отмечают, что на данный момент не ощущают ярко выраженной конкуренции между частным и бюджетным дошкольным образованием, с точки зрения привлечения клиента (родителей и детей). В ситуации повышенного спроса на услугу и нехватки мест в бюджетных учреждениях частные ДОО не являются конкурентом, а скорее дополнением бюджетным местам.

«Наверное, должна быть конкуренция между садами. Тогда мы поймём, какой сад чего стоит. Сейчас все сады полны, мест не хватает. Это покажет время, когда будет конкуренция. Такое время было, когда детские сады стояли пустые, и был большой демографический спад. Тогда помещения ДОО сдавали в аренду, перепрофилировали. Тогда было время конкуренции. Востребованные детские сады не сдавали в аренду и ничего там не перепрофилировали. У нас всегда была очередь, и я всегда гордилась, что моё учреждение родители выбирают. Тогда частных садов не было. Я жду – через 10 лет, когда будет конкуренция, посмотрим, как будут выглядеть частные сады» (сотрудник автономного ДОО).

При этом каждый тип ДОО рассматривает именно свой вариант как наиболее перспективный. Если достоинствами бюджетных учреждений являются их очевидное количественное доминирование, длительность истории института, формализованность внешнего контроля различными государственными инстанциями, то частные учреждения уповают на незаинтересованность муниципалитетов в содержании дорогостоящей системы детских садов, маркетинговую услугу и общественное/родительское финансирование как более надёжное и перспективное. Среди значимых характеристик внутрикорпоративных отношений профессионалов, занятых в государственном и коммерческом секторах, эксперты отметили отсутствие институционализированной практики контакта, с одной стороны, и ощущение внутренней конкуренции – с другой, что ведёт к формированию предубеждений, разобщённости и отсутствию возможности объединения усилий для единого корпоративного продвижения интересов: *«Никогда не сталкивалась с частным дошкольным образованием. Мне кажется, что так как есть сейчас большой спрос, то многие берутся за это. Люди не профессионалы, просто деятельные, предприимчивые»; «Типичный портрет – это женщины чуть старше среднего возраста, как правило, имеющие непрофильное образование, работающие по зову души или по некоей социальной неустраивенности... Общая проблема, о которой говорят родители – это насмешливое определение частных детских садов “кошёлками”, сдал (ребёнка) по необходимости».*

На данный момент отсутствует ярко выраженная конкуренция между частным и бюджетным дошкольным образованием, с точки зрения привлечения клиента.

Значимым аргументом в дискуссии выступают представления о специфике организации пространства в негосударственных садах и группах, внутреннем регламенте практики. Экспертами «прогосударственной» сферы они трактуются как нарушение научного обоснования профессии и уход за рамки самого экспертного поля, а специалистами «частной» сферы – как особые условия его реализации: *«Частные и бюджетные сады очень отличаются... В частных садиках разновозрастные группы, в которых воспитатель работает как няня, которая только присматривает за детьми и всё. В муниципальных детских садах родителей радует возрастная однородность групп и проведение занятий в соответствии с этим возрастом»; «В (муниципальных) детских садах обстановка попроще и детей там побольше на одного воспитателя. В частном детском саду воспитателей на детей приходится больше, внимания они получают больше».*

Другим важным пунктом противопоставления практик и оформляющих их идеологий является «стиль непосредственного общения лицом к лицу» с клиентом в частном секторе, строящийся с учётом квазисокращения культурной дистанции в ситуации квазиподотчётности. В данном случае очевидны пересечения с концепцией профессионализации заботы. Признание за клиентом определённых функций работодателя ведёт к необходимости постоянного завоёвывания и поддержания авторитета в условиях конкуренции. Педагогическая практика становится не только зоной экспертизы, но и товаром, который продаётся клиенту (родителю и ребёнку): *«Дети (в частном саду) больше загружены, им больше даётся. Но есть проблема с дисциплиной. В обычном детском саду дисциплина на первом месте, там с детками строже, потому что если не будет порядка, то один педагог не удержит 25 детей. В частном же родители могут не так понять (строгости), они платят больше денег, и тут надо быть очень корректным, следить за своей речью, чтобы, ни дай Бог, какой-нибудь казус не произошёл. Детки больше избалованы, они больше видели жизнь благодаря своим родителям».*

Основные выводы

Результаты данного исследования являются начальным этапом анализа ситуации педагогических работников дошкольного образования, но уже они позволяют выделить следующие основные точки проблематизации капитала педагогов дошкольного образования. Культурный ресурс занятия очень слабо популяризирован, отсутствуют общественные представления о специфике, границах экспертного знания, критериях оценки профессиональной деятельности, что не способствует

накоплению символического капитала группы. В частности, культурная составляющая контракта «воспитателя» имеет много символических пересечений с «родительским/материнским» контрактом, что делает его в общественных представлениях «менее профессиональным». В этой ситуации частный сектор принципиально заинтересован в продвижении культурного капитала занятия, так как именно экспертный капитал и власть авторитета профессии являются для него основой повышения статусных показателей группы. Для бюджетного сектора более характерна опора на «политическую» власть института, ощущение неценности единения с государством как работодателем и поддержание закрытости экспертизы и культурной дистанции с родителями как с клиентами.

Экономический ресурс группы и стратегии улучшения ситуации в оценках экспертов дифференцируются в зависимости от типа учреждения с ориентацией на государственную поддержку или рыночное регулирование. Маркетизация услуг более характерна для представителей учреждений, рассматривающих родителей как более перспективный источник дохода, что повышает конкурентоспособность группы, но одновременно делает услугу менее массовой и менее доступной. Классические муниципальные детские сады ориентированы на бюджетные источники финансирования, что ставит в прямую зависимость экономический капитал и доходы работников от уровня развития региона.

Властный ресурс группы довольно слаб, но различается по степени автономности на разных уровнях. На уровне непосредственной практики и своего учреждения эксперты демонстрировали уверенность в самостоятельности педагогического персонала, особенно бюджетных детских садов, в силу делегирования им части функций по работе с родителями как заказчиками. На институциональном уровне признаётся монополизация государством управленческих функций. Бюрократизация управления и вынужденная потенциальная утрата институциональной автономии рождает чувство «исключения» в отношениях с управляющими органами. Профессиональные организации в оценках экспертов получили разную трактовку. Респонденты «прогосударственного» сектора ассоциировали их исключительно с профсоюзами, с учётом отсутствия у них серьёзных возможностей изменения положения профессиональной группы. Эксперты «прорыночных» учреждений продемонстрировали заинтересованность в профессиональных ассоциациях и организациях общественного контроля. Предпочтение вида экспертных объединений, ориентированных на продвижение культурного капитала группы и характерных для классического «небюрократического» представления о профессиональной самостоятельности, свидетельствует о более высокой заинтересованности в развитии властного ресурса и групповой восходящей мобильности.

Маркетизация услуг характерна для представителей учреждений, рассматривающих родителей как перспективный источник дохода, что повышает конкурентоспособность группы, но делает услугу менее массовой и доступной.

Признание в бюджетном секторе сложностей на всех этапах формирования и актуальной практики профессиональной группы рассматривается как угроза качеству оказания услуги, а соответственно и перспективам улучшения положения группы. Частный сектор услуг более доходен и является более привлекательным вариантом трудоустройства для специалистов, продвигающих индивидуальную восходящую мобильность, но зачастую это связано с отказом от формальной привязки к экспертному полю «воспитатель».

Для подтверждения или опровержения данных выводов экспертного опроса предполагается проведение опроса профессиональной группы, в котором будет актуализирована затрагиваемая проблематика.

Библиографический список

1. Здравомыслова Е. 2008. Няни в условиях изменения гендерного контракта: коммерциализация и профессионализация заботы // Социальная политика в современной России: реформы и повседневность / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. – М.: ЦСПГИ, Вариант.
2. Мансуров В. А., Юрченко О. В. 2008. Конструирование новых статусных позиций в процессе профессионализации // Модернизация социальной структуры российского общества. Глава 4. / Отв. ред. З. Т. Голенкова. – М.: Институт социологии РАН.
3. Мансуров В. А., Юрченко О. В. 2009. Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. № 8.
4. Маршалл Т. 2010. Новейшая история профессионализма в связи с социальной структурой и социальной политикой // Журнал исследований социальной политики. № 1.
5. Мониторинг экономики образования. Динамика мотивации, характеристик занятости и человеческого капитала учителей школ и воспитателей дошкольных образовательных учреждений в 2006-2011 гг. 2011 // Информационный бюллетень. № 6. – М.: НИУ ВШЭ.
6. Образование в Российской Федерации. 2012. Стат. сб. – М.: НИУ ВШЭ.
7. Политика дошкольных образовательных учреждений по результатам опроса их руководителей, 2010. 2011 // Информационный бюллетень «Мониторинг экономики образования». № 6 (53). – М.: НИУ ГУ ВШЭ.

8. Потребление услуг детских дошкольных учреждений. 2009 // Информационный бюллетень «Мониторинг экономики образования». № 4 (39). – М.: ГУ ВШЭ.
9. Савицкая Е. В. 2004. Некоторые итоги исследования системы детского дошкольного образования // Вопросы образования. № 4.
10. Селиверстова И. В. 2008. Охват детей дошкольным образованием: уровень, межрегиональная дифференциация и её причины // Вопросы образования. № 3.
11. Сухова А. С. 2011. Услуги по уходу за детьми: масштаб и факторы потребления российскими семьями // Журнал исследований социальной политики. № 4.
12. Федеральная целевая программа развития образования на 2011-2015 годы // Официальный сайт ФЦП. URL: <http://www.fcpro.ru/> [Дата посещения: 15.10.2013].
13. Щепанская Т. Б. 2003. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. Том VI. № 1.
14. Щепанская Т. Б. 2010. Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды. Россия, конец XX – начало XXI в. – СПб.: Наука.
15. Hochschild A. R. 1983. *The Managed Heart: The Commercialization of Human Feeling*. – Berkeley: The University of California Press.
16. Hochschild A. R. 1989. *The Second Shift: Working Parents and the Revolution at Home*. – N. Y.: Viking Penguin.
17. Scheiwe K., Willekens H. (eds.). 2009. *Child Care and Preschool Development in Europe: Institutional Perspectives*. – L.: Palgrave MacMillan.
18. Competence Requirements in Early Childhood Education and Care. A study for European Commission Directorate-General for Education and Culture. Final Report. University of East London, Cass School of Education and University of Ghent, Department for Social Welfare Studies, 2011// Официальный сайт Европейской комиссии. URL: http://ec.europa.eu/education/more-information/doc/2011/core_en.pdf [Дата посещения: 15.10.2013].

Риски современной России

Девياции, социальный контроль и риски взросления в современной России

Хагуров Темыр Айтчевич – ведущий научный сотрудник ИС РАН, профессор Кубанского государственного университета, доктор социологических наук

E-mail: khagurov@mail.ru

Девиации, социальный контроль и риски взросления в современной России

Аннотация

Статья посвящена описанию и анализу рисков взросления, обусловленных системными дисфункциями основных институтов социализации и социального контроля – семьи, школы, права, культуры. Теоретические размышления соотносятся с большим объёмом данных эмпирических исследований. Автор размышляет над возможными путями выхода из сложившегося кризиса воспитания.

Ключевые слова: риски взросления, девиантное поведение подростков, кризис социальных регуляторов, массовое искусство, миссия интеллигенции

Вводные замечания: «трудные подростки» в «трудном обществе»

Отправной точкой этой публикации стали материалы шести региональных исследовательских проектов, проведённых в Краснодарском крае в 2005-11 гг. под научным руководством автора при поддержке различных муниципальных и региональных органов власти¹. Схожесть методик формулировки вопросов и анализа ответов позволяет сопоставить

¹ Исследования: 1) «Проблемы современной школы» (2005-06 гг., опрос школьников 9-11-х классов 20-ти школ г. Краснодара, их родителей и учителей, N=2023 человек, при поддержке управления образования г. Краснодара); 2) «Выпускники 2006» (2006 г., опрос выпускников 11-х классов 20-ти школ г. Краснодара, их родителей и учителей, N=1330 человек, при поддержке управления образования г. Краснодара); 3) «Трудные подростки Краснодарского края» (2007 г., интервьюирование «трудных», т. е. состоящих на учёте в ОПДН, учащихся 9-11-х классов школ Краснодарского края, N=354 человека, при поддержке отдела по делам несовершеннолетних администрации Краснодарского края); 4) «Молодёжь Кубани 2008» (2008-09 гг., опрос/интервью представителей учащейся и работающей молодёжи в возрасте 15-26 лет в различных районах Краснодарского края, N=354 человек, при поддержке департамента молодёжной политики Краснодарского края); 5) «Руководители муниципальных ОДН о “трудных” подростках и своей работе» (2010 г., экспертный опрос руководителей муниципальных отделов по делам несовершеннолетних Краснодарского края, N=53 (100-процентный охват), при поддержке отдела по делам несовершеннолетних администрации Краснодарского края); 6) «Трудные» подростки Краснодарского края: поведение, ценности, проблемы» (2011 г., опрос/интервью несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении и/или трудной жизненной

результаты этих проектов и поразмышлять над тем, что же сегодня происходит со взрослеющими детьми и обществом, в котором им приходится взрослеть.

Наша попытка таких размышлений опирается на результаты исследований в Краснодарском крае. Однако мы убеждены, что сами размышления могут быть экстраполированы на ситуацию в других регионах и России в целом. В сегодняшних проблемах молодёжи доминируют макро-факторы, оттого эти проблемы достаточно универсальны и типичны.

Устоявшееся выражение «трудные подростки» отражает всю сложность воспитания определённой части детей и растерянность педагогов. А сегодня «обычных» подростков почти не отличить от «трудных», они оказываются в «трудном обществе», вызывающем растерянность профессиональных социологов. И они вместе (педагоги и социологи) не знают, что делать с этими подростками. В настоящей работе нет ответов (по крайней мере ясных и окончательных) на очень и очень многие вопросы, скорее это приглашение к совместному размышлению над вопросами, которые довольно просты. *Во-первых, кто он такой* – сегодняшний «трудный» (да и «обычный») подросток? Есть много оснований полагать, что он для нас (взрослых, занятых «работой с детьми и молодёжью») «знакомый незнакомец»: каковы его цели, интересы, обычные занятия? Что он любит, чего хочет, чего боится? Кому доверяет, на кого хочет быть похожим? *Во-вторых, что происходит вокруг него* (и нас) – в каком обществе сегодняшнему подростку приходится взрослеть, любить, страдать и совершать ошибки? Современность стала пугающе сложной. Не зря З. Бауман назвал её «текучей». Как изменяются сегодня семья, школа, возможности и критерии достижения социального успеха, нравственно-правовая сфера? Какие социальные «ямы» подстерегают нашего подростка и какие «якоря» могут удержать его от падения? И, *наконец, что делать?* Что делать педагогам, родителям, практикам-управленцам социальной сферы, сотрудникам отделов по делам несовершеннолетних в полиции? Какие методы воспитания сегодня нужны? В чём изюминка современной педагогики «трудных детей»? Попытки ответов на некоторые из этих вопросов представлены ниже.

Постановка проблемы

Характерной чертой социальной действительности последних десятилетий (российской особенно, но не только) является увеличение масштабов и форм разнообраз-

ситуации и состоящих на учёте в отделах по делам несовершеннолетних муниципальных образований Краснодарского края, N=800, при поддержке отдела по делам несовершеннолетних администрации Краснодарского края).

ных девиаций на всех уровнях: социально-институциональном, социально-психологическом, личностно-психологическом. Социальная фактография, подтверждающая этот тезис, огромна, поэтому приведём лишь несколько цифр.

Девииации в сфере межполовых отношений: к 11-му классу опыт сексуальных отношений имеют 35,6% девушек и 55,4% юношей. С 1989 г. доля внебрачных рождений более чем удвоилась – с 14 до 30%. При этом у матерей до 20 лет она ещё выше – 45%. Как следствие, с начала 1990-х гг. Россия занимает одно из первых мест в мире по уровню аборт (более 1 млн в год) [Проблемы духовно-нравственного... 2009].

Уровень душевого потребления алкоголя в России является одним из самых высоких в мире и составляет 18 л а. а. (абсолютного алкоголя) в год на человека (согласно определению ВОЗ опасным для здоровья является уровень 8 л а. а. в год) [Позднякова 2010: 36]. По данным Генпрокуратуры, в стране 178 тыс. детей-алкоголиков, пик массового приобщения к алкоголю сместился из возрастной группы 16-17 лет в группу 13-15-летних, а возраст первой пробы – к 10-12 годам. Показатели женской алкоголизации выросли в четыре раза за последние 10 лет. Сегодня только на официальном учёте состоит 418 тыс. алкоголичек; по экспертным оценкам, их в 10 раз больше [Позднякова 2009: 197].

Россия находится на одном из первых мест в мире по уровню самоубийств среди подростков – средний показатель самоубийств среди населения подросткового возраста более чем в 3 раза превышает средний показатель в мире [Статистика самоубийств... 2012].

Количество рецидивных преступлений в России в 2010 г. увеличилось на 40%, из них более 60% составляют тяжкие и особо тяжкие преступления. При этом самый высокий процент рецидива зафиксирован в молодёжной среде, в группе 22-24-летних [Комлев 2011].

Статистика убийств по сравнению с советским периодом возросла более чем в пять раз и, несмотря на относительный спад в конце в 2000-х гг., сейчас вновь имеет тенденцию к увеличению: в 2010 г. этот показатель составил 27 человек на 100 тыс. населения. [Краткий анализ состояния преступности... 2012].

Простое изложение лишь основных фактов, иллюстрирующих масштабы распространения девиаций в современной России (где очень своеобразно проявляются *общемировые* тенденции), потребует отдельной монографии.

Фактически мы наблюдаем глубокий кризис институтов социального контроля и социальных регуляторов вообще. Ключевые агенты и инструменты социального контроля утрачивают способность к социальной регуляции. Семья и школа перестают воспитывать, юстиция и право – сдерживать, право-

охранительные структуры – пресекать, культурные институты – и это, на наш взгляд, главное – транслировать обществу подлинные (т. е. способствующие достижению целей социальной солидарности и развития) смыслы и ценности.

Соответственно, сегодня в обществе в целом и в системе социального контроля в особенности существует явно артикулируемый запрос на создание и внедрение эффективных механизмов социальной регуляции: антикоррупционных и правоохранительных, профилактических и коррекционных, финансовых и правовых, и т. д. При этом общая позиция практиков (из институтов власти, образования, МВД и т. д.) подчеркнута прагматична и в обращении к потенциалу социальных наук звучит так: не надо нам заумной теории, дайте работающие технологии и механизмы.

Ясно также, что в сложившихся социокультурных условиях никакие механизмы и технологии не будут работать эффективно. Это можно проиллюстрировать на примере самого, наверное, известного (и – подчеркнём – очень грамотно и последовательно внедрённого в социальную практику) антикоррупционного механизма – ЕГЭ. Основной аргумент в пользу его внедрения – высокий уровень коррупции при поступлении в вузы. В результате – что ни год, мы наблюдаем череду коррупционных скандалов вокруг ЕГЭ. Это вполне закономерно.

Для пояснения приведём другой пример: введённый во многих регионах России (инициатором был Краснодарский край) «детский комендантский час» – запрет на нахождение несовершеннолетних вне дома без сопровождения взрослых после 22.00. Этот закон может загнать детей домой. Но может ли он заставить родителей любить детей и заниматься ими? Ответ, думается, очевиден.

Кризис социальных регуляторов

Любые внедряемые сегодня механизмы (правовые или экономические) не будут эффективно работать в силу глубочайшего социокультурного кризиса, суть которого может быть выражена с помощью следующей базовой метафоры.

Представим общество в виде бочки, внутрь которой налита вода человеческих страстей, потребностей и желаний. Стенки бочки – это базовые социальные регуляторы: мораль, религия, семья, традиция и культура вообще (в первую очередь массовые виды искусства). Эти стенки скреплены железными обручами Права и Экономики. Когда стенки бочки по какой-то причине сгнили, то сколько ни надевай сверху обручей – правовых механизмов, – бочка всё равно будет протекать: страсти и желания вырвутся наружу. Что мы и наблюдаем последние 20 лет.

Фактически мы наблюдаем глубокий кризис институтов социального контроля и социальных регуляторов вообще.

Такое состояние общества может быть концептуализировано как кризис идеального [Хагуров 2010]. Теорию анализа такого состояния социума с позиций моральной философии глубоко разработал А. Макинтайр [Макинтайр 2000]. Коротко коснёмся основных идей этого анализа.

Существование общества требует включения отдельных индивидов в разнообразные социально значимые виды деятельности – *социальные практики*: добывание пищи и других ресурсов, управление, оборона от внешних врагов, накопление и передача знаний и т. п. Все социальные учреждения и институты с необходимостью опираются на те или иные практики (науки, образования, архитектуры, медицины, управления и т. п.). Чтобы эта социально значимая деятельность стала возможной (вне зависимости от её конкретного содержания), необходимо навязать (привить, передать) отдельным индивидам некие общие стандарты или принципы поведения. Другими словами, необходимы *правила игры*.

Люди, участвующие в практиках, руководствуются двумя видами мотивов: внутренними («идеальными») и внешними («эгоистическими»). К внутренним относится специфическое удовольствие, получаемое посредством участия в практике (то, что выражается словами: Долг, Призвание, Любимое дело, – т. е. мотивы социального служения и любви), к внешним – блага, которые можно получить любым другим способом: деньги, власть, чувственные удовольствия.

Индивиды, участвующие в практике, *должны обладать идеальной мотивацией* (стремиться к внутренним благам). Стремление исключительно к внешним благам (деньгам, власти, удовольствиям) – разрушают практики. Когда же критическая масса носителей идеальной мотивации падает ниже какого-то уровня (этот уровень трудно локализуем, но он есть), то начинаются разнообразные дисфункции социальных институтов (нарушения правил игры), перерастающие в их коллапс и далее – системный социальный распад, на пороге которого находится сегодня российское общество. Системный социальный распад – это масштабное разрушение ключевых социальных практик – права, здравоохранения, управления, обеспечения безопасности и т. д. Фактически начальная стадия этого процесса разворачивается на наших глазах последние 20 лет с различной интенсивностью, большей в 1990-е гг. и меньшей (но не отменяемой!) – в 2000-е гг.

В подобной ситуации в первую очередь страдают такие институты, как семья, школа и право, кризис которых наиболее глубоко, на наш взгляд, концептуализируется западными обществоведами [Бауман 2002; Бьюккенен 2003; Бодрийяр 2000].

Наиболее заметным результатом этого кризиса становится сбой социализирующей функции данных институтов, продуцирующий комплекс специфических рисков – рисков взросления. Несмотря на то, что феномен рискогенности современного социума анализируется достаточно глубоко [Кравченко 2011], данная группа рисков практически не описана в литературе. Попробуем сделать это в первом приближении.

Риски взросления

Нормальное взросление есть постепенное возрастание свободы (автономности) и ответственности (за себя, окружающих, мир) в поступках и поведении ребёнка. Это возрастание личности возможно лишь при участии значимых взрослых, находящихся с ребёнком в иерархических отношениях любви и заботы (взрослый) и послушания (ребёнок) [Остапенко 2011]. Одна из главных задач взрослого – сформировать ценностную позицию, преодолевающую индивидуальный эгоизм, иначе не может быть ответственности как условия социальной зрелости и той идеальной мотивации, которая необходима для поддержания практик. Своеобразным и очень значимым «помощником» взрослых традиционно выступало массовое искусство, в первую очередь литература и кинематограф, транслирующие идеальные ценности и примеры для подражания.

Риски взросления являются результатом нарушения нормальных (основанных на любви и иерархии) детско-взрослых отношений и эрозии идеального начала в культуре. На наш взгляд, в современном обществе (российском, прежде всего) эти процессы связаны с экспансией массовой потребительской культуры, несущей ценности индивидуализированного гедонизма и нравственной эмансипации [Потреблятьство... 2003]. Сущность этих рисков заключается в невозможности достижения настоящих свободы и/или ответственности в поведении ребёнка и эгоистической деформации его нравственной позиции. Результатом становится увеличение числа носителей «внешней» мотивации в социальных практиках, что ещё больше углубляет их кризис и продуцирует ещё большие риски, круг замыкается.

К основным рискам взросления можно отнести следующие:

1. Риски, связанные с семьёй. Кризис семьи давно стал избитой темой, но наиболее тревожные его формы являются наименее обсуждаемыми. Это прежде всего потребительская деформация так называемой «нормальной» семьи. Семьи, где есть оба родителя, где нет явной асоциальности (что не означает отсутствия скрытой), где о ребёнке заботятся. Но забота эта главным образом сводится к материальной стороне жизни

Риски взросления являются результатом нарушения нормальных (основанных на любви и иерархии) детско-взрослых отношений и эрозии идеального начала в культуре.

(одежда, игрушки, учёба), при этом детско-родительская близость разрушена потребительскими практиками: папа в своём интернете, ребёнок в своём, мама смотрит телевизор. Реальное время общения членов семьи сокращается до минимума, большую же его часть они, физически находясь рядом, пребывают каждый в своём информационном пространстве. Фактически это ситуация «виртуального исчезновения» значимых взрослых в семье.

2. Следствием первой группы рисков становится рост детско-подросткового одиночества, что также является мощным рискогенным фактором. Риски одиночества – это, во-первых, высокий уровень подросткового суицида, а во-вторых – растущая зависимость от социальных сетей. Это пока крайне малоизученный феномен, но уже ясно, что детский социальный интернет стал небезопасной территорией, заимствующей и часто гипертрофирующей традиционные проблемы подростковых компаний: травлю аутсайдеров, агрессию, распушенность и пр. [Солдатов 2012].

3. Риски, связанные со школой. Превращение образования из сферы воспитания «разумного, доброго, вечного» в сферу услуг имеет фатальные последствия как для собственно образования, так и для воспитания [Хагуров 2006; 2011]. Вслед за родителями учителя перестают быть значимыми взрослыми, превращаясь в «поставщиков образовательных услуг», что означает разрушение подлинно продуктивных, основанных на любви и иерархии детско-учительских отношений. Результатом становится катастрофическое снижение внутренне мотивированного отношения к знаниям – любознательности и любви к предмету. Их заменяет потребительский запрос на *useful knowledge* – полезные знания. Как следствие – растущий прагматизм участников социально значимых практик. Кроме того, школа фактически лишается возможности выступить в роли социального компенсатора семейных дисфункций, что хотя бы отчасти получалось у неё в советское время.

4. Наконец, самая большая группа рисков связана с *нормативной инверсией* массового искусства, являющейся следствием разрушения идеального начала в культуре. Как уже говорилось, массовое искусство традиционно выступало одним из значимых агентов социализации, транслятором идеальных ценностей. Примерно с 1960-х гг. проявилась и всё более утверждается опасная тенденция заигрывания с «принципом удовольствия» массового зрителя и читателя – стремление предложить ему новые, «щекочущие» зрелища и сюжеты. Одним из таких завлекающих приёмов является переворачивание ценностей с ног на голову, рокировка «плохих парней» с «хорошими». Традиционный герой – обаятельный защитник

социально значимых ценностей уступает место новому герою – симпатичному негодяю, который и становится образцом для подражания сегодняшних тинейджеров.

От теории – к фактографии

Обратимся к некоторым результатам исследований, о которых мы упоминали в начале и которые, как нам кажется, могут проиллюстрировать наши рассуждения о рисках взросления [здесь и далее изложено по: «Трудные» подростки... 2011].

Свободное время

Знание того, как подростки проводят своё свободное время, даёт более надёжные основания судить об их реальных (актуальных) ценностях, интересах и устремлениях, нежели словесные оценки и характеристики. Как и в других вопросах, респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа из предложенного списка, либо вписать свой собственный вариант. Эти данные хорошо иллюстрируют, на наш взгляд, реальную инфантильность большинства представителей учащейся молодёжи (см. таблицу 1).

Таблица 1

Как обычно школьники проводят своё свободное время, % *

Варианты ответов	2005, учащиеся 9-11-х классов	2006, выпускники школ	2007, «трудные подростки»**	2008, учащаяся молодёжь	2011, эксперты ОДН***	2011, подростки МЛС****	2011, подростки КДН*****
Читают книги	25,2	16,8	17,8	23,7	4,0	11,7	10,7
В компании друзей	84,4	23,5	71,9	57,0	88,0	31,7	57,9
Смотрят телевизор/ DVD	17,3	28,4	50,1	29,6	24,5	13,3	30,5
Занимаются спортом	18,2	27,7	39,5	25,9	14,5	26,7	29,1
Готовятся к занятиям/ урокам	23,8	26,0	31,5	19,3	0	21,7	18,3
Играют на компьютере	16,6	16,1	33,8	10,0	39,3	18,3	22,9
Путешествуют по интернету	15,1	8,4	6,3	9,0	12,6	46,7	21,8
Занимаются музыкой, рисованием	7,9	–	11,7	6,5	2,1	18,3	8,4

Продолжение таблицы 1

Варианты ответов	2005, учащиеся 9-11-х классов	2006, выпускники школ	2007, «трудные подростки»**	2008, учащаяся молодёжь	2011, эксперты ОДН***	2011, подростки МЛС****	2011, подростки КДН*****
Ничего не делают (спят, валяются, скучают)	4,2	12,6	7,2	5,9	18,7	8,3	3,5
Готовятся к поступлению в вуз	3,1	29,1	–	–	–	–	–
Ходят на дискотеки, в клубы, бары	6,7	11,6	27,2	17,8	10,5	58,3	10,9
Общаются с друзьями по телефону	–	31,6	33,0	10,6	29,8	18,3	18,2
Занимаются домашними делами	18,2	22,1	–	–	–	–	–
Со своей девушкой (парнем)	–	–	28,7	30,8	10,3	35,0	19,3
Слушают музыку	23,5	–	48,1	35,8	4,3	46,7	27,3
Подрабатывают	–	–	8,3	13,1	12,2	21,7	8,9
Другое	–	–	–	–	16,5	3,3	3,1
Всего	264,2	253,9	415,1	295,0	287,3	380,0	290,8

*Сумма цифр в колонках превышает 100%, т. к. можно было отметить любое число ответов.

**Подростки, состоящие на учёте в комиссиях по делам несовершеннолетних (КДН) и защите их прав Краснодарского края, опрошенные в 2007 г.

***Сотрудники отделов по делам несовершеннолетних.

****Подростки из мест лишения свободы (МЛС) – воспитанники Белореченской колонии для несовершеннолетних.

*****Подростки, состоящие на учёте в комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав Краснодарского края, опрошенные в 2011 г.

Большую часть в структуре свободного времени, согласно их ответам, занимают: *общение со сверстниками (впереди с большим отрывом); просмотр телевизора и слушание музыки; подготовка к урокам/поступлению в вуз и занятия спортом.*

В целом из ответов школьников видно, что не более 20-25% из них систематически используют свободное время для саморазвития (чтения книг, занятия спортом, музыкой). Для большинства же представителей учащейся молодёжи приоритетным является досуговое времяпрепровождение.

Мы не приводим в таблице ответы учителей и родителей, однако следует заметить, что они расходятся в описании свободного времени своих детей/учеников. Учителя представ-

ляют себе структуру свободного времени учащихся, наполненную преимущественно развлечениями и отдыхом, а не серьёзными занятиями. Родители же значительно чаще приписывают подросткам склонность занимать свободное время продуктивными видами деятельности. Получается, что те и другие не вполне объективны, причём примерно в равной степени. Следует также отметить, что в ответах учителей отчётливо прослеживалось *влияние стереотипов восприятия молодёжи*: «молодёжь только и делает, что играет на компьютере и “сидит” в интернете»; «современная молодёжь не читает книг»; «современная молодёжь любит развлекаться, часто ходит в клубы и на дискотеки». Нельзя говорить, что эти тенденции не существуют, но учителя, по-видимому, несколько переоценивают их распространённость.

Ещё раз подтверждается мысль о том, что система воспитания не обеспечивает вовлечения подростков в продуктивные виды проведения свободного времени (спорт, секции, кружки по интересам). Это приводит к определённой зависимости от непродуктивных, пассивных видов деятельности – просмотр телевизора, слушание музыки, игры на компьютере, совместное бесцельное «тусование» (кстати, высоко девиантогенное).

Следует отметить, что в большинстве исследований проблем современной молодёжи как в нашей стране, так и за рубежом подчёркивается, что бесцельное проведение времени в компании сверстников является мощным фактором совершения правонарушений в подростково-молодёжной среде. Применительно к «трудным» подросткам, это складывается в цепочку: *пропуски занятий и нарушения дисциплины в школе – активное принятие агрессивных моделей поведения (типично для подростковых компаний) – употребление алкоголя – отсутствие продуктивных интересов (спорт, увлечения, учёба) – несформированность/деформация нравственно-волевой регуляции личности – устойчивая вторичная девиантность*.

Эти выводы, как будет показано далее, подтверждаются при внимательном анализе других вопросов – о ценностях, поведении, интересах и образе жизни подростков. Мы же переходим к анализу социального окружения подростков.

Семья и взаимоотношения с родителями

Особый интерес представляют ответы подростков на вопросы о ситуации в семье. Известно, что семья является главным социализирующим институтом и в случае дисфункций семейного воспитания их компенсация со стороны других институтов (школа, ОДН и пр.) оказывается весьма проблематичной. Тем более интересна возможность сравнить ответы о ситуации в семье обычных и «трудных» подростков.

Бесцельное проведение времени в компании сверстников является мощным фактором совершения правонарушений в подростково-молодёжной среде.

Традиционно считается, что «трудные» подростки – это, как правило, выходцы из неблагополучных семей: с одним родителем, с нарушенными социальными функциями (семьи алкоголиков, осуждённых и т. п.). Однако наше исследование 2007 г. дало несколько иную картину. Во-первых, почти половина «трудных» подростков (48,6%) – выходцы из полных семей. При этом у 70% не отмечается конфликтности с родителями. В то же время 42% подростков – выходцы из неполных семей, которые традиционно хуже справляются со своими воспитательными функциями.

Семьи же с двумя родителями заставляют приглядеться к ним внимательнее. С одной стороны, столь значительный процент полных семей, дети которых относятся к категории «трудных», позволяет предположить, что на сегодня семья утрачивает какие-то важные воспитательные функции. С другой стороны, само наличие обоих родителей в семье ещё не доказывает, что семья нормальна. У «трудных» подростков, опрошенных в 2010-11 гг., по составу и благосостоянию семьи ситуация аналогичная. Почти половина из них (46%) – выходцы из полных семей. Материальное положение семей (76,83%) вполне благополучно. Уровень образования родителей «трудных» подростков тоже достаточно высок – 56,4% опрошенных указали, что их родители имеют высшее или среднее специальное образование. Конфликтные семьи, семьи пьющих родителей – традиционные источники девиантного поведения подростков. Поэтому респондентам задавался вопрос о внутренней ситуации в семье и взаимоотношениях родителей.

Таблица 2

Ответы на вопрос: «В твоей семье...», % *

Варианты ответов	2007, «трудные подростки»	2008, учащаяся молодёжь	2011 эксперты ОДН	2011., подростки МЛС	2011, подростки КДН
Тебя любят и о тебе заботятся	50,3	64,9	0	83,3	54,7
Тебе доверяют	49,4	62,6	5,7	75,0	48,6
Очень хорошие отношения между родителями	51,7	58,8	1,9	48,3	41,5
Родители заставляют тебя делать уроки, учиться	44,8	15,0	17,0	48,3	35,6
Позволяют тебе делать всё, что хочется	9,5	13,1	73,6	15,0	8,0
Часто бывают ссоры, конфликты между родителями	11,8	9,6	81,8	15,0	10,1
Тебя часто ругают	17,2	6,7	52,8	21,7	14,3
Обращают на тебя мало внимания	8,0	5,1	90,6	8,3	9,9

Продолжение таблицы 2

Варианты ответов	2007, «трудные подростки»	2008, учащаяся молодёжь	2011 эксперты ОДН	2011, подростки МЛС	2011, подростки КДН
Бывает, что тебя бьют	8,6	2,6	35,8	28,3	5,7
Принято часто (более 1 раза в неделю) выпивать	2,3	2,2	73,6	8,3	5,3
Кто-то из родителей имел срок лишения свободы	5,7	1,9	47,2	18,3	4,6
Очень редко употребляют спиртное	–	–	1,9	33,3	24,7
Другое	–	–	20,8	6,7	4,8
Всего	259,3	242,5	502,7	409,8	267,8

*Сумма цифр в колонках превышает 100%, т. к. можно было отметить любое число ответов.

Результаты ответов на этот вопрос показывают, что большинство семей опрошенных нами подростков вполне «нормальны». По крайней мере, на первый взгляд, в этих семьях нет признаков какого-то неблагополучия. Так, большинство респондентов указали, что в их семьях *очень хорошие отношения между родителями*, они живут *дружно и никогда не ругаются*. По мнению подростков, родители им *доверяют, заставляют регулярно учить уроки, любят их и заботятся о них*. Причём данные, представленные в таблице 2, статистически вполне надёжны – ответы отличаются высокой степенью согласованности. Вместе с тем, нужно учитывать эффект «социальной желательности»: подростки настороженно относятся к вопросам о внутрисемейных делах и чувствуют негативный характер некоторых вариантов ответа. С уверенностью говорить о том, снижается искренность в ответах о семье или нет – трудно. Однако очевидно, что *ответы экспертов на аналогичный вопрос полностью противоположны*. Напомним, эксперты полагают, что в семьях трудных подростков наблюдаются: *во-первых*, явные деформации воспитательной функции («*обращают мало внимания*» – 90%, «*позволяют делать всё, что хочется*» – 74%); *во-вторых*, повышенная конфликтность («*часто ссорятся, ругаются между собой*» – 81%); *в-третьих*, пьянство родителей («*любят выпить за обедом или заужином*» – 74%). С другой стороны, эксперты часто мыслят стереотипно (запоминают наиболее «тяжёлые» случаи неблагополучия), поэтому для уточнения показателей внутрисемейной атмосферы нужны дополнительные исследования.

Ещё один важный показатель внутрисемейной атмосферы – *уровень доверия между подростком и родителями*. Отвечая на соответствующий вопрос («С кем ты обычно делишься своими проблемами и советуешься?»), подростки

в целом подтвердили уже наметившуюся тенденцию – значительный процент семей «трудных» подростков какими-либо выраженными девиантными характеристиками не обладают. Более того, уровень доверительных отношений с родителями необычно высок именно в этой группе.

Видно, что учителя совершенно не воспринимаются школьниками как «старшие товарищи», с которыми можно поделиться своими проблемами. Лучше ситуация с родителями – на достаточно доверительные отношения с ними указывают в среднем четверть школьников (хотя это, безусловно, мало). Как и ожидалось, на первом месте по доверию оказались друзья, что, с одной стороны, можно отнести к особенностям возрастной психологии, а с другой – это один из симптомов «разрыва поколений». Единственный «негативный» показатель (см. таблицу 3), который опровергает образ «благополучия» в семьях, прослеживается в ответах респондентов, состоящих на учёте в КДН (2010-11 гг.) – только 26,26% указали, что делятся своими проблемами с родителями.

Таблица 3

«С кем обычно делишься своими проблемами и советуешься?», %

Варианты ответов	2005, учащиеся 9-11-х классов	2007, «трудные подростки»	2008		2011	
			Учащаяся молодёжь	Работающая молодёжь	Подростки МЛС	Подростки КДН
С родителями	24,8	39,8	29,4	20,2	45,0	26,26
С братом (сестрой)	13,1	10,8	11,3	4,8	10,0	10,1
С учителями	0,3	0,6	0,6	–	3,33	0,76
С друзьями	44,8	32,3	33,7	13,5	20,0	44,32
С кем угодно, по-разному	10,5	5,8	6,7	6,7	1,67	3,91
Ни с кем	6,3	10,8	10,4	9,6	8,33	11,27
С женой (мужем)	–	–	0,3	24,0	0	0
Со своей девушкой (парнем)	–	–	6,1	2,9	0	0
Со священником	–	–	–	–	10,0	0,38
Затрудняюсь ответить	–	–	1,2	18,3	1,67	0,25
Другое	–	–	–	–	–	2,15
Всего	100	100	100	100	100	100

Примерно каждый десятый подросток испытывает стресс одиночества – им не с кем посоветоваться или поделиться своими проблемами. Это, кстати, весьма тревожный показатель и статистически заметный. Десятая часть подростков – в зоне особого риска: вероятность суицида, употребления наркотиков, устойчивой асоциальности для них выше в разы.

Представляется, что, судя по схожести ответов «трудных» и «обычных» подростков о ситуации в семье, проявляет себя необычная тенденция «сбоя» воспитательной функции «нормальной» семьи – где есть оба родителя, подросток находится под надзором, о нём заботятся, где нет частых ссор и конфликтов между родителями. В современных условиях семья испытывает комплекс мощных деформирующих воздействий, приводящих к тому, что «нормальная» семья утрачивает важный воспитательный потенциал. Это то, о чём говорилось выше – «потребительская изоляция», когда во внешне благополучной семье подросток чувствует себя одиноким.

На высокий уровень одиночества «трудных» подростков, в свою очередь, указывают результаты ответа на вопрос: «Как ты поступаешь в трудной ситуации?» (исследование 2011 г.). Выяснилось (см. рис. 1), что почти половина (49%) предпочитают (или вынуждены?) справляться с трудностями самостоятельно. Лишь 38% решают проблемы, советуясь или просто разговаривая по душам с кем-нибудь. Это ещё одно указание на проблему *деформации первичных отношений*: дефицит значимых взрослых и недостаток настоящих друзей.

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос: «Как ты поступаешь в трудной ситуации?», %

В 2007 г. «трудным подросткам» задавался отдельный вопрос о том, приходилось ли им сталкиваться со случаями насилия и унижения со стороны сверстников, и если да, то кому они об этом сообщали. Такие вопросы относятся к «щекотливым», поэтому многие подростки уклонились от ответа на него (что само по себе свидетельствует о наличии этих явлений). Судя же по полученным ответам, приходилось

Примерно каждый десятый подросток испытывает стресс одиночества – им не с кем посоветоваться или поделиться своими проблемами.

сталкиваться с физическим насилием – 42,9% подростков; с сексуальным насилием – 9,5%; с вымогательством – 26,2%; с издевательствами, унижениями – 57,1%. Однако на вопрос «Кому сообщал о случаях насилия?» ответило значительно большее число подростков – более двух третей. Ответы показали, что родители и друзья – источник поддержки в ситуации насилия примерно для четверти подростков (по 29,1%). Учителя в качестве тех, к кому можно обратиться за помощью, большинством подростков не рассматриваются (всего 8,5%). В милицию обратились 4,5%. При этом необходимо подчеркнуть тот факт, что почти половина подростков никому не рассказывали о произошедшем (47,8%).

Таким образом, мы можем сделать два значимых вывода:

1. Уровень виктимизации подростков со стороны сверстников достаточно высок, более двух третей подростков сталкивались с давлением и насилием со стороны сверстников.

2. Большая часть виктимизированных подростков справляются со своими проблемами в одиночку. Это тревожный симптом, он указывает на то, что и у родителей, и, тем более, у школы и органов надзора нет возможностей защитить подростка.

Отсутствие доверительной поддержки в ситуациях виктимизации для большинства подростков с высокой вероятностью будет способствовать, во-первых, повышению уровня депрессий, психических расстройств и самоубийств; во-вторых, проявлению ответных форм агрессии (как правило, более разрушительных). Обобщая данные, можно утверждать, что взрослые из ближайшего «культурного» окружения неблагополучных подростков в редких случаях становятся «значимыми». Следовательно, пример для подражания подростки чаще всего находят в лице лидеров подростковых группировок или «кумиров».

Примеры и кумиры

В исследовании 2005-06 гг. мы пытались выяснить, откуда молодёжь берёт образцы для подражания, кто для сегодняшних школьников является эталоном. Мы просили назвать любого героя фильма (актёра, играющего героя, или хотя бы сам фильм). Результаты анализа представлены ниже.

Фильмы. Общая структура предпочтений в отношении любимых героев фильмов такова: не смогли назвать любимый фильм/героя 29% старшеклассников; назвали героев зарубежных кинофильмов 15,5%, отечественных – 11%; указали зарубежных актёров 14,3%, отечественных – 2,3%; сказочных, детских персонажей отметили 4,5%. Лидерами рей-

Взрослые из ближайшего «культурного» окружения неблагополучных подростков в редких случаях становятся «значимыми». Следовательно, пример для подражания подростки чаще всего находят в лице лидеров подростковых группировок или «кумиров».

тинга по перечисленным выше категориям стали герои зарубежных кинофильмов: *Вин-Дизель* из к/ф «Форсаж»; герои «*Властелина колец*»; отечественных кинофильмов: *А. Белов* и другие герои сериала «*Бригада*»; *Антон Городецкий* и другие герои «*Ночного дозора*»; *Кот* из фильма «*Бумер*»; зарубежные актеры: *Арнольд Шварценеггер*, *Бред Пит*, *Джеки Чан*, *Джим Керри*; сказочные, детские персонажи: *Шрек*, *Человек-паук*. Максимум симпатий набрали герои сериала «*Бригада*» – бандиты, показанные в сериале весьма привлекательно.

Книги. Здесь дело хуже. Практически половина опрошенных (44,4%) не смогли назвать любимую книгу или героя; другими словами, почти половина школьников просто не читают. Относительно многие (21%) указывали в своих ответах персонажей русской классики – спасибо школьной программе. Ещё 11% назвали сказочных, детских персонажей – это эпатаж, стремление скрыть тот факт, что большинство из них не читают. Таким образом, школа приобщает к литературе (в рамках программы) примерно пятую часть учеников. Самостоятельно читают около 13% – те, кто указал современную отечественную и западную литературу. Жанры – преимущественно детективы и фантастика. Это вполне согласуется с данными, полученными в ответах на вопросы относительно свободного времени школьников. Лидерами рейтинга по перечисленным выше категориям стали: отечественная классика XIX-XX вв.: *Евгений Онегин*, *Татьяна* («*Евгений Онегин*»), *Воланд* («*Мастер и Маргарита*»); современная отечественная литература: *Даша Васильева Д. Донцовой*, *Антон Городецкий* («*Ночной дозор*»); детская литература: *Колобок*, *Винни-Пух*; современная западная литература: *Гарри Поттер*; зарубежная классика XIX-XX вв.: *Ромео* («*Ромео и Джульетта*»).

В заключение можно сказать, что конструктивных героев и кумиров у современных школьников мало. Их внимание захватывают современные развлекательные персонажи, демонстрирующие силу, индивидуализм, сексуальность, беззаботность и экстравагантность.

В другом исследовании (2006 г.) вопрос о примерах и кумирах молодёжи выяснялся более прямолинейно. Респондентам задавался вопрос «Кто является для тебя примером для подражания?». Подчёркивалось, что «это может быть любой реальный человек; например, родственник, знакомый или персонаж какого-либо фильма (книги)». Учащиеся должны были самостоятельно вписать вариант ответа на этот вопрос. Результаты анализа ответов таковы: *не ответили* – 21%; *их нет* – 45,3%; *я сам* – 10%; *родители* – 7,7; *мама* – 6,3%; *отец* – 4,2%; *другое* – 5,5%.

Очевиден кризис образцов для подражания у нынешнего поколения. Абсолютное большинство ответивших указали, что примеров для подражания у них нет. Родители хотя

и занимают второе место по популярности, но их авторитет в качестве примеров для подражания пугающе низок. Самая тревожная тенденция из всех, выявленных в данном исследовании, – острый дефицит позитивной героики и примеров. Предоставить школьникам эти образцы – важнейшая задача как семьи, так и школы; в противном случае деформации в социализации и жизненном становлении, наблюдаемые на фоне разрыва поколений, становятся неизбежными.

Разумеется, приведённые выше данные не следует принимать на веру. На деле процент читающих школьников ещё ниже. Преподавательский опыт подсказывает, что значительная часть «благополучных», указавших в качестве *любимых* героев Татьяну Ларину или Евгения Онегина (наиболее популярные примеры), несколько слукавили, назвав имена героев, которых недавно *проходили* по школьной программе. Общий печальный вывод – любовь к чтению более-менее серьёзной литературы (включая старые добрые приключенческие книжки типа «Дети капитана Гранта») уходит в прошлое, а героев для подражания молодёжь чаще всего выбирает из современных фильмов, сериалов и телепередач, которые в большинстве своём являются низкопробным продуктом массовой культуры.

В качестве комментария: прощай, Гутенберг?

Итак, книг подростки почти не читают; и мы пришли к тому же, к чему пришёл весь западный мир несколько раньше – массовое телевидение вытеснило массовое чтение. На первый взгляд, можно сказать, что ничего страшного в этом нет: поменялся тип информационных носителей, печатный станок устарел, телевидение и интернет более современны.

Это так, однако распространение массовой литературы не вызывало тех *психо-патологических последствий*, которые связаны с распространением телевидения. *В первую очередь*, это ослабление внимания и способности сосредоточиваться, поскольку, в отличие от чтения, просмотр телевизора легко становится фоновым занятием и может сочетаться с другими видами деятельности. *Во-вторых*, снижение способностей к интеллектуальной мобилизации и пониманию вследствие привычки к лёгкой для восприятия аудио-визуальной информации. В отличие от телевидения, книга требует сосредоточенности и интеллектуальных усилий. *В-третьих*, формирование «мозаичной памяти» и «мозаичного сознания» у регулярно смотрящих телевизор вследствие мозаичности и семантической «разноголосицы» телеинформации [Седляк 1997].

Передача информации через звук и изображение представляет собой значительный прорыв на пути упрощения её восприятия по сравнению с печатными технологиями. Но вот здесь

Любовь к чтению более или менее серьёзной литературы уходит в прошлое, а героев для подражания молодёжь чаще всего выбирает из современных фильмов, сериалов и телепередач.

и вмешиваются «непродвинутые» закономерности интеллектуально-психической деятельности. Восприятие информации через печатно-вербальные каналы требует довольно напряжённой работы сознания и воображения, усилий интеллекта, тогда как эмоционально окрашенные аудио-визуальные образы намного более доступны для восприятия, опираясь скорее на подсознательные, чем на сознательные механизмы психики [Зимбардо, Ляйппе 2011]. Таким образом, визуальная информация, сопровождаемая звукорядом, представляет собой «рафинированную пищу» для человеческого сознания, не требующую от него сложных усилий по «перевариванию». Акцентирование поведенческих и имиджевых характеристик киногероев, поддерживаемое соответствующим звукорядом, позволяет зрителю сразу однозначно понять характер и смысл поступков персонажа. Аналогичным образом популярная музыка в своём триумфальном распространении опирается не столько на знание языка и понимание текстов, сколько на эмоционально-образное восприятие и ассоциативный ряд, определяемый группой несложных эмоций – возбуждение, воодушевление, печаль [Феномены социокультурного... 1999]. *Эмоционально-образное восприятие всегда проще абстрактно-логического.*

Что же ожидает наших старшеклассников, называющих в качестве любимого книжного героя Винни-Пуха? Влияние масс-медиа, предоставляющих сознанию простые, эмоционально окрашенные образы действительности, которые в принципе не предполагают критичного к себе отношения, а действуют в режиме подсказки-наставления, формирует привычку **потреблять информацию**. Сознание, сформированное таким образом, при столкновении с любым когнитивным затруднением будет стремиться найти уже готовый ответ или рецепт, вместо того чтобы внимательно и глубоко анализировать возникшую проблему. По-видимому, именно в таком – потребительском – медиа-мышлении значительной части современных российских школьников и студентов заключены те пугающие процессы **исчезновения подлинности образования** [Остапенко 2011], которые периодически становятся темами острых критических исследований проблемы «качества образования».

Вместе с любовью к книгам катастрофически быстро уходят в прошлое студенты, проявляющие искренний глубокий интерес к предметам, которые они изучают в вузе. Сказанное ни в коем случае не следует понимать в том смысле, что «современная молодёжь стала тупой и ленивой». Нет! Среди современных студентов (чаще среди девушек, чем юношей) достаточно много умных, старательных, аккуратных, по праву заслуживающих отличные оценки и красный диплом. Лентяев, правда, стало больше, чем в советские времена, но это во многом следствие снижения контроля и дисциплины в вузах, что является отдельной проблемой и заслуживает отдельного рассмотрения. Однако

речь идёт о благополучных студентах, которыми занимались родители, помнящих, что «без труда рыбки не вытащить», студентах целеустремлённых и ответственных. Так вот среди них, по нашим наблюдениям, стремительно снижается процент вовлечённых в то, *что именно* они изучают. При этом они старательно слушают лекции, активно работают на семинарах, исправно выполняют домашние задания. Они всеми силами стремятся *сдать* предмет и *получить* высокую оценку. Но, к сожалению, всё реже пытаются *понять* конкретные истины и разобраться в сути вопроса. Их интересует в первую очередь *результат* экзамена, а не *содержание* предмета.

Наши наблюдения вполне тривиальны. Похожие тенденции отмечают практически все исследователи современного образования. Один из крупнейших отечественных социологов Н. Е. Покровский, анализируя снижение интереса российских студентов к теоретическим курсам, указывает, что основной причиной этого является массовая ориентация на «полезное знание, т. е. знание ясное и доступное, чисто инструментальное и, что особенно важно, ведущее студентов после окончания вуза наикратчайшим путём к выгодной работе» [Покровский 2005]. Да, именно так – «научите меня зарабатывать деньги, прочее мне не интересно».

Конечно, примитивизация интеллектуальных способностей и мотивов студенчества – явление не сиюминутное. Это результат тех качественных и количественных изменений, которые захлестнули отечественное образование в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Подчеркнём, речь идёт о тенденции, о некоем общем векторе эволюции сознания студенчества, что отнюдь не исключает существования отдельных очень эрудированных, начитанных и гибко мыслящих представителей этого «древнего» весёлого народа. Только вот их наличие не отменяет тенденции, к сожалению. Причин, по нашему мнению, две. И они взаимосвязаны. Это «сокращение чтения» на фоне «увеличения смотрения».

Нормативное сознание, или «что такое плохо?»

В исследовании 2008-09 гг. мы проводили диагностику нормативно-ценностного сознания респондентов, опираясь на методику Е. В. Змановской [Змановская 2003], адаптированную под конкретные задачи исследования. Полученные данные показали нам нетривиальными: как будет показано ниже, в сознании подростков непростым образом смешались нормативность и денормативность.

Респондентам был предложен список из 28 возможных поступков взрослого человека, которые традиционно попадают в категорию нежелательных, недопустимых, т. е. отклонений от социальных норм различной степени тяжести. По каждому поступку респондент мог выбрать один из 5-ти вариантов ответа:

- категорически не допустимо;
- допустимо лишь в крайних случаях;
- допустимо, но не желательно;
- допустимо и является личным делом каждого;
- всегда допустимо и желательно.

Следует помнить, что в ответах на подобные вопросы уровень искренности респондентов, как правило, снижается. Все перечисленные формы поведения не входили в число социально одобряемых, поэтому ответы респондентов подчинялись закону социальной желательности. Соответственно, на основании этих ответов затруднительно точно определить уровень и масштабы девиантного поведения в подростково-молодёжной среде. Реальная поведенческая допустимость перечисленных поступков, скорее всего, несколько выше, чем можно судить по ответам наших респондентов.

Обобщая результаты анализа ответов на эти вопросы, мы выделили условные группы поступков, вызывающих у респондентов неприятие различного уровня.

В первую группу попали поступки, вызывающие *наибольшее неприятие* (свыше 50% посчитали их категорически недопустимыми). Ответы представлены в порядке убывания значимости: *употребление наркотиков, физическое насилие, кража, отказ матери от своего ребёнка, самоубийство, неуважение родителей.*

В отношении перечисленных поступков большинство респондентов занимают резко отрицательную позицию. Это радует, но нужно понимать, что ответы респондентов отражают их *отношение* к поступкам, но не позволяют точно прогнозировать их *собственное поведение*. Результаты многочисленных социально-психологических исследований свидетельствуют, что последнее часто зависит от конкретных ситуативных обстоятельств, а не декларируемых установок. Этот факт, к сожалению, часто не учитывается при интерпретации результатов опросов, посвящённых поведенческим проблемам.

Во вторую группу были включены поступки, к которым наблюдается *высокий уровень терпимости*, т. е. более трети – четверти респондентов посчитали их допустимыми (вариант ответа «допустимо и является личным делом каждого»). Это: *интимные отношения до брака, употребление алкогольных напитков, интимные отношения без любви, курение, развод, вступление в брак без любви.*

Список, как можно видеть, достаточно удручающий. Кроме того, ответы респондентов, будучи подчинены «закону социальной желательности» (всегда действующему в подобных исследованиях и выражающемуся в явной или неявной самоцензуре респондентов в ответах на «скользкие» вопросы), достаточно близко отражают содержание публичного морального дискурса. Заметим, что поступки из первой группы попадают (по крайней мере, пока) в категорию осуждаемых в публичном морально-правовом поле. Тогда как поступки из второй группы, напротив, часто получают публичное одобрение и поддержку, становясь темами модных фильмов, книг и статей, музыкальных произведений и поведенческими атрибутами культовых фигур и персонажей. Эти поступки – суть поведенческое выражение гедонистических ценностей потребительской культуры, в которую подростки и молодёжь погружены почти стопроцентно.

Наконец, в третью группу мы включили поступки, *уровень терпимости* к которым хотя и ниже, чем к поступкам из предыдущей группы, но в целом *достаточно высок* и свидетельствует о *кризисе нормативного сознания* (т. е. посчитали допустимыми, пусть и с некоторыми оговорками, свыше 20% респондентов). Это: *проституция, аборт, супружеская измена, дача взятки должностному лицу, гомосексуализм*.

Полученные результаты не могут не вызывать тревогу. Даже без учёта поправок на снижение искренности (понятно, что с их учётом результаты будут ещё печальнее), уровень терпимости к таким формам поведения, как супружеская измена, проституция и аборт, можно расценивать в качестве симптома *глубокого морального кризиса*. Ввиду высокого уровня терпимости к свободным интимным отношениям, эти ответы свидетельствуют о кризисе ценностей семьи, наиболее подверженных деформирующему влиянию агрессивной массовой культуры. Ответы респондентов показывают, что сфера межполовых отношений для современной молодёжи в большей степени регулируется ценностями удовольствия, нежели ответственности и долга. Это наиболее проблемная, на наш взгляд, сфера нормативного сознания молодёжи, требующая особого внимания и заботы со стороны власти. В первую очередь – в области контроля содержания материалов СМИ и других продуктов массовой культуры.

На основании полученных результатов мы попытались составить *обобщённый социологический портрет типичного российского подростка*. При этом мы опирались на «сквозные» – согласованные от исследования к исследованию – мнения и ответы респондентов (лишь часть которых приведена здесь). Однако нужно помнить, что *любая обобщённая типизация всегда достаточно условна*. Отдельные люди являются носителями в более или менее выраженной степени типичных

Ответы респондентов показывают, что сфера межполовых отношений для современной молодёжи в большей степени регулируется ценностями удовольствия, нежели ответственности и долга.

качеств и свойств, которые при этом никогда не исчерпывают всего богатства и разнообразия личностных черт. Скорее речь идёт о некоторых, достаточно часто встречающихся на индивидуальном уровне, сходных особенностях поведения, мышления и образа жизни.

Итак, кто же такой сегодняшний подросток?

Он испытывает дефицит продуктивных увлечений и интересов. Большую часть свободного времени проводит, готовя уроки, в компании друзей, смотря телевизор или слушая музыку. Читает редко. Часто скучает и хотел бы заняться чем-нибудь интересным. Однако не знает, чем. Основная среда общения, в том числе доверительного, когда можно поговорить о проблемах, посоветоваться, – сверстники. Достаточно распространены агрессивные формы поведения, насилие, драки. Становясь жертвой насилия, подросток чаще всего переживает это в одиночестве, реже – рассказывает друзьям или родителям.

На фоне снижения интереса к чтению и разноголо- сицы телеэкрана у нашего героя наблюдается острый дефицит позитивной героики, образцов для подражания. При этом родители, как и школа, для нашего респондента – менее авторитетные источники интересной и полезной информации, чем телевидение и сверстники.

Современный подросток достаточно чётко определился в основных жизненных предпочтениях. В будущем он хочет иметь семью и воспитывать детей, иметь высокооплачиваемую и интересную работу и быть самостоятельным. И он знает, что путь к успеху – это много трудиться и работать над собой, получить качественное образование и не упустить свой шанс. С другой стороны, эти знания часто декларативны, на деле большая часть молодёжи демонстрирует приверженность ценностям удовольствий и развлечений, нежели усилий и достижений.

Типичный представитель учащейся молодёжи – «разумный эгоист». На первом месте для него личный успех и благополучие своё и близких. Его мало привлекают идеалы социального служения и гражданского долга. Он знает, что в современной жизни нужно быть уверенным в себе, умным и сильным, что в жизни плохо приходится людям доверчивым, слабым, одиноким и глупым. Представление о желательных личностных качествах складывается у современного подростка почти исключительно вокруг понятия «эффективность» и мало связано с нравственным измерением (добротой и честностью).

Его морально-нравственное сознание размыто. Он категорически против употребления наркотиков, физического насилия и самоубийства. В то же время достаточно терпимо относится к сексуальной свободе, абортам и проституции. Считает, что воровать – плохо, но при этом терпимо относится к взяткам. В целом мораль типичного подростка носит выраженный гедонистический характер и во многом определяет

(наблюдаемый у значительного числа подростков) *деформированный нравственно-психологический профиль личности*. Его составляющие: *выраженная прагматичность ценностных ориентаций, размытость морально-нравственных ориентиров, пассивность, безволие, инфантилизм*.

Разумеется, возможна иная интерпретация представленных результатов, сформулированная кратко как призыв «не сгущать краски»: *«Ну есть проблемы у молодёжи, а когда их у неё не было? Меняется социум, меняется культура, меняется мораль. Молодёжь – индикатор перемен, которые делают современность “текучей” (З. Бауман) и труднопони-маемой для консервативного сознания её отцов и учителей»*. Что ж, существует и такая точка зрения. Однако тот факт, что сфера нормативно-ценностного сознания молодёжи представляет собой обширное поле деятельности не только для учёных-исследователей, но и для практиков (педагогов, органов власти и внутренних дел, церкви, молодёжных организаций и т. п.), сомнения не вызывает. Ведь именно этой молодёжи в ближайшем будущем предстоит определять, какой станет Россия.

Между Р. Мертоном и А. Коэном: попытка концептуализации

Попытка как-то концептуализировать приведённые выше факты и размышления заставляет обратиться к потенциалу признанных теорий девиантного поведения. В качестве наиболее «работающих» нам видятся теория социального напряжения Р. Мертона и субкультурная теория А. Коэна.

Соединив положения этих двух теорий, мы получаем типологию девиантных субкультур. Из [таблицы 4](#) видно, что представленные типы различаются между собой прежде всего тем, какая из форм девиантного поведения (по Р. Мертону) является в каждом из них доминирующей. Но если первые три типа девиантных субкультур – криминальная, протестная и отступающая – достаточно давно описаны в научной литературе и учебниках, то введение четвёртого уровня – потребительской субкультуры – дополняет эту типологию. Здесь мы опираемся на расширительное толкование мертоновского понятия «*ритуализм*». Сам Мертон под этим термином понимал разочарованность социальных акторов в достижении социально значимых целей, в первую очередь богатства и успеха, при соблюдении ими институциональных норм [Мертон 1992]. Мы же в данном случае трактуем *ритуализм* как *вообще формальное, внешнее выполнение социальных обязательств (учёба, работа, помощь по дому и т. п.) при низкой заинтересованности в содержании выполняемой деятельности* (например: учиться не хочу, но деваться некуда).

Таблица 4

Типология девиантных субкультур

Тип субкультуры	Доминирующий вид поведения	Господствующие ценности	Отношение к нарушениям норм	Носители
1. Криминальная	Иновация (противозаконные методы достижения целей)	Успех и благополучие. Сила и дисциплина. В то же время, ценятся ум и организаторские способности с точки зрения их полезности	Инструментальное – нарушают, если это выгодно, и не нарушают, если невыгодно	Организованные преступные группы, коррумпированные представители власти. Отчасти – профессиональные преступники
2. Протестная	Мятеж (протест против общества)	Насилие, секс, противопоставление себя обществу, верность альтернативному образу жизни	Ценностное – нарушают публично и принципиально, противопоставляя себя обществу	Фанаты, мотоциклетные банды, бродяги, футбольные болельщики. Отчасти – профессиональные преступники
3. Отступающая	Отступление (отказ от ценностей общества)	Нет ясной системы, часто ценится непохожесть, альтернативность. Пассивный гедонизм	Не принципиальное	Алкоголики, наркоманы, сторонники «компыю-терного» образа жизни, «готы», поклонники «альтернативной музыки» (уличный рок)
4. Потребительская	Ритуализм (формальное отношение к нормам и правилам)	Удовольствие и потребление. Формальное принятие «нормальных» ценностей, пассивность, отсутствие интересов.	Случайное, «от скуки», иногда, как следствие стремления испытать удовольствие (например, алкоголь или порнография)	«Обычные подростки» из «благополучных семей», не имеющие выраженных целей и интересов, скучающие, любители «раслабухи»

Именно четвёртый субкультурный тип является, с нашей точки зрения, доминирующим в подростково-молодёжной среде. Его характерные черты – пассивный гедонизм и отсутствие настоящих интересов, лень, безволие носителей этой субкультуры. Представители этого типа, в отличие от носителей других субкультур, не оформляются в более или менее локальные группы, а диффузно «размыты» в социуме. Вхождение в субкультуру, как и выход из неё, не сопровождается какими-либо формами социальной идентификации и может быть эпизодическим и неоднократно повторяемым.

Разумеется, сказанное не более чем попытка постановки проблемы, которая ещё требует серьёзного уточнения и анализа. Однако, в силу специфики определённой культурной традиции, напрашивается извечный вопрос русской интеллигенции: что делать?

Что делать?

Один из ответов может быть таким: вспомнить об исторической миссии интеллигенции – простой и величественной. Она состоит в воспроизводстве смыслов. Общество ведь нуждается в двух видах пищи – материальной и духовной. И если задача класса менеджеров и предпринимателей заключается в воспроизводстве пищи материальной, задача класса «силовиков» – в обеспечении материальной (физической) безопасности, то задача интеллигенции – воспроизводство пищи духовной и обеспечение безопасности духовной. На практике это означает нахождение правильных символов для выражения правильных идей.

Возникает вопрос – «Разве можно делить идеи на правильные и неправильные?!». Можно! Правильные идеи в любом обществе – это те, которые выражают, с одной стороны, общечеловеческие смыслы (Милосердие, Правда, Долг, Верность и др.), а с другой – специфические смыслы конкретной культуры. Такие идеи прекрасны и необходимы обществу: богатство и разнообразие национальных культур в них объединяются общечеловеческим содержанием ключевых ценностей.

И универсальные, и национально-культурные смыслы выражаются с помощью различных символов (слов, картин, звуков музыки) и языков (литературы, музыки, живописи и т. д.). Но любые символы неизбежно стареют, перестают будить ум и сердце, и тогда смыслы уходят. Таково свойство человека – привычка лишает даже великие символы их силы. И возникает соблазн сомнения: истина становится туманной, неоднозначной, и всё большее количество людей *всерьёз* повторяют скептический вопрос Пилата: «Что есть Истина?».

В такие моменты на исторической сцене культуры всегда появляется множество авантюристов, провозглашающих «смерть старого мира», отрицающих вечные ценности и соблазняющих общество сломанными табу. XX век дал тому множество примеров – от лозунга русского футуризма: «сбросим Пушкина, Достоевского и Толстого с парохода современности» до лозунга американской контркультуры: «секс, наркотики и рок-н-ролл». В такие моменты и проявляется великая историческая миссия интеллигенции – найти новые символы для вечных смыслов, вернуть культуру в лоно общечеловеческих и национальных ценностей, донести до людей правду на понятном им языке. Если не удаётся это совмещение общечеловеческого и национального, то народ (нация, культура) погибает.

И здесь на первый план выходит не наука с её рациональным дискурсом, а искусство с его способностью обращаться к разуму через сердце. «Воспитание добродетели» – вот ключевая задача социально ориентированного искусства. Вспомним опыт СССР: 1920-50-е гг. – это расцвет жанра плаката, наглядной агитации (помимо расцвета специфической детской литературы типа «Честное слово» Л. Пантелеева или «Что такое хорошо» В. Маяковского). Там превалируют позитивные образы, вызывающие *потребность в приобщении*, желание следовать за ними, быть похожими. Главная задача сегодня – вызвать эту потребность в приобщении позитивным образом. Здесь и заключается собственно творческая часть работы. Художникам и писателям 1930-х это удавалось, с учётом культуры и психологии их аудитории. Сегодня психология и культура изменились очень сильно, но есть надежда, что глубинные архетипы нашей культуры, имеющие православные религиозные корни, всё ещё живы. Ключевое в этих архетипах – поиск смысла и милосердия – то, что лежит в основании великой русской классической литературы. Но сегодня, к сожалению, для большинства молодёжи язык культурной классики – мёртвый язык. Оживить настоящие ценности и добродетели – вот тот вызов, на который должны ответить российская интеллигенция вообще и социально ориентированное искусство в частности. Ибо если ответа не будет, нам предстоит в самом ближайшем будущем окончательно переселиться в постчеловеческую реальность постмодерна.

Библиографический список

1. Бауман З. 2002. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос.
2. Бодрийар Ж. 2000. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Перевод с фр. Н. В. Сулова. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

Оживить настоящие ценности и добродетели – вот тот вызов, на который должны ответить российская интеллигенция вообще и социально ориентированное искусство в частности.

3. Борцов Ю. С., Матяш Д. В., Харламова Г. С. 1999. Феномены социокультурного пространства (власть, музыка, смерть, информационные технологии). – Ростов-на-Дону.
4. Бьюкенен П. Дж. 2003. Смерть Запада / Пер. с англ. А. Башкирова. – М.: АСТ.
5. Зимбардо Ф., Ляйппе М. 2001. Социальное влияние / Пер. с англ. – СПб.: Питер.
6. Змановская Е. В. 2003. Девиантология. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия».
7. Комлев Ю. Ю. 2011. Уголовно-правовой рецидивизм в молодежной среде: девиантологическая перспектива профилактики с позиций теории стигматизации // Феноменология и профилактика девиантного поведения / Материалы 5-й Всероссийской научно-практической конференции 17-18 ноября 2011 г. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России.
8. Кравченко С. А. 2009. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. – М.: Анкил.
9. Краткий анализ состояния преступности. 2010 // Бузулукские новости. 9 декабря.
10. Макинтайр А. 2000. После добродетели: Исследование теории морали / Пер. с англ. В. В. Целищева – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга.
11. Мертон К. Р. 1992. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. № 3.
12. Остапенко А. А. 2011. Типы нарушений нормального взросления несовершеннолетних в семье и пути их преодоления // Хагуров Т. А., Остапенко А. А., Чепелева Л. М. Индивидуальная профилактическая работа с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении. – Краснодар: Холидэй.
13. Позднякова М. Е. 2009. К проблеме алкогольного поведения населения России // Феноменология и профилактика девиантного поведения / Материалы 3-й Всероссийской научно-практической конференции 29-30 октября 2009 г. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России.
14. Позднякова М. Е. 2010. Алкоголизация населения как фактор дестабилизации Российского общества // Феноменология и профилактика девиантного поведения / Материалы 4-й Всероссийской научно-практической конференции 28-29 октября 2010. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России.

15. Покровский Н. Е. 2005. О совершенствовании преподавания теоретико-социологических дисциплин // Социологические исследования. № 10.
16. Потреблятьство: болезнь, угрожающая миру. 2001 / Дж. де Грааф, Д. Ванн, Т. Х. Нэйлор; Пер. с англ. Н. Макарова. – М.: Ультра. Культура.
17. Проблемы духовно-нравственного состояния общества и подрастающего поколения. 2009 // Милосердие.ru. Православный портал о благотворительности и социальной деятельности. 02.10.2009. URL: <http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=20&s=24&id=10259> [Дата посещения: 23.10.2013].
18. Седляк В. 1997. Homo electronicus // Культурология. XX век: Дайджест / Российская Академия наук. Институт научной информации по общественным наукам. Т. 1. – М.
19. Солдатова Г. В. 2012 // Дети в информационном обществе. Журнал. URL: <http://detionline.com/journal/authors/articles/soldatova> [Дата посещения: 23.10.2013].
20. Статистика самоубийств среди подростков в России. Справка // РИА Новости. 20.02.2012. URL: <http://ria.ru/spravka/20120220/570313334.html> [Дата посещения: 23.10.2013].
21. Хагуров Т. А. 2006. Консьюмеризация образования: обучающие и воспитательные дисфункции современной школы в контексте распространения потребительской культуры // Народное образование. № 9.
22. Хагуров Т. А. 2010. Кризис идеального как генератор девиаций в российском обществе // Феноменология и профилактика девиантного поведения / Материалы 4-й Всероссийской научно-практической конференции 28-29 октября 2010. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России.
23. Хагуров Т. А. 2011. Высшее образование: между служением и услугой // Высшее образование в России. № 4.
24. Хагуров Т. А., Чепелева Л. М., Войнова Е. А., Резник А. П. 2011. «Трудные» подростки в «трудном обществе» (опыт социологического исследования нормативного сознания и образа жизни региональной молодежи 2000-х). – Краснодар: Холидэй.

Риски современной России

Социальные риски малого бизнеса в России

Оганьсян Юлий Степанович – доктор исторических наук, профессор Центра политологии и политической социологии ИС РАН

E-mail: nozhnov@mail.ru

Социальные риски малого бизнеса в России

Аннотация

В статье анализируются проблемы развития малого бизнеса в условиях современной России. Доказывается необходимость государственной поддержки для преодоления рисков, которые не позволяют малому бизнесу стать основой экономики страны

Ключевые слова: рыночная экономика, малый бизнес, риски, государственная поддержка, приватизация, предпринимательство

Реставрация капитализма в России начиналась с малого бизнеса. И это исторически оправданно, поскольку отвечает социальной природе капитализма, соответствует его общему генезису и предполагает постепенное, поэтапное становление рыночной экономики. В конце 1980 – начале 1990-х гг. всеобщий дефицит потребительских товаров двинул массы людей в открывшийся рынок. Повсюду возникали мелкие кафе, закусочные, торговые заведения. Массы «челноков» устремились в сопредельные страны за дешёвым ширпотребом. Обыватели предвкушали наступление эры изобилия колбасы, колготок, магнитофонов и т. п. Социологи предрекали превращение мелких бизнесменов в основу нового среднего класса. Хозяин лавки или закусочной едва ли не стал героем дня, кто (говоря словами известного исследователя, «гуру» малого бизнеса Майкла Гербера) «думает, что жизнь и бизнес – одно и то же», кого отличают «предпринимательский риск, азарт начинающего игрока, гордость за собственный поступок, навсегда вырвавший его из серой массы «обладателей рабочих мест» [Гербер 2005: 6].

Сбылись ли эти ожидания? Сегодня, спустя четверть века, с уверенностью можно утверждать только одно: малый бизнес действительно стал пионером постсоветского рынка. В остальном же бывшие надежды во многом оказались иллюзорными. «Колбасное» и прочее товарное изобилие состоялось. Но обеспечили его не мелкие производители, а крупные комбинаты и сетевые снабженческие и торговые структуры. Как это ни прискорбно, малый бизнес стал скорее не основой среднего класса, а источником новых социальных изгоев. Научные работники, инженеры, учителя и другие представители совет-

ской интеллигенции, захваченные в своё время рыночной стихией, во множестве люмпенизировались, оказались за чертой бедности. Только за 2012-13 гг. прекратили свою деятельность более 300 тысяч малых предприятий. Глава Российского союза промышленников и предпринимателей Александр Шохин в марте 2013 г. в интервью каналу РБК-ТВ отмечал: «По разным оценкам, десятки и сотни тысяч человек уже уходят реально из производственного процесса, они окажутся обузой для бюджета, перейдут на социальное иждивение, станут получать пособия, будут регистрироваться на бирже. Их семьи не смогут себя обеспечить достойным уровнем жизни, появятся «новые бедные» [Шохин 2013].

Таким образом, сама попытка заняться бизнесом представляет собой большой риск, чреватый угрозой социального бедствия для начинающего предпринимателя. Где следует искать причины? Видимо, в характере и условиях перехода к рыночной экономике. Развитие капитализма в постсоветской России пошло не эволюционным путём, а стало скачкообразным процессом, инициированным сверху, – высшими кругами партийной и хозяйственной номенклатуры. Именно в руки её представителей и разного рода проходимцев, сумевших заручиться поддержкой новой власти, попала львиная доля государственной собственности в результате криминальной по сути приватизации, проведённой всего лишь за несколько лет. На развалинах советской экономики возник дикий капитализм, сформировавшийся по далёкой от классической парадигме «власть–деньги–власть». Все рентабельные отрасли производства, финансов и торговли оказались под контролем крупных монополий, тесно связанных с политическими элитами.

Малому бизнесу достались лишь жалкие крохи со стола приватизации. Он оказался на её обочине. Крупный бизнес его не замечает. Власть воспринимает его скорее как помеху, чем как объект социальной поддержки. Характеризуя притеснения малого предпринимательства со стороны власти, председатель организации защиты предприятий «Бизнес-солидарность» Яна Яковлева отмечает, что «чиновник всегда прав, а предприниматель вечно виноват». У чиновников, по её словам, «нет никакой ответственности и спросить не с кого: мелких предпринимателей они давно воспринимают как «погрешность» [Чуракова 2013]. Нельзя сказать, что власть изначально не поддерживала малый бизнес, а он, в свою очередь, был беззащитным «мальчиком для битья». В мае 1995 г. вступил в действие Федеральный закон «О государственной поддержке малого предпринимательства в России». Он предоставил (по крайней мере, на бумаге) малому бизнесу целый ряд социальных льгот, связанных с налогообложением, предоставлением земельных участков, арендой помещений и т. д.

Малый бизнес стал скорей не основой среднего класса, а источником новых социальных изгоев.

Малому бизнесу достались лишь жалкие крохи со стола приватизации. Он оказался на её обочине.

Знаковым событием стал также первый в истории страны Всероссийский съезд представителей малых предприятий (февраль 1996 г.) Согласно материалам съезда, на конец 1996 г. в России насчитывалось 817 тысяч малых предприятий, которые обеспечивали средства к существованию 40 миллионов человек. В отдельных регионах эти предприятия давали значительную часть налоговых поступлений в местные бюджеты (например, в Самарской области – около 30%) [Слуцкий 2000: 6]. Однако в последующие годы темпы роста численности малых предприятий в России начали сокращаться. На тысячу граждан страны в 1998 г. приходилось всего 5,64 предприятия по сравнению с 74,2 – в США, 68 – в Италии, 49,6 – в Японии и 46 – в Великобритании. Причём отмечались существенные диспропорции в уровне развития малого предпринимательства в регионах России. 40% из них расположены в Москве, Санкт-Петербурге и их областях. Ещё 40% малых предприятий приходилось на четыре относительно благополучных региона – Уральский, Западно-Сибирский, Северо-Кавказский и Поволжский. В остальных восьми регионах они находились в зачаточном состоянии. Другая диспропорция в развитии малого бизнеса в России – его приоритетная ориентация на сферу обращения, преимущественно торговлю и торговое посредничество.

В Российской Федерации прямые отношения малого бизнеса с властью ограничиваются в основном кругом общения с представителями региональной и местной администрации: губернаторами, их чиновным окружением, депутатами различных уровней, муниципалитетами, органами правопорядка. И практически каждый контакт с любым из них – от губернатора до рядового полицейского или пожарного – таит в себе определённую социальную угрозу. Откуда они исходят? Л. Слуцкий видит их корни в отсутствии стабильной правовой базы; условий для добросовестной конкуренции; в ярко выраженном фискальном характере налоговой политики; административном давлении; затруднённости ресурсного и финансового обеспечения [Слуцкий 2000: 69, 73].

Но, кроме этого, весьма опасны для малого бизнеса риски, создаваемые бюрократическим произволом и криминалитетом, «социально близким» администрации именно на региональном и местном уровнях, тогда как такого рода близость на уровне федеральном – между олигархами и правительством – после прихода В. В. Путина к верховной власти оказалась в значительной мере подорванной.

Социальные риски испытывает малый бизнес и в постсоциалистических странах Восточной и Центральной Европы. Но здесь, по-видимому, они не столь значительны, как в России. На это, в частности, обращают внимание зарубежные исследователи. Так, английский экономист А. Килгрэн отмечает, что

Практически каждый контакт с любым из чиновников – от губернатора до рядового полицейского или пожарного – таит в себе определённую социальную угрозу.

из-за названных препятствий в России рост малого бизнеса происходил гораздо медленнее, чем в постсоциалистических странах Восточной Европы, и не оказывал существенного влияния на экономику. По его данным, в 1997 г. в Польше насчитывалось 2 млн малых предприятий, тогда как в России всего 900 тысяч. Этот разрыв представляется ещё более внушительным, если учесть, что в России население в 3,5 раза превышает польское. Вновь созданный сектор экономики малого бизнеса в Польше был основной силой экономического развития: в конце 1990-х гг. малые и средние предприятия производили две трети ВВП. В Чехии и Венгрии также отмечался стабильный рост малых предприятий, которые значительно увеличили свою долю в общем выпуске промышленной продукции. В 1996 г. на малые и средние предприятия в Венгрии приходилось 64% занятого населения. В России же доля малого бизнеса в общей занятости составляла в 1999 г. всего 12,8%, а ВВП не превышала 10-12% в течение всего периода 1990-х гг. [Kihlgren 2009: 193].

Важными показателями для определения роли и места малого бизнеса в экономике и социальной жизни являются его функциональные характеристики: участие в инновационном проектировании и экспериментальном внедрении инноваций (в США на малые предприятия приходится более половины создаваемых инноваций, а на одно рабочее место на таких предприятиях инноваций внедряется в 2,5 раза больше, чем в крупном бизнесе); сдерживание монополизации рынка крупными производителями; оперативное «заполнение» ниш рынка или целых отраслей, где крупный бизнес малоэффективен. Как правило, это отрасли сферы услуг, в которых важным элементом деятельности является личное взаимодействие продавца, как представителя предприятия, и покупателя. Малый бизнес выполняет также важные социальные функции: является фундаментальной основой формирования среднего класса; создаёт новые рабочие места, причём их стоимость обычно ниже в сравнении с крупным бизнесом; вовлекает в процесс общественного воспроизводства дополнительные трудовые ресурсы (пенсионеров, несовершеннолетних, многодетных матерей и др.); формирует в обществе «идеологию предпринимательства».

Что касается взаимодействия малого бизнеса и рыночной среды, то, во-первых, из-за относительно небольших рынков ресурсов и продаж малый бизнес не может активно влиять на их конъюнктуру (например, диктовать цены), но при этом малое предприятие более гибко и лучше приспособлено к изменениям рыночной конъюнктуры, чем большое. Во-вторых, персонафицированный характер отношений между менеджером и клиентами представляет собой инструмент активного маркетинга, поскольку малое предприятие использует возможность индивидуального подхода к обслуживанию клиента.

В США на малые предприятия приходится более половины создаваемых инноваций, а на одно рабочее место на таких предприятиях инноваций внедряется в 2,5 раза больше, чем в крупном бизнесе.

Следует подчеркнуть и в целом инновационную роль малого бизнеса в социально-экономическом развитии. В экономической науке и социологии отмечается, что, наряду с традиционным для XIX в. видом конкуренции, основанным на лидерстве по издержкам, может существовать более эффективный вид конкуренции, основанный на монопольном владении продуктами, технологическими, организационными, ресурсными и прочими инновациями. Такой вид монополии был назван эффективной монополией. К началу XXI в. инновационный ресурс стал одним из решающих в конкурентной борьбе. Малый бизнес показал в этой области свою чрезвычайную эффективность. Считается, что в разработке и коммерциализации новых продуктов и технологий малые инновационные предприятия на один-два порядка более эффективны, чем большие фирмы. Уровень инновационности определяет не только конкурентоспособность отдельных фирм, но и конкурентоспособность территорий. Отсюда бурное развитие технологических парков, бизнес-парков, бизнес-инкубаторов в США, Японии, Западной Европе при прямой или косвенной поддержке центральных и местных властей, а в Европе – и Евросоюза. Россия ещё далеко не реализовала свой потенциал в этой области. Инновационный продукт составляет лишь незначительную часть производства малых предприятий [Горфинкель, Попадюк 2013].

По мнению А. Килгрена, развитие малого бизнеса представляется органичным процессом с момента начала рыночных реформ, хотя ему уделялось мало внимания – малый бизнес не нуждается в специальной политике, направленной на его развитие. В некоторых странах с переходной экономикой он процветает, несмотря на определённые сдерживающие моменты. Как только предоставляется экономическая свобода, предприниматели находят новые возможности для производственной деятельности, и это создаёт условия для появления нового класса частных предпринимателей, которые заинтересованы в экономическом росте. Во всех отмеченных странах малое предпринимательство было «мотором экономического восстановления». В России этого не произошло. Причина состоит в отсутствии эффективной системы государственной поддержки, призванной стать одной из направляющих линий социальной политики. Ситуация в этом плане мало чем отличалась от других трансформирующихся экономик. Ни в одной из перечисленных выше стран Восточной Европы не было специально разработанной политики развития малого предпринимательства до середины 1990-х гг., однако оно там развивалось довольно успешно [Kihlgren 2009: 195].

Макроэкономическая нестабильность, особенно высокий уровень инфляции и бюджетный дефицит в значительной степени объясняют экономическую депрессию и слабое развитие

В разработке и коммерциализации новых продуктов и технологий малые инновационные предприятия на один-два порядка более эффективны, чем большие фирмы.

предпринимательства в России. Политическая нестабильность также оказывала негативное воздействие. Но основными причинами слабого развития малого бизнеса в России А. Килгрэн считает следующие: отсутствие предпринимательской культуры; существование сильных заинтересованных групп, которые придерживаются теории об избирательном вознаграждении экономической деятельности. Он во многом прав. Отсутствие предпринимательской культуры в России имеет исторические корни. Десятилетия «реального социализма» и антирыночные предрассудки до сих пор влияют на формирование предпринимательского менталитета. Частное предпринимательство в России имело относительно слабые традиции даже до революции, а при советской власти любая предпринимательская деятельность была запрещена. В отличие от России, в других социалистических странах Европы предпринимательство было развито до прихода к власти коммунистов и допускалось в известных пределах плановой экономикой. Поэтому в них предпринимательские традиции не были полностью разрушены и стали одной из основ развития бизнеса в реформирующемся обществе.

С первых шагов постсоветских реформ и до сегодняшнего дня в России велись и ведутся бурные дискуссии о необходимости государственной поддержки малого бизнеса. Этим публичным обсуждениям уже более 20 лет. Но государство не торопится оказывать ему действенную поддержку. Малые предприятия существуют как бы сами по себе, насыщая потребительский рынок, организовывая миллионы рабочих мест, худо или бедно выплачивая налоги. Однако в стране продолжает действовать система притеснения малого бизнеса. Делать это просто, так как в российских условиях он далеко не прозрачен, при желании у любого предпринимателя можно найти грехи. А где грехи, там большая скрытность, невозможность обращаться в случае необходимости к правоохранительным органам. Там, наконец, и возможность поборов со стороны бюрократов и криминала. В руки чиновников всех уровней и бандитов, минуя государственную казну, до сих пор уходят миллиарды рублей. Трудности у представителей малого бизнеса начинаются с первых шагов: тяжкий путь при регистрации юридического лица, сложности при лицензировании и т. д. Всё это требует не только больших усилий, но и унижений, и взяток. Выступая в начале 2005 г. на конференции «Конкурентоспособность России и малый бизнес» Герман Греф признал, что «местные начальники, не стеснясь, пропагандируют явно неправовые методы решения проблем – создание фондов для поборов с бизнеса, систем предпочтений» [Законопроект... 2013].

Вполне естественно поэтому повсеместное недовольство бизнесменов властью. Исследование, проведённое ВЦИОМ «Условия и факторы развития малого предпринимательства

Макроэкономическая нестабильность, особенно высокий уровень инфляции и бюджетный дефицит в значительной степени объясняют экономическую депрессию и слабое развитие предпринимательства в России.

В стране продолжает действовать система притеснения малого бизнеса. Делать это просто, так как в российских условиях он далеко не прозрачен, при желании у любого предпринимателя можно найти грехи.

в регионах России», показало явное и вполне обоснованное недоверие малого бизнеса к местным властям. Всего 0,7% опрошенных уверены, что можно отстаивать интересы своего бизнеса вопреки желанию чиновников. Причём предприниматели, по данным того же опроса, опасаются региональных чиновников даже больше, чем криминальных вымогательств. Одним из факторов давления на компании остаются высокие ставки арендных платежей, доходящих до 70% бюджета предприятий [Крестникова, Левшина 2002: 39-40]. Загнанный в угол предприниматель зачастую уходит в тень, начинает жить по криминальным понятиям. Возможности для этого тем более благоприятны, что доминирующие отрасли малого предпринимательства – торговля и услуги населению, в отличие, например, от производства и строительства, легко позволяют переступить легальные установления.

Риск неотделим от искушения. Играя втёмную, предприниматель, как правило, умножает свою выгоду. К тому же, он вступает в зону, где тень, так сказать, «узаконена» криминальными понятиями в федеральном масштабе. В среднем, размер российской теневой экономики оценивается в 30-40% ВВП, тогда как в США и Швейцарии около 9%, в Китае – 13,5%, в Индии – 24%. По показателю теневой экономики Россия где-то рядом с Габонем и Сальвадором. Значительно обгоняет нас только Грузия, где теневая экономика составляет более 60%. Комментируя эти данные, Н. В. Карпова, исполнительный вице-президент группы «Ренессанс Страхование», пишет: «Эта часть экономики давно уже приобрела свою структуру и институты. И, как во многих развивающихся странах, «тьень» нашей экономики развивается более эффективно, чем официальная, «белая» часть. Конечно, когда предприниматель находится в области теневой экономики, возможности развития его предприятия ограничены, а он сам постоянно подвергается риску уголовной и административной ответственности». Показательны и следующие цифры, приводимые автором. В СИЗО и колониях содержится около миллиона предпринимателей, т. е. каждый шестой. В среднем в год против них возбуждается примерно три миллиона уголовных дел, «так что предприниматели, занимающиеся легальным бизнесом, подвергаются риску уголовного преследования не меньше, чем «теневики» [Карпова 2011].

С другой стороны, одним из элементов, формирующих среду функционирования малых предприятий в России, является рэкет, который не только замедляет их развитие, но и ставит под угрозу сам процесс рыночных преобразований. Организованная преступность в стране превратилась в хорошо отлаженную систему, позволяющую ей держать под контролем финансово-хозяйственную деятельность любого предприятия малого бизнеса в своей «зоне влияния». Основными причинами

Риск неотделим от искушения. Играя втёмную, предприниматель, как правило, умножает свою выгоду.

развития рэкета являются отсутствие эффективной защиты со стороны государства, а также поведение самих бизнесменов, склонных выводить себя за рамки правового пространства.

Рассматривая социальные риски малого бизнеса, нельзя обойти негативное воздействие такого фактора, имеющего системный характер, как коррупция. Основной её причиной является сложившаяся схема отношений между властью и предпринимателем, в основе которой заложены три взаимосвязанных звена: распределение – разрешение – контроль. Каждое из этих звеньев в практике взаимоотношения власти и бизнеса обнаруживает коррупционную составляющую. Коррупция задействует также право чиновников распоряжаться ресурсами, предоставляемыми бизнесу государством (земельные участки, коммуникации, налоговые льготы и т. п.). Финансовая поддержка малого бизнеса остаётся весьма ограниченной. Согласно опросу руководителей малых предприятий об источниках финансирования бизнеса, 70% респондентов на первое место ставят доходы от собственной деятельности, 21,7% – личные средства учредителей. Среди источников финансирования 17,9% опрошенных назвали кредит коммерческих банков; но другие источники, в том числе и государственные ресурсы, указали лишь 10-15% предпринимателей. Государственная поддержка малого бизнеса в основном сводится к разработке программ содействия его развитию. Средства же на реализацию этих программ доставались не самим предприятиям, а различным структурам. Точнее, просто разворовывались. То же самое происходит и с теми средствами для поддержки малого бизнеса, которые поступали из-за рубежа. Поскольку российская система поддержки предпринимательства создавалась со значительным, если не преобладающим, финансированием со стороны зарубежных доноров (при том или ином участии государства), то в её деятельности фактически имел место некий симбиоз. Доноры предоставляли финансовую помощь, требуя при этом от властей подтверждения того, что деньги потрачены получателем. В свою очередь, российские чиновники сами денег не имели, но могли засвидетельствовать это. Третьей стороной в этой связке были исполнители программ – организации так называемой «инфраструктуры поддержки». Среди них тоже сложилось разделение функций: так, московские головные организации сетей занимались лоббированием и оптовой перепродажей программ в регионы, а региональные – реализацией не только «московских» программ на местах, но и своих региональных проектов, а также коммерческой деятельностью на местном рынке (консалтингом, обучением, кредитованием и др.) [Ореховский, Широнин 2005: 55]. Словом, когда деньги доходили до конкретного бизнесмена, от них в лучшем случае оставались крохи.

Финансовая поддержка малого бизнеса остаётся весьма ограниченной. Государственная поддержка в основном сводится к разработке программ содействия его развитию. Средства же на реализацию этих программ доставались не самим предприятиям, а различным структурам.

Специальные исследования показали, что в среднем регистрация предприятия занимает 49 человеко-дней рабочего времени, стоит официально 235 долларов, а всего же обходится в 357 долларов. Для деятельности 32% обследованных малых предприятий не требовались какие-либо лицензии и разрешения. Для остальных получение нужных лицензий заняло 47 человеко-дней рабочего времени, стоило официально 494 доллара, всего же – 576 долларов. Теневые расходы значительно превышают эту сумму. Местная власть вынуждена содействовать развитию малого бизнеса хотя бы потому, что она заинтересована в увеличении сбора налогов. Но если налоговые поступления увеличатся и это будет отражено в официальной отчетности, то утратится один из действенных аргументов при требованиях финансовой поддержки со стороны вышестоящих бюджетов. Это снижает интерес местной власти к малому бизнесу. Имеет место и конфликт интересов, когда чиновники, призванные развивать предпринимательство на своих территориях, ведут также и собственный бизнес, которому стараются создать привилегированные условия за счёт других предприятий. Даже в тех случаях, когда региональные и местные органы власти добросовестно стараются разработать политику поддержки предпринимательства, зачастую оказывается, что они не всегда умеют это делать [Ореховский, Широинин 2005: 67, 69].

В целях изучения практики разработки и реализации местной экономической политики Леонтьевский центр провёл анкетирование, в котором приняло участие 70 муниципальных образований из 32 субъектов РФ. Согласно данным исследования, чаще всего используются следующие инструменты экономической политики (указан процент респондентов, отметивших данный инструмент): предоставление налоговых льгот (75,5); создание возможностей для общения бизнеса и власти (74,3); консультирование субъектов предпринимательства (74,3); льготы по аренде помещений (72,9); предоставление муниципальных гарантий (70,0); развитие информационных услуг для предпринимательства (68,6). К числу наименее популярных инструментов относятся: антимонопольная политика (25,7); реализация комплексных программ маркетинга города, создание и продвижение его инвестиционного имиджа (24,3); строительство или реконструкция помещений для продажи или предоставления в аренду с целью организации производства (21,4); организация бизнес-инкубаторов, технопарков для предприятий (20,0); подготовка и инженерное обустройство определённых земельных участков для передачи застройщикам (18,6); совместное продвижение товаров и услуг под единой торговой маркой, содействие в маркетинге продукции (17,1); создание агентств городского развития и привлечения инвестиций (7,1).

Региональные и местные власти имеют разные возможности предоставления преференций. Областная власть может лоббировать интересы бизнеса при получении государственных

или зарубежных заказов, контролировать ценообразование на местном рынке, устанавливать размеры арендных ставок на землю. Ресурсы городской власти сопоставимы по значимости с ресурсами областной власти – это землеотводы, арендные отношения, бюрократические послабления, касающиеся упрощения процедуры оформления разрешительных документов, гарантированные подряды, льготная плата за использование муниципальной собственности.

В настоящее время не приходится говорить о существенных изменениях в лучшую сторону в развитии малого бизнеса. В целом ситуация в этой сфере не внушает оптимизма. Риски остаются. Правительство, принимая государственные программы в целях поддержки малого бизнеса, не торопится внедрять их в жизнь и не проявляет последовательности в этом направлении. Программы декларативны и работают весьма слабо. Вероятно, необходимы иные подходы. Основное стимулирование надо осуществлять на базе эффективного налогообложения в сочетании с банковской реформой, чтобы у малых предприятий появился доступ к кредитным ресурсам, которые сегодня для них малодоступны. Из 880 тысяч малых и средних предприятий России только 13-15 тысяч имеют финансовую поддержку. Однако сдвигов в этом плане фактически нет. Напротив, обозначились сдвиги в обратном направлении. В 2012 г. было принято правительственное постановление об удвоении малыми предприятиями страховых взносов, что означало, по мнению газеты «Новые известия», объявление войны малому бизнесу [Чуракова 2013]. Десятки тысяч малых предприятий закрылись, либо ушли в тень. Проблема стала такой острой, что в её решении был вынужден принять непосредственное участие президент В. В. Путин. На созванном в марте 2013 г. он, в частности, указал на срочную необходимость исправления возникшей ситуации [Путин обещал... 2013].

Выполнению этой задачи могло бы содействовать предоставление малым предпринимателям права выкупать вне конкурса арендуемые ими государственные и муниципальные помещения. Только будучи собственниками, малые предприниматели смогут брать кредиты и развивать свой бизнес. Стоило бы продумать вопрос о финансировании малых предприятий и процедуру его решения, чтобы избавиться от коррупции в этой сфере. Малый бизнес ожидает правительственных мер, направленных на создание условий для развития специальных инвестиционных фондов, в том числе фондов прямых инвестиций, фондов рискованного капитала. Само по себе внимание государства к проблемам малого бизнеса можно только приветствовать. Но простого внимания мало, нужна реальная поддержка.

Всё это усложняет становление малого бизнеса, подталкивает его к уходу от налогов, так как взятки, систематические поборы чиновников и особенности теневого рынка

В настоящее время не приходится говорить о существенных изменениях в лучшую сторону в развитии малого бизнеса. В целом ситуация в этой сфере не внушает оптимизма.

требуют крупных наличных сумм. Отсюда недоверие предпринимателей к бюрократии любого уровня, недовольство и криминальный флёр, который сопутствует этому бизнесу.

Малый бизнес может стать одним из основных источников налоговых поступлений в госбюджет. И не его вина, что до сих пор малые предприниматели выплачивают меньшие налоги, чем могли бы при большей поддержке государства. На заседании Совета по развитию малого и среднего предпринимательства в Совете Федерации сообщалось, что в Москве налоги, которые платит малый и средний бизнес, составляют около 50% всех налоговых поступлений. В Санкт-Петербурге этот показатель равняется 30%, а в среднем по России – не более 12%. Последняя цифра свидетельствует о ведущей роли теневой экономики в этой области. По данным Госкомстата РФ, до четверти валового внутреннего продукта России не учитывается официальной статистикой и не включается в валовой национальный продукт. Учёные Санкт-Петербургского университета экономики и финансов в течение ряда лет изучали теневую экономику. По их сведениям, в Санкт-Петербурге официальной статистикой не учитываются 43% экономики. До 100% предприятий в Санкт-Петербурге так или иначе уклоняются от уплаты налогов. 80% питерского бизнеса «крышуются» неформальными и государственными структурами. От 80 до 100% предпринимателей платят работникам зарплату неучтённой наличностью [Поддержка... 2009].

Мировой опыт показывает, что кардинальное расширение масштабов деятельности малых предприятий и увеличение их вклада в экономическую и социальную жизнь требует создания системы адресной государственной поддержки малого бизнеса на всех уровнях – федеральном, региональном и местном. Следует учитывать и то, что в последнее время усиливается отток капитала из страны. Содействие развитию малого бизнеса, видимо, может способствовать решению и этой проблемы. Задача государства не только в том, чтобы просто передать предприятиям малого бизнеса финансовые, технические и иные ресурсы. И не в том, чтобы поддерживать их любой ценой, а в том, чтобы создать правовые и экономические условия для их выживания и развития в условиях рынка. По сравнению с западным, российский бизнес существует в обстановке неразвитой правовой системы и всесильной исполнительной власти, ориентированной на собственные интересы. Поэтому те вопросы, которые в других странах решаются с помощью правовых механизмов, у нас обычно решаются неформальными, теневыми, коррумпированными способами: «Российское предприятие является не только и даже не столько комплексом отношений сторон (учредителей, персонала, менеджмента, акционеров, клиентов и контрагентов), закреплённых юридической поддержкой государства, а прежде всего интерфейсом между данным бизнесом и органами власти, озабоченными соблюдением своих интересов. Поскольку речь

В последнее время усиливается отток капитала из страны. Содействие развитию малого бизнеса может способствовать решению этой проблемы.

здесь идёт не только об официальных ведомственных интересах, но и об участии в бизнесе самих представителей власти, имеет место нечестная конкуренция, масштабы которой можно оценить количественно» [Общество... 2005: 62-63].

Несмотря на все трудности, малый бизнес в России развивается. Однако этот процесс не столь успешен, как можно было бы ожидать при должном внимании со стороны государства и правительства. Затронутые выше вопросы во многом связаны с объективными обстоятельствами. Российское общество всё ещё переживает переходный период. Строительство рыночной экономики далеко от завершения, равно как создание правового государства и утверждение демократических норм в политической и социальной жизни. Для России ещё не пришла пора следовать либеральной рекомендации Ф. Фукуямы о том, что программы общественной политики должны заключаться «не в концепции активного правительственного вмешательства в экономику, а в том, чтобы убрать государство с дороги индивидов и сообществ, которые хотят построить социальный порядок для самих себя» [Фукуяма 2004].

А пока же социальные и иные риски малого бизнеса невозможно устранить либо смягчить вне воздействия на них государственной власти. Затраты на поддержку малого бизнеса вернулись бы сторицей. Самое трагичное в сложившейся ситуации то, замечает председатель Всероссийского движения «За честный бизнес» Илья Хандриков, что огромные деньги выводятся за рубеж, не облагаясь налогами, а малый бизнес «доют» по полной программе. «Всё отношение власти к бизнесу видно на примере Кипра – за эти деньги они реально борются, а малый бизнес никого не интересуется. Фактически его просто убили» [Чуракова 2013].

Словом, государственная поддержка малого бизнеса жизненно необходима. Это очевидно. Проблема в другом. Какой характер имеет влияние государства на бизнес? Чему государство служит? К каким реальным последствиям ведёт? Вот вопросы, на которые пока что нет ясных ответов. Малый бизнес без государственной поддержки обречён на жалкое прозябание, а при такой поддержке, какая оказывается сейчас, он вынужден кормить огромную свору взяточников и уголовников вместо того, чтобы обеспечивать благосостояние российского общества.

Библиографический список

1. Шохин А. Н. 2013. Малые предприниматели рискуют стать российскими «новыми бедными» // Официальный сайт Ресурсного центра малого предпринимательства. URL: <http://www.rcsme.ru/news.asp?SecionId=1&NewsId=66210> [Дата посещения: 10.10.2013].

Пока социальные и иные риски малого бизнеса невозможно устранить либо смягчить вне воздействия на них государственной власти. Затраты на его поддержку вернулись бы сторицей.

2. Горфинкель В. Я., Попадюк Т. Г. 2013. Малый инновационный бизнес. – М.: ИНФРА-М.
3. Законопроект о госзакупках может стать «гораздо более серьёзным инструментом развития малого бизнеса». 2013. // Стратег.ру (сетевое издание). URL: <http://stra.teg.ru/lenta/etrade/169> [Дата посещения: 10.10.2013].
4. Карпова Н. 2011. Обречён ли малый бизнес в России. Статистика малого бизнеса // Веб-портал «социальная сеть малого бизнеса». URL: <http://b2bzona.org/2012/02/24/small-business-russia-statistics-2011> [Дата посещения: 10.10.2013].
5. Крестникова И., Левшина Е. 2002. Корпоративная филантропия: мифы и реальность. Результаты социологического исследования. – М.: Charities Aid Foundation.
6. Гербер М. 2005. Малый бизнес: от иллюзии к успеху. – М.: Олимп-Бизнес.
7. Общество и экономика. 2005. № 12.
8. Ореховский П., Широнин В. 2005. Малое и среднее предпринимательство в России // Общество и экономика. № 12.
9. Поддержка малого и среднего бизнеса в Северо-Западном федеральном округе / Леонтьевский центр, Санкт-Петербургский фонд развития бизнеса. – СПб. 2009.
10. Путин обещал решить вопрос льгот предприятиям при федеральных вузах. 2013 // Российская газета. Официальный сайт. URL: <http://www.rg.ru/2013/04/01/lgoty-anons.html> [Дата посещения: 10.10.2013].
11. Сайфиева С. Н. 2012. Налогообложение малого предпринимательства: практический аспект // Финансы. № 10.
12. Слуцкий Л. Э. 2000. Развитие малого предпринимательства в Российской экономике. – М.: Финансы и статистика.
13. Чуракова О. 2013. Не ваше дело. Российские власти фактически объявили войну малому бизнесу // Новые известия. 25 марта. URL: <http://www.newizv.ru/economics/2013-03-25/179854-ne-vashe-delo.html> [Дата посещения: 10.10.2013].
14. Фукуяма Ф. 2004. Великий разрыв. – М: АСТ; «Ермак».
15. Kihlgren A. 2009. Small business in Russia – factors that slowed its development: an analysis // Communist and post-communist studies. – Los Angeles. Vol. 36. N 2.

Summary

Vladimir Bogdanov

The Town of Belev: Research of Visual Environment

Abstract

Results of approbation of a technique of photographic supervision and method of the visual analysis on a joint of visual and ecoanthropocentric sociology are presented in the article. Methodological and culturological aspects of visual research in a context of studying of problems of Belev and Belevsky district of Tula region are considered.

Keywords: visual sociology, ecoanthropocentric sociology, sociology of government, visual research, photographic supervision technique, method of visual analysis, diagnostics of a social situation

Irina Khaliy

Ivanovo Region: Breaking the Stereotypes

Abstract

The paper presents the results of visual analyses in the city of Ivanovo and some other towns of Ivanovo region. It is shown what data could be gained while using such method on the first stage of the scientific research.

Keywords: visual analyses, social and cultural context, city space, city infrastructure, scientific hypotheses

Olga Aksenova

Lost City: Media Construct and Reality

Abstract

The paper presents the visual observation data gathered during field research in Tambov region. Scientific value of this methodological instrument is demonstrated. The presented data reveals the radical difference between observing social reality and its media constructs.

Keywords: field research, visual observation, Russian regions, construction of social reality, social and cultural development, media

Cyril Podyachev

Nizhni Novgorod Region: Industrial Center and Keeper of Crafts

Abstract

The author using the methods of visual analysis examines the results of research conducted in May 2013 in Nizhny Novgorod region. It is shown that despite the negative image of the Russian provinces, generated by mass media, life goes on, and clearly visible is the improvement of the immediate environment of local residents.

Keywords: region, traditions, transformations, municipal management, civil society, visual sociology

Valeriy Mansurov, Olesya Yurchenko

The Sociology of Professional Groups: the History and Perspectives

Abstract

The paper is centered on the historical analysis of the formation of sociology of professional groups in our country. We have analysed the nature, the role and the implications of this scientific trend. The advantages of the combination of the national and Western approaches to the studies of professional groups were stated.

Keywords: sociology of professions, social status of professional groups, historical research

Irina Shmerlina

The Russian Budgetary Reform in Municipal Authorities Judgments

Abstract

The article is based on the analysis of judgments about the budgetary reform (i. e., the reform of financing of the social sphere's institutions) stated by the heads of municipal divisions during expert survey. The concept and model of reform, as well as possible consequences of its realization in present Russian conditions are under consideration.

Keywords: budgetary reform, administrative reform, socially effective state, budgetary and autonomous public / municipal institutions

Elena Kolesnikova

Preschool Teachers: the Specificity of Professional Groups and Services Market

Abstract

The paper allows to allocate the main points of a situation of preschool teachers in the period of institute reforming. Difficult situation of preschool teachers is caused by increase of demand for this service, on the one hand, and the mass of unsolved problems of the sector, defining status positions of group, on the other hand.

Keywords: Sociology of professions, sociology of education

Temyr Khagurov

Deviances, Social Control and Risks of a Growing in the Modern Russia

Abstract

Article is devoted to the description and analysis of risks of the growing, caused by system dysfunctions of the main institutes of socialization and social control – a family, school, the justice, culture. Theoretical reflections correspond to large volume of these empirical researches. The author reflects over possible ways of an exit from the existing crisis of education.

Keywords: risks of a growing, deviant behavior of teenagers, crisis of social regulators, mass art, intellectuals mission

Yuliy Oganisyan

Social Risks of Small Business in Russia

Abstract

The article analyzes problems of small business development in modern Russia. The author proves the necessity of the state support to cope with risks, which do not allow small businesses to become the backbone of the economy of the country.

Keywords: market economy, small business, risks, state support, privatization, entrepreneurship

Онлайн приложение

Морган В. Д.

Максим Горький как социальный педагог:
новое прочтение

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук
Издатель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук

Председатель международного редакционного совета:
Владимир Александрович Ядов

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Зинаида Тихоновна Голенкова,
Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Перевод аннотаций на английский язык: Михаил Фёдорович Черныш

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 19 октября 2012 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-51453

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
E-mail: vestnik@isras.ru
Размещение журнала: <http://www.vestnik.isras.ru>